

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 4

МАТЕРИАЛЫ VII НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ—1955

Печатается по постановлению Института археологии АН УССР

Редакционная коллегия:

Действ. член АН УССР *П. П. Ефименко* (ответственный редактор),
член-корр. АН УССР *Л. М. Славин*, доктор истор. наук *М. Я. Рудинский*.

VII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

В феврале 1954 г. в Киеве проходила VII научная конференция Института археологии Академии наук Украинской ССР, посвященная знаменательной исторической дате — 300-летию воссоединения Украины с Россией.

В работе конференции активное участие приняли ученые Москвы и Ленинграда, производящие археологические исследования на территории Украины, а также делегаты историко-археологических учреждений академий союзных республик и филиалов АН СССР.

На пленарных и секционных заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 72 доклада и сообщения, посвященные итогам и задачам археологического изучения территории Украинской ССР и результатам экспедиционных археологических исследований, осуществленных на Украине в течение 1952 и 1953 гг.

Кроме того, был заслушан и обсужден ряд докладов и сообщений участников конференции об археологических исследованиях в братских республиках — РСФСР, Белоруссии, Молдавии и Грузии.

Конференцию открыл директор Института археологии действительный член АН УССР П. П. Ефименко, посвятивший свое вступительное слово 300-летию воссоединения Украины с Россией. VII научная конференция, указал П. П. Ефименко, ставит своей задачей подведение итогов плодотворной работы последних лет по изучению археологических памятников на территории Украины общими усилиями археологов Киева, Москвы, Ленинграда, Львова, Харькова, Одессы и других научных центров нашей страны.

Затем был заслушан доклад В. А. Дядиченко (Институт истории АН УССР) «Воссоединение Украины с Россией и его историческое значение». Докладчик отметил, что украинский народ, оторванный от своего старшего брата — великого русского народа в результате агрессии польских, литовских и венгерских феодалов, сultанской Турции и крымских ханов, на протяжении веков вел неустанную борьбу с врагами за воссоединение с русским народом в едином Русском государстве. Эта вековая борьба приобрела особенно большой размах в конце XVI и в первой половине XVII в. Дальнейшим ее продолжением явилась народно-освободительная война 1648—1654 гг. под руководством выдающегося государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого, закончившаяся знаменательным историческим актом — воссоединением Украины с Россией на Переяславской раде 8 (18) января 1654 г.

В. А. Дядиченко остановился также на огромном прогрессивном значении воссоединения Украины с Россией для всего дальнейшего исторического развития русского и украинского народов. Особо важное значение имело оно для исторической судьбы украинского народа, для его дальнейшего национального, экономического и культурного разви-

тия. Навеки связав свою судьбу с братским русским народом, украинский народ спас себя от иноземного порабощения и обеспечил себе возможность национального развития.

В заключение докладчик подчеркнул решающее значение братской дружбы трудящихся России и Украины, руководящей роли русского народа в борьбе всех советских народов под руководством Коммунистической партии за построение коммунизма в нашей стране.

С докладом «Археологические исследования в Переяславе-Хмельницком» выступил М. К. Каргер (Институт истории материальной культуры АН СССР). Докладчик сообщил об открытии замечательных архитектурных памятников древнего Переяслава — одного из крупнейших городов Киевской Руси.

В докладах П. П. Ефименко «Состояние и ближайшие задачи археологического изучения территории Украинской ССР», И. Г. Шовкопляса «Основные результаты полевых археологических исследований Института археологии АН УССР за 1952—1953 гг.» и М. Ю. Смишко «Археологические исследования Института общественных наук Львовского филиала АН УССР в 1952—1953 гг.» были подведены итоги полевых исследований археологов Украины в 1952—1953 гг. и намечены задачи дальнейших археологических работ в ближайшие годы.

В этих докладах особое внимание было уделено освещению результатов экспедиционных исследований на территории югоукраинских новостроек, осуществляемых Институтом археологии АН УССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР. Докладчики единодушно отмечали, что успехи украинских археологов стали возможными лишь благодаря их творческому сотрудничеству с учеными братских республик и прежде всего с русскими учеными, непосредственно принимающими постоянное участие в археологических исследованиях на территории Украинской ССР.

Итогам и задачам дальнейших исследований Ольвии был посвящен доклад Т. Н. Книпович (ИИМК АН СССР) и Л. М. Славина (Институт археологии АН УССР) «Основные результаты раскопок в Ольвии за 1952—1953 гг. и задачи ее археологического изучения».

На секционных заседаниях конференции были заслушаны доклады и сообщения, посвященные изучению памятников каменного века и эпохи меди, трипольской культуры, эпохи бронзы, скифо-античного и раннеславянского времени и эпохи Киевской Руси, а также отдельным вопросам древней истории Украинской ССР.

Ряд докладов, в частности, касающихся вопросов периодизации позднего палеолита, происхождения и характера трипольской культуры, происхождения и ранней истории восточных славян и др., вызвал оживленный обмен мнениями и дискуссии, прошедшие в обстановке принципиальной научной критики и самокритики.

В обсуждении докладов приняли участие: П. П. Ефименко, В. Н. Даниленко, Е. Ф. Лагодовская, А. В. Добровольский, И. Г. Шовкопляс, В. А. Ильинская, Д. Я. Телегин, А. И. Тереножкин, А. И. Фурманская, М. И. Вязьмитина, Ф. М. Штительман, Л. Д. Дмитров, Е. В. Махно, В. И. Довженок, А. Т. Брайчевская, Д. Т. Березовец, М. Ю. Брайчевский, В. И. Канивец (Институт археологии АН УССР), В. В. Данилевский (Сектор истории техники АН СССР), П. Н. Третьяков (Институт славяноведения АН СССР), М. И. Артамонов, Б. А. Латынин (Государственный Эрмитаж), Т. С. Пассек, П. И. Борисковский, С. Н. Бибиков, Т. Н. Книпович, М. К. Каргер, А. И. Мелюкова, Н. Н. Погребова, И. И. Ляпушкин, А. Н. Карасев (ИИМК АН СССР), Л. М. Славин (Киевский госуниверситет), И. Г. Пидопличко (Институт зоологии АН УССР), П. Н. Шульц (Крымский филиал АН СССР), М. Ю. Смиш-

ко (Львовский филиал АН УССР), К. М. Поликарпович, В. Р. Тарасенко (Институт истории АН Белорусской ССР), А. Н. Каландадзе (Институт истории АН Грузинской ССР), Б. А. Шрамко (Харьковский государственный университет), Э. А. Сымонович (Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), К. А. Раевский (Артиллерийский исторический музей) и др., всего 72 человека.

Работа конференции показала, что наряду с определенными успехами украинских археологов в области экспедиционных исследований в их работе имеются и серьезные недостатки, исправление которых должно стать одной из первоочередных задач. Главными недостатками являются значительное отставание публикации материалов, крайне малое количество обобщающих работ по важнейшим вопросам древней истории Украинской ССР, а также заметное ослабление экспедиционных исследований в области изучения раннеславянских (корчеватовских, черняховских и роменско-боршевских), древнерусских и ряда других памятников.

В принятой резолюции намечены конкретные мероприятия по исправлению указанных недостатков и принята широкая программа археологических исследований на Украине на ближайшие годы. В резолюции отмечается необходимость объединения усилий археологов Украины и братских республик для широкого археологического изучения древних памятников территории Украинской ССР, имеющих чрезвычайно важное значение для освещения древней истории всей европейской части СССР.

В работе конференции, кроме научных сотрудников Института археологии, приняли участие работники Института истории материальной культуры АН СССР и его Ленинградского отделения, Института славяноведения АН СССР, Государственного Эрмитажа, Крымского филиала АН СССР, институтов АН УССР—истории, языкоznания, искусствоведения, фольклора и этнографии, зоологии, Института общественных наук Львовского филиала АН УССР, Академии архитектуры УССР, институтов истории Академии наук—Белорусской ССР, Грузинской ССР и Латвийской ССР, Киевского, Харьковского, Ленинградского и Воронежского университетов, Винницкого педагогического института, Киевского, Львовского, Днепропетровского, Черниговского и Хмельницкого исторических, Одесского археологического, Житомирского, Хмельницкого, Закарпатского, Ровенского, Волынского, Николаевского, Херсонского, Станиславского, Винницкого, Белгород-Днестровского, Бердичевского краеведческих музеев Украинской ССР, Ленинградского артиллерийского музея и Московского музея изобразительных искусств, всего 157 человек.

VII научная конференция Института археологии явилась ярким выражением тесного научного содружества археологов Украинской ССР и братских республик нашей страны.

РАСКОПКИ В г. ПЕРЕЯСЛАВЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ

M. K. КАРГЕР

(Ленинград)

Город Переяслав-Хмельницкий, ныне районный центр Киевской области, принадлежит к числу древнейших городов нашей Родины. В древнерусских летописях Переяслав-Хмельницкий, называвшийся в ту пору Переяславль Русский, упоминается впервые в связи с событиями самого начала X в. В летописном рассказе он фигурирует в числе крупнейших городов Киевской Руси, наряду с Киевом и Чернитовом.

Летописец относит закладку города кн. Владимиром Святославичем, совершенную после победы над печенегами, к началу 90-х годов. В противоположность первому летописному известию летописная запись под 992 г. носит фольклорный характер, представляя наивную попытку объяснения имени города.

В XI—XII в. Переяславль — столичный город Переяславского княжества — не раз упоминается на страницах летописей в связи с различными событиями военной и политической истории Киевской Руси. Летописные известия свидетельствуют о своеобразном архитектурном облике города, сложившемся к концу XI в. в результате широкой строительной деятельности, развернувшейся здесь в 80—90-х годах XI в.

Между 1237 и 1240 гг., еще до взятия Киева, Переяславль был захвачен и разгромлен одним из татарских разведывательных отрядов. Татаро-монгольские полчища разорили город и превратили в руины его богатую архитектуру. От многочисленных архитектурных памятников, которыми Переяславль славился в далекой древности, до наших дней не сохранилось почти ничего. Представить древнейший облик города, его своеобразную архитектуру, понять историческое значение города в развитии древнерусской культуры можно только с помощью археологических раскопок.

Отдельные случайные находки разнообразных памятников древнерусской культуры на территории Переяслава-Хмельницкого известны уже давно, хотя вплоть до недавнего времени они почти не привлекали к себе внимания исследователей. Археологическое изучение города, если не считать небольших работ Д. Я. Самоквасова и дилетантских раскопок, проведенных в 80-х годах XIX в. до постройки новой Успенской церкви, началось совсем недавно. Раскопки, проведенные в 1945 г. Институтом археологии АН УССР при участии ИИМК АН СССР и ГИМ под руководством Б. А. Рыбакова, имели разведывательный характер.

В 1949 г. Переяслав-Хмельницкая археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и ИА АН УССР приступила к систематическим раскопкам на территории города. Раскопки, продолженные в 1952 г. иши-

роко развернувшиеся в 1953 г., увенчались открытием ряда архитектурных памятников XI—XII в.

В 1949 г. были открыты развалины храма Михаила, выстроенного в 1089 г. От этой когда-то прославленной постройки под землей сохранились не только фундаменты, но частично и стены. Храм, судя по материалам раскопок 1949 и 1953 гг., представлял большое пятинефное здание. Он был украшен мозаикой и фресковой росписью. На полу его сохранились фрагменты мозаичного ковра. По богатству и великолепию внутреннего убранства Переяславский храм Михаила не уступал одновременным постройкам Киева и Чернигова.

Переяслав-Хмельницкий. Деталь подсвечника из раскопок храма-усыпальницы второй половины XI в.

К развалинам храма Михаила примыкают многочисленные древние пристройки. Невдалеке от южной стены храма в 1953 г. обнаружены руины гражданской постройки дворцового характера.

Остатки храма Михаила открыты раскопками 1949 и 1953 гг. еще столь неполно, что попытку детальной реконструкции его первоначального вида приходится считать преждевременной. Для решения этой задачи необходимо открыть полностью этот древнейший архитектурный памятник Переяславля.

В 1952 г. на территории Переяславского детинца было заложено 32 разведочных раскопа общей площадью около 570 м². Разведками, широко охватившими всю территорию детинца, было установлено, что древний культурный слой, отражающий домонгольский период истории города, в этой части Переяслава-Хмельницкого, повидимому, полностью разрушен позднейшим строительством XVII—XVIII в.

Однако в самом центре детинца раскопками 1952 г. удалось обнаружить и почти полностью раскрыть руины еще одного древнего Переяславского храма XI в. Остатки здания в основном представляют лишь фундаментные рвы, на дне которых сохранилась бутовая кладка. Открытый раскопками 1952 г. миниатюрный одноапсидный храм, судя по данным строительной техники, следует отнести ко второй половине XI в.

В 1952—1953 гг. археологическому исследованию был подвергнут древний земляной вал, окружающий детинец и окольный город. Осуществленный раскопками разрез вала позволил изучить его сложную конструкцию. Вал состоял из дубовых срубов, плотно забитых землей или глиной. К этим срубам с наружной стороны примыкала кладка из

сырцовых кирпичей, связанная деревянным каркасом сложной конструкции. Вал Переяславского детинца чрезвычайно близок по своей внутренней конструкции к валу древнего Белгорода, исследованному раскопками В. В. Хвойки в 1909—1911 гг. Есть основания полагать, что оба эти сооружения относятся к концу X в.

На одном из участков города в 1952 г. были обнаружены остатки двух жилищ полуземляночного типа, одно из которых врезалось в другое. Оба они относятся к XII—XIII в. По своему типу Переяславские жилища напоминают массовые городские жилища XI—XIII в., открытые раскопками в Киеве, Чернигове, Вышгороде, Белгороде и в других южнорусских городах.

Широкий размах археологические раскопки в Переяславе-Хмельницком приобрели в 1953 г. Открытые в этом году архитектурные памятники XI—XII в. представляют исключительный интерес.

В огороде частновладельческой усадьбы на углу улиц К. Либкнехта и Спасской раскопан миниатюрный одноапсидный храм-усыпальница конца XI в. На его стенах сохранилась фресковая роспись, пол покрыт разноцветными поливными плитками. Внутри храма и возле его северной наружной стены расположены погребальные сооружения — склепы и гробницы. Этот храм-усыпальница при всей необычности его плана имеет ряд аналогий среди памятников русского зодчества XI—XII в. и прежде всего среди построек самого Переяславля и Переяславской земли.

На углу улиц Ленина и Шевченко в 1953 г. раскопаны развалины еще одного древнего храма. Это большой трехнефный шестистолпный храм, относящийся, судя по данным строительной техники, к XII в. В западной части храма расположено пять глубоких ниш аркосолиев, предназначенных для захоронений. На стенах храма сохранилась фресковая роспись. Этот храм, близко напоминая памятники киевского, черниговского, владимир-волынского, смоленского и рязанского зодчества XII в., в то же время имеет и некоторые отличительные особенности, свидетельствующие о самостоятельности Переяславских зодчих.

Открытые в Переяславе-Хмельницком остатки древних зданий XI в. ставят перед археологами важную задачу продолжения поисков тех построек XI—XII в., о которых повествует древний летописец.

Открытые раскопками 1949, 1952 и 1953 гг. руины древних зданий XI—XII в. наглядно свидетельствуют не только о высоком мастерстве Переяславских зодчих, но и о крупнейшем значении, которое имел древний Переяславль в сложении богатой культуры Киевской Руси. Яркая и самобытная древнерусская культура XI—XIII в. легла в основу самобытной культуры русского, украинского и белорусского народов.

РАСКОПКИ В ЧЕРНИГОВЕ

В. А. БОГУСЕВИЧ

Раскопки к западу от Сласского и к югу от Борисоглебского собора, проведенные Черниговской экспедицией Института археологии АН УССР в 1953 г., являются продолжением раскопок 1951 г., когда здесь были открыты нижние части каменного терема конца XI в. Тогда же в 4 м к югу от терема и в 12 м к западу от башни собора был найден угол кирпичной постройки XII в. Раскрытие ее и было предметом исследования Черниговской экспедиции в 1953 г. Раскопками было обнаружено небольшое (8×8 м) гражданское сооружение, от него сохранились две параллельные массивные стены: восточная и западная. Толщина этих стен достигала 2,5 м. В нижнем этаже здания между этими стенами находился пролет шириной в 3 м, перекрытый полуцилиндрическим сводом. Судя по развалу исследованного здания, оно имело не менее двух этажей и было увешано мозаикой, фресками и цветными поливными плитками. Восточные части исследуемых стен оказались сильно разрушенными ямами от посадки деревьев и поздних погребений. Однако, несмотря на эти повреждения, на восточной стороне западной стены сохранилась массивная полукруглая полуколонна, имеющая в диаметре около 1 м. Естественно предположить, что во внутреннем пролете здания этой полуколонне соответствовала подобная же полуколонна на западном фасаде восточной стены. Таким образом, южная сторона здания была наиболее парадной.

Строительная техника раскопанного сооружения — устройство фундаментов, характер кирпичной кладки, размеры кирпичей и знаки на них — позволяют датировать его второй половиной XII в. Весьма характерно устройство фундаментов и кладка стен. Нижняя часть фундамента сложена из рваного камня разных размеров, часто в два ряда, и имеет по вертикали в большинстве мест до 40 см. В других частях, например у северо-восточного угла, кладка достигает по вертикали 70 см. Она повсюду перекрыта слоем щебенки, состоящей в основном из кусков известняка. Местами этот слой достигает 40—50 см, иногда он значительно тоньше (10—25 см). Выше такого известкового слоя лежит уже регулярная наземная кладка. В отдельных частях фундамента кладка состоит из трех слоев: нижнего — из рваного камня, среднего — из щемянки и известняка и верхнего — из битого кирпича. Средняя глубина заложения фундамента равна 80 см.

Сохранившаяся часть наземной регулярной кладки в большинстве мест состоит из трех-четырех рядов кирпича. Только в южной части восточной стены сохранилась кладка из восьми-девяти рядов кирпича. Слои розоватой щемянки между ними имеют такую же толщину, как и сами кирпичи. Кладка стен наземных частей здания содержит только

кирпич и щемянку. Дикого камня в кладке не встречается. Нет также на фасадах утопленных рядов кирпича. В кладке применялся кирпич двух видов: при одинаковой длине и толщине, кирпич отличался по ширине ($25 \times 20 \times 4$ и $25 \times 17 \times 4$ см).

Другим важным источником определения времени рассматриваемого сооружения служат многочисленные и разнообразные знаки на кирпичах этой постройки. Всего было найдено 82 кирпича со знаками, одиночных знаков выявлено 27. Все они разделяются на две группы. Всемнадцать разновидностей знаков сделаны пальцем на постельной части кирпича. Другие знаки, насчитывающие девять разновидностей, исполненные в рельефе, помещены на торцовых сторонах кирпичей. Эти знаки делались при помощи деревянной формы, в которой изготавливали кирпич.

При расчистке завалов описанного сооружения XII в. были найдены многочисленные куски с фресковой росписью: зеленой, красной, коричневой, голубой. Повидимому, роспись носила декоративный характер. Найдены также довольно крупные кусочки желтой, зеленой и фиолетовой смальты, применявшейся, повидимому, для украшения полов и стен здания. Кроме того, здесь широко применялись разноцветные поливные плитки: зеленые, желтые, фиолетовые. Плитки имели различную толщину. Возможно, что одни из них (более толстые) употреблялись для полов, а другие (более тонкие) для украшения нижних частей стен.

В процессе раскопок обнаружен довольно разнообразный вещевой материал. Прежде всего следует отметить отдельные черепки от сосудов роменского типа, находившихся в наиболее глубоких слоях. Они свидетельствуют о том, что здесь до IX—X в. было поселение, предшествовавшее возникновению города. Выше шел слой, насыщенный кружальной керамикой IX—X в., связанной со следами сгоревших жилищ. В слоях, соответствующих по глубине залеганию фундамента описанной постройки XII в., находилась керамика XI—XII в.

В развале верхних частей постройки XII в. были обнаружены два свинцовых листа размером 85×35 см, дающие возможность установить действительные размеры свинцовых листов от крыш построек времени Киевской Руси.

Из других находок особый интерес представляет свинцовая вислая печать довольно крупных размеров с весьма тонким изображением архангела Михаила на одной стороне и четкой греческой надписью на другой.

Текст надписи на печати гласит: «Господи, помоги рабу своему игумену». Имя игумена не указано. Повидимому, эта печать принадлежала игумену одного из крупных русских монастырей, возможно Михайловского Выдубецкого, с которым во второй половине XI в. были тесно связаны княжившие в Чернигове Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах.

В развале стен были также найдены обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, бронзовые и железные пряжки, детский бронзовый браслет, железный нож с костяной рукояткой, костяной односторонний гребешок, железные наконечники стрел и фрагменты глиняной посуды с желтой и зеленой поливой.

Открытое раскопками сооружение являлось частью черниговского дворцового комплекса, расположенного у Спасского и Борисоглебского соборов. Этот княжеский двор в «Поучении» Владимира Мономаха назван «красным». Несмотря на наличие во второй половине XII в. другого княжеского двора в северо-восточной части детинца, где была

построена Благовещенская церковь (1186 г.), строительство на более древнем княжеском дворе в то время продолжалось.

Некоторые архитектурные данные позволяют предполагать, что дворцовые сооружения второй половины XII в. были связаны переходом с башней Спасского собора, подобно тому как это было в Боголюбовском замке и по летописному известию 1152 г.— в княжеских палатах в Галиче, соединенных с дворцовой церковью.

СЕЛИЩА И ГОРОДИЩА В ОКРЕСТНОСТЯХ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

В. И. ДОВЖЕНOK

Галицкая земля относится к числу тех феодальных княжеств древней Руси, где особенно сильно было развито боярское сословие и где оно играло наиболее значительную роль в политической жизни. Галицкие бояре приводили иноземцев, ставили и изгоняли князей, диктовали князьям свою волю, вмешивались в их частную жизнь и даже казнили их.

Политическая сила галицких бояр была основана на их экономическом могуществе. По данным летописи, бояре владели городами и дворами, которые находились на всей территории Галицко-Волынской земли. Археологические данные дают представление о таких владениях, расположенных вблизи Галича и окружавших его со всех сторон. Некоторые поселения и городища вблизи Галича принадлежали определенным лицам из среды галицкого боярства, имена которых известны по летописи.

Ряд боярских дворов и усадеб располагался к востоку от древнего Галича вдоль Мозолевого потока.

Культурный слой XII—XIII в. обнаружен в урочище Штепановка. Здесь же находилась церковь Ильи, фундаменты которой были открыты в 80-е годы XIX в. Название этого урочища можно связывать с именем известного боярина Ильи Щепановича. Здесь, очевидно, находился его загородный двор с церковью, построенной в честь его патрона.

В урочище Юрьевское раскопками 1941 г. было обнаружено древнерусское поселение и следы железоделательного и гончарного производства. Поселение в этом пункте, предположительно, можно связывать с владением одного из бояр — Юрия Прокоповича или Юрия Домарича, которые играли видную роль в политической жизни Галича.

Рядом находятся урочища Даниловское и Ивановское, которые в настоящее время покрыты лесом. В урочище Ивановское, возможно, находилась церковь Иоанна, упоминаемая в летописи под 1189 г., в которой был похоронен сын Ивана Берладника Ростислав.

В 5 км к юго-западу от древнего Галича в с. Викторов имеется большое селище XII—XIII в., расположенное на северо-западной окраине села на высоком плато над Луквой. Среди подъемного материала на поверхности селища обнаружены фрагменты керамики XII—XIII в. и керамические поливные плитки, украшавшие какое-то монументальное сооружение. Здесь, повидимому, в эпоху древней Руси находился один из боярских дворов.

На восточной окраине с. Викторов по правобережью Луквицы — притока Луквы, в двух пунктах обнаружены остатки стеклоплавильного производства. На поверхности в большом количестве встречаются камни с потеками стекла, куски стекла, фрагменты стеклоплавильных

тиглей с остатками застывшей стекольной массы. Среди остатков стекольного производства находятся фрагменты кухонной керамики XII—XIII в. и некоторые другие предметы, относящиеся к этому времени.

В окрестностях древнего Галича имеется ряд древнерусских городищ, известных в литературе: в с. Питрич, между современным г. Галич и с. Питрич, между с. Питрич и с. Викторов, в с. Селище и в с. Брини. Разведками 1951 г. были обнаружены городища в с. Шевченково и в с. Гробыско (пригород Галича).

Городище в с. Шевченково расположено на мысу при впадении в Днестр правого притока — р. Ломница. Укрепленная площадь отличается большими размерами — более 10 га; она делится на детинец и окольный город. На детинце стоит сохранившаяся до наших дней церковь Пантелеимона. Культурный слой городища интенсивно насыщен различными остатками. Большие размеры города, наличие укрепленного посада, насыщенность культурного слоя и наличие монументального архитектурного сооружения позволяют считать, что здесь находился значительный древнерусский город. Названия этого города летопись не сохранила. Возможно, что он являлся одним из городов, находившихся во владении крупного боярина или князя.

Городище в с. Гробыско расположено на мысу при впадении в Днестр другого правого притока — р. Луква. Оно занимает небольшую площадь — около 0,5 га. Валы и рвы разрушены и остались только незначительные их следы. Характер города и его топографическое положение позволяют видеть в нем остатки двора боярина Судислава Бернатовича, разрушенного войском Даниила Романовича в 1229 г.

Вдоль левого берега Луквы от г. Галича до с. Гробыско и вдоль правого берега Днестра от г. Гробыско до с. Шевченково во многих пунктах встречаются следы культурного слоя XII—XIII в. Вся эта территория в эпоху древней Руси была занята отдельными поселками, каждый из которых занимал сравнительно небольшую площадь. Можно думать, что здесь находились села, принадлежавшие, очевидно, галицким князьям и боярам.

В окрестностях древнего Галича находился ряд боярских усадеб, укрепленных дворов и замков. Боярские дворы и замки как бы блокировали столицу Галицко-Волынского княжества. Их владельцы, располагая экономической и военной силой, могли диктовать свою волю Галицкому князю.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛОДЯЖИНСКОГО ГОРОДИЩА

Р. А. ЮРА

Изучение древнерусского летописного города Колодяжина, разрушенного в 1241 г. татарами, производилось в течение пяти сезонов (1948, 1949, 1950, 1952 и 1953 гг.) Волынской экспедицией Института археологии АН УССР во главе с научным сотрудником В. К. Гончаровым.

Городище (площадью 1,5 га) расположено на крутом высоком берегу Случи, на окраине с. Колодяжное, Дзержинского района, Житомирской области.

В 1948—1950 гг. была вскрыта значительная площадь детинца и прилегающего к нему селища (до 3500 м²). В результате раскопок обнаружено 17 жилищ-клетей, располагавшихся вдоль южного края детинца, и 18 полуземлянок в его северной части. На селище было вскрыто 3 жилища полуземляночного типа. Собран большой и разнообразный археологический материал, ярко характеризующий состояние производительных сил и технику материального производства, социальные отношения, быт и культуру жителей городища.

Однако, несмотря на широкий размах раскопок 1948—1950 гг., остался невыясненным ряд вопросов общей планировки городища, в частности, устройство жилищно-фортификационного комплекса и характер застройки его центральной части.

С этой целью в 1952—1953 гг. основные работы были сосредоточены в северной и западной частях детинца, а также в его центре. Раскопки велись на площади более 600 м².

У северного края детинца обнаружены остатки пяти клетей, у западного — двух. По своему устройству и назначению они ничем не отличались от клетей, выявленных раньше. Таким образом, удалось выяснить, что жилища-клети, примыкавшие вплотную друг к другу, представляли собой как бы единую постройку, тянувшуюся вдоль всего края детинца и образовывавшую внутри своеобразный большой двор. Подобное устройство имело и известное Райковецкое городище, с тем, однако, отличием, что там отмечено применение системы террас.

В центральной части детинца были выявлены четыре полуземлянки, одна из которых исследована только частично, ввиду ее сильной разрушенности.

Наряду с другим инвентарем в них были найдены серебряная шейная гривна, вислая свинцовая печать, бронзовая фигурная булава и энколпion, что позволяет связывать их с наиболее зажиточной частью населения детинца. Эти находки заставляют также пересмотреть вопрос о принадлежности жилищ полуземляночного типа исключительно беднейшему люду древней Руси. Кроме того, две полуземлянки были вскрыты в северной части детинца и на селище.

В процессе раскопок было установлено, что внешний ров городища, сохранившийся к настоящему времени только с напольной восточной стороны, в древности ограждал его и с севера. Следовательно, большинство выявленных в предыдущие годы полуzemлянок, располагавшихся за внутренним рвом, находилось не на селище, как это представлялось раньше, а на самом детинце.

Колодяжин представлял собой, очевидно, княжеский замок, возникший в конце XI—начале XII в.

Изучение Колодяжинского городища и особенно селища еще далеко не закончено. Дальнейшие систематические раскопки несомненно дадут много новых и ценных материалов.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ПЛИСНЕСК

М. П. КУЧЕРА

Городище Плиснеск (летописный Плеснеск) упоминается в конце XII — первой половине XIII в. как город Галицкого княжества, граничный с Владимиро-Волынским княжеством. Имеется одно упоминание о Плеснеске и в «Слове о полку Игореве».

Городище находится в Олесском районе, Львовской области, в 2 км юго-западнее с. Подгорцы. Рядом с городищем, у его подножия, расположен хутор Плиснеск. Последнее является основанием для установления подлинного названия города, несмотря на разнотечения летописи и «Слова» (Плеснеск, Пленск, Преснеск).

Городище занимает площадь около 60 га и занято под пахотными землями.

В октябре 1953 г. производились небольшие раскопки на детинце (руководитель В. К. Гончаров).

Судя по материалам и стратиграфии, хронологические рамки существования жизни на детинце можно установить в пределах IX—XIII в. Более архаический керамический материал, встреченный вне комплексов, в нарушенном слое, возможно, явится основанием для перенесения нижней хронологической границы в VIII в. лишь после дополнительных исследований.

Из жилищ раннего периода открыто четыре землянки, из которых раскопано три. Все они оказались почти безинвентарными. Столбовая конструкция служила для поддержания перекрытия землянок и, вероятно, для крепления деревянной облицовки стен. В двух землянках выявлен развал печи-каменки, располагавшейся в углу. В третьей землянке обнаружены остатки двух печей-каменок. При двух землянках открыто по одной зерновой яме.

По незначительным керамическим фрагментам землянки датируются IX—XI в.

К позднему времени относится наземное столбовое сооружение (пока полностью не раскрытое), вероятно производственного назначения. Рядом с ним найдено много фрагментированной хорошей посуды развитых форм, с белой росписью. Здесь же обнаружены тигельки-льячки, окисленные сплавы бронзы, пинцет, бронзовые трехбусинные серьги киевского типа, фрагменты золоченой серьги. Внутри столбового сооружения выявлена яма с заготовкой гончарной глины. К позднему периоду существования городища следует также отнести и две наземные печи неизвестного назначения, возможно керамические. К остаткам наземных жилищ относится часть пода обычной печи, а также обмазка и уголь, повсеместно встречавшиеся на исследуемой площади.

Важным результатом раскопок следует считать установление трех строительных периодов на детинце. Две землянки оказались перекрывающими друг друга и разновременными. В свою очередь, на засыпке более поздней землянки впоследствии было построено наземное жилище, от которого сохранилась часть пода печи.

Большая площадь городища и вещественные остатки (поливные плитки, амфорная керамика, предметы ювелирного производства) свидетельствуют о том, что Плиснек не мог быть обычным феодальным замком, а являлся городом в собственном смысле слова.

РАСКОПКИ НА МИНСКОМ ЗАМЧИЩЕ

*B. P. ТАРАСЕНКО
(Минск)*

Раскопки на Минском замчище производились в течение семи лет, начиная с 1945 по 1951 г. Краткие информации о раскопках были опубликованы в 1950 и 1952 гг.

К концу раскопочного сезона 1951 г. общая площадь главного раскопа, на котором изучение культурных напластований мощностью до 7 м доведено до материка, составляла 560 м². В 1951 г. была вскрыта почти 1/3 площади, раскопанной в предыдущие годы.

Минское замчище расположено на небольшой возвышенности, находящейся в 100—150 м к югу от старого устья р. Немиги. Средняя высота ее достигает 7,5 м над окружающей местностью. Здесь, как показали раскопки, в XI—XIV в. находился городской детинец. С востока детинец защищала р. Свислочь, с севера и северо-запада — болотистое течение р. Немиги.

Город стоял на одном из водных торговых путей, проходящих по Днепру и Неману, связывающих Причерноморье с Прибалтикой.

В предшествующие годы на замчище удалось установить наличие остатков княжеского города XII—XIV в. с многочисленными следами ремесленного производства, торговли, укреплений и т. п.

На глубине 2,50—2,75 м в 1949—1951 гг. обнаружена каменная мостовая из мелкого булыжника, датирующаяся началом XVI в.

Ниже ее, на уровне 2,75—3,00 м, залегают хорошо сохранившиеся бревенчатые и досчатые мостовые, остатки срубных деревянных домов и хозяйственных построек, от которых обычно сохранились один-два нижних венца. Эти остатки со следами пожаров залегают четырьмя ярусами один над другим. По находкам они датируются временем с XII по конец XIV в.

Выше верхнего из этих четырех уличных настилов уже не встречаются находки, типичные для домонгольского периода древней Руси.

Ниже самой древней мостовой XII в. обнаружены руины каменного храма, состоящие из фундамента и самой нижней части стен. Уровень залегания стены в разных пунктах кладки достигает глубины 4,10—5,30 м от современной поверхности.

Из культурных слоев наибольший интерес представляет первый слой, содержащий остатки деревянного города XII—XIV в. Они состоят из четырех ярусов бревенчатых и досчатых жилых домов и хозяйственных построек. Наиболее ранняя из этих мостовых, залегающая на глубине около 4 м, немного выше верхней части сохранившейся храмовой стены, датируется второй половиной XII в.

Время, отделяющее сооружение второго и третьего настилов, было небольшим, повидимому, в пределах двух-трех десятилетий. Таким об-

разом, второй и третий настилы можно датировать первой половиной XIII в. Самым поздним является четвертый настил, который может быть датирован XIV в.

Как показали раскопки, общая планировка улиц и переулков более позднего яруса мостовых в целом неизменно повторяла более раннюю. Каждому из трех основных настилов (2-й и 3-й следует считать за один, подвергавшийся починке) соответствовал по времени целый комплекс жилых и хозяйственных построек в числе восьми—девяти срубов, от которых уцелело не более двух-трех нижних венцов. Судя по обугленности, все эти постройки сгорели.

Замчище было административным центром города, его цитаделью и убежищем для окрестного населения во время вражеской осады. Экономическая жизнь была сосредоточена в городском посаде, территорию которого, так же как и границы древнего города, установить пока не удалось. Имеются только некоторые общие данные.

К западу и юго-востоку от замчища найдены остатки деревянного города, аналогичного остаткам на самом замчище. Самый далекий пункт, на котором обнаружены такие остатки, находится на расстоянии не более 0,25 км к юго-востоку, на современной Торговой улице. Таким образом, можно сказать, что развитие города в древности шло в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях, в низине, занимающей треугольник, образуемый течением Немиги и Свислочи.

С северо-востока на юго-запад шла замощенная более широкая, очевидно, главная улица городского детинца. От нее на запад и восток отходили боковые улицы и переулки. По обеим сторонам улиц и переулков были расположены срубные бревенчатые жилые дома, хозяйствственные постройки и ремесленные мастерские (кожевенные, гончарные, ювелирные).

Судя по находкам, кроме названных уже ремесел, в городе были развиты также кузнечное, оружейное, бондарное, плотничное и другие ремесла, а также художественная резьба по дереву, кости и рогу и т. д.

В раскоп 1951 г. полностью вошли руины каменного храма XII в.

Руины храма залегали непосредственно под нижним ярусом бревенчатых уличных мостовых. Полное вскрытие остатков храма дало возможность установить его план.

Храм был трехнефный с выдающейся несколько вперед центральной, алтарной апсидой. Боковые апсиды имели в плане вид полудуг. План в основном квадратный. Выступ алтарной апсиды увеличивает длину храма до 16 м при ширине 12 м.

В средней части храма прослеживаются прямоугольные основания четырех столбов, сложенных из тщательно отесанных камней. Между этими столбами залегает каменная кладка, состоящая из свободно лежащих на земле валунов и дающая в плане почти точный квадрат со стороной в 3,50—3,75 м.

В 1950 г. на восточном конце южной стены была обнаружена внутренняя облицовка из гладко обтесанных и плотно скрепленных между собой известняковых брусков или плиток кирпичнообразной формы. Эта облицовка шла почти на всем протяжении южной и на южном конце западной стен.

Кроме того, выявлены ясные следы трех лопаток (выступов, расположивших в вертикальном направлении внутреннюю поверхность стен храма) — одной на южной и двух на северной стене, расположенных против внутренних пилонов.

Раскопки на замчище показали, что в середине XII в. руины храма, сооруженного в первой четверти XII в., были засыпаны землей, после чего произведена перепланировка улиц детинца.

О минском каменном храме в летописях сведений нет. Наиболее вероятно, что построен этот храм при князе Глебе Всеславиче (1101—1119). Внутри храма было обнаружено 21 погребение.

Возможно, что при сыне Глеба—Ростиславе и была произведена перепланировка детинца, в результате которой развалины храма были засыпаны, а сверху положены мостовые и возведены бревенчатые жилые и хозяйственные постройки.

КОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ X—XIII в.

П. А. РАППООРТ

(Ленинград)

Несмотря на крайнюю неполноту и отрывочность сведений, изучение древнерусских оборонительных сооружений позволяет выяснить, хотя бы в общих чертах, типы этих сооружений и общую картину их развития.

В оборонительных сооружениях VIII—X в. основную роль играли естественные препятствия, а также использование и усиление оборонительных свойств рельефа местности, в частности подрезка склонов холмов, на которых располагались укрепления. Из искусственных преград оборонительного характера рвы имели большее значение, чем валы. В укреплениях VIII—X в. валы, повидимому, не имели никаких специальных каменных или деревянных субструкций.

Начиная с конца X в. значительно увеличиваются размеры валов. В некоторых оборонительных валах начинает применяться внутренняя деревянная конструкция, состоящая из линии дубовых срубов, расположенных один рядом с другим и плотно забитых глиной. Перед этими срубами устраивалась стенка из сырцовых кирпичей, заключенных в деревянный каркас. Примеры такой конструкции, характерной только для конца X в. — валы Белгородки, Переяслава-Хмельницкого и городища у с. Заречье на Струге.

В XI в. начинает применяться несколько иной тип внутренней конструкции вала, состоящий из расположенных рядом дубовых срубов, но уже без употребления сырцовой кладки. Примеры конструкции такого типа — валы Старой Рязани, Вшижа, городище у с. Старые Безрадичи и др. В наиболее мощных валах этого типа в основании передней части вала расположена еще дополнительная деревянная конструкция, препятствующая оползанию переднего склона вала, как это имеет место в валах «города Ярослава» в Киеве.

Начиная с XII в. вместо срубов, расположенных один рядом с другим, во внутренней конструкции валов начинают применяться срубы, связанные друг с другом в одну цельную конструкцию. Пример такой конструкции — вал в Вышгороде. Вариантом этой конструкции являются валы, в которых деревянные срубы расположены в виде нескольких параллельных линий, причем наружная линия срубов забита глиной и является только конструкционной основой вала, а внутренние имеют также жилое и хозяйственное назначение, как это имеет место в Райковецком городище и в Колодяжне.

В X—XIII в. валы со специальными внутренними конструкциями устраивались только на тех укрепленных поселениях, которые имели большое военное значение. Во всех остальных укрепленных поселениях продолжали применяться земляные валы.

Рвы в русских укреплениях X—XIII в. имели симметричный про-

филь и остроугольное или слегка округленное дно. В основании валов в большинстве случаев устраивалась горизонтальная площадка — берма.

Изучение наземных конструкций X—XIII в. чрезвычайно затруднено тем, что в подавляющем большинстве эти конструкции были деревянными и не сохранились до нашего времени. Вплоть до XIII в. каменные стены строились лишь в единичных случаях, причем постройка этих стен, повидимому, объясняется не преимуществами каменной техники перед деревянной в строительстве военно-инженерных сооружений, а различными другими причинами (чисто художественные задачи, наличие местных традиций, экономичность и пр.).

Деревянные стены в русских укрепленных поселениях X—XIII в. строились как в виде простого частокола, так и в более сложном оформлении срубного характера. Подземные, внутривальные срубные конструкции составляли лишь нижние, влущенные в вал, части этих наземных срубных стен. Поэтому изучение подземных конструкций дает некоторые основания для выяснения форм наземных оборонительных сооружений. Повидимому, в X—XIII в. наземные деревянные стены всегда состояли лишь из одной срубной стены и не имели характера засыпанных землей клетей, как это было типичным для укреплений XVI—XVII в.

Ворота в древнерусских укреплениях иногда, повидимому, устраивались в виде проезда в частоколе, расположенному на валу. Однако в большинстве случаев проезд располагался не на валу, а на уровне площадки самого поселения и проходил, таким образом, сквозь вал. Сами ворота, очевидно, устраивались в виде деревянной башни с проездом в ее нижней части. В наиболее крупных древнерусских городах иногда сооружались каменные ворота, в верхней части которых была расположена надвратная церковь.

Изучение письменных источников и сопоставление их с имеющимися археологическими материалами дает основание утверждать, что башни в русской фортификации получили широкое распространение лишь в середине XIII в. В более раннее время в русских укреплениях широко употреблялись лишь воротные башни и отчасти наблюдательные вышки.

Через ров к воротам вели мосты, опиравшиеся на столбы. Для вылазок и скрытого сообщения внутри валов иногда делались подземные проходы — потерны, выводившие в рвы.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ЧЕРНИГОВЕ

Д. И. БЛИФЕЛЬД

Могильник в урочище Березки, названный Д. Я. Самоквасовым «Старое кладбище в Березках», находится в северной части Чернигова. От него в настоящее время сохранились незначительные остатки — всего около двух десятков насыпей.

По своим размерам сохранившиеся курганы различны — от еле заметных до 2—3 м высоты и до 10—15 м в диаметре.

В 1952 г. Черниговская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР с участием сотрудников Государственного Эрмитажа и Черниговского исторического музея исследовала 12 курганов различной величины. Только в семи из них обнаружены захоронения — шесть трупосожжений и одно трупоположение. Причем часть захоронений была в большей или меньшей мере разрушена поздними впускными могилами располагавшегося здесь в недавнее время кладбища. Несмотря на плохую сохранность значительной части курганов, раскопки дали весьма интересные результаты.

Для всех курганов с трупосожжением характерно сожжение на месте, на уровне древнего горизонта.

Кострище, обычно без достаточно четких очертаний, толщиной до 25 см в центре, постепенно утончаясь, сходит на нет. Оно состоит из скопления угля, золы и пережженных костей. В трех больших курганах (одном плохой сохранности) обнаружены значительные скопления обгорелых бревен, давших возможность проследить частично конструкцию погребального костра. Во всех указанных случаях удалось выяснить, что погребальный костер не представлял собой сложенных штабелем бревен, а являлся каким-то более сложным сооружением. Основным элементом конструкции этого сооружения был сплошной деревянный помост из бревен, лежавших в продольном направлении по линии запад—восток. Другие элементы конструкции сохранились плохо, но все же остатки некоторых обгорелых бревен, лежавших в поперечном к помосту направлении, дают основание предполагать наличие вертикальных столбов по углам помоста.

Такая конструкция погребального сооружения является принадлежностью только богатых погребений. Два хорошо сохранившиеся кургана с таким сооружением отличаются не только богатством инвентаря, но и типом захоронения в целом. В одном из них (курган 16), судя по характеру и расположению находок, обнаружено парное трупосожжение мужчины и женщины. Мужчина был похоронен в богатой одежде, украшенной множеством бронзовых бляшек. У головы покойника уже после потухания огня в кострище была вырыта яма, в которую положен колчан. Очень любопытным фактом можно считать захоронение собаки в ногах покойника.

В другом кургане (15) было, видимо, парное захоронение с конем. Оба погребенных лежали головой на восток, мужчина с севера, женщина с левой стороны от него. Соответственно этому располагался в основном инвентарь мужской, женской и конской принадлежности: поясной набор, наконечник стрелы, височное колечко, бусы, обломки уздеcek, бубенчики и пр.

В центре кострища, после того как огонь угас, была вырыта ямка, в которую затем поставлен был большой, наполненный пережженными костями горшок.

Рядовые захоронения отличались большей простотой конструкции погребального сооружения и незначительным количеством инвентаря (предметы туалета и личного обихода) и были несомненно одиночными. Из них можно отметить женское захоронение (курган 7), в инвентарь которого входит небольшое золотое височное колечко с завязанными концами и круглая подвеска с филигранью — редкая находка в курганах Черниговщины.

В целом инвентарь захоронений с трупосожжением, довольно многочисленный и разнообразный, в общем обычен для древнерусских курганов IX—X в. Особенно следует отметить обломки костяных художественных изделий, обнаруженных в большом количестве при парном захоронении с конем (курган 15); часть из них принадлежит, видимо, пластинкам от луки седла, подобным по форме известным находкам из Шестовицы. Следует также особо отметить бронзовые бляшки от одежды (курган 16) с инкрустацией и гравировкой. Они отличаются своеобразием техники и стиля и имеют широкое распространение именно на Черниговщине (Шестовица, Табаевка), что дает основание усматривать в них продукцию местного ремесла и, возможно, местной художественной, ювелирной школы.

Единственное исследованное в 1952 г. трупоположение заслуживает особого внимания. Курган, в котором оно обнаружено, принадлежит к числу больших. Под насыпью была раскопана большая могильная яма со срубом. Погребение в срубе оказалось полностью ограбленным еще в древности. Из инвентаря погребения в срубе остались только боевой топорик, обломки керамики и некоторые другие мелкие вещи. Самая интересная находка оказалась за восточной стеной сруба. Здесь обнаружено захоронение двух лошадей, лежавших вдоль стены ямы, головами в противоположные стороны. Одна лошадь была оседлана и взвинздана: по бокам скелета коня лежали стремена и пряжка от подпруги, в зубах — удила. Под второй, неоседланной лошадью сохранились остатки человеческого остова и при нем небольшая бронзовая лировидная пряжка. Первая лошадь принадлежит, видимо, погребенному в срубе, вторая его слуге-рабу, похороненному здесь же, вместе с ней.

Если славянская древнерусская этническая принадлежность погребенных в курганах с трупосожжением этого могильника не вызывает сомнений, то в отношении описанного срубного погребения этот вопрос решить значительно труднее, тем более что инвентарь захоронения не сохранился. Среди древнерусских курганов это погребение пока что единственное и находит известные аналогии только в курганах Скандинавии. Это обстоятельство, однако, вовсе не решает еще вопроса о варяжской принадлежности погребенного. Это погребение, хотя оно и единственное, может быть поставлено в общем ряду хорошо известных в могильниках Среднего Поднепровья, особенно на Черниговщине, несомненно славянских погребений в сруbach, как одно из их разновидностей.

ДРЕВНЕРУССКИЙ МОГИЛЬНИК В с. КОПАЧИНЦЫ, СТАНИСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

A. A. РАТИЧ

(Львов)

Территория Верхнего Поднестровья очень богата археологическими памятниками различных времен и культур.

После Великой Отечественной войны в Верхнем Поднестровье работали две археологические экспедиции Львовского филиала АН УССР: Верхнеднестровская славянская в 1949 г. и Подольская комплексная в 1953 г.

Верхнеднестровской экспедицией 1949 г. на берегах Днестра был обнаружен ряд древнерусских городищ, селищ и могильников. Из них особого внимания заслуживают городища небольших размеров, расположенные на высоких берегах Днестра.

Подольская экспедиция провела исследования на территории одного из типичных для Поднестровья городищ в с. Копачинцы.

Городище расположено на высоком (100 м) правом берегу Днестра, на мысу, ограниченном с севера Днестром, а с северо-востока глубоким оврагом. С запада, где не было природных укреплений, городище защищено тремя, находящимися на определенном расстоянии один от другого валами и рвами, разделяющими площадь городища на три части. Высота валов доходит до 2,5 м, глубина до 1 м. Городище занимает площадь около 1 га. С него хорошо просматривается Днестр и окрестности.

Разведывательные раскопки в восточной и средней частях городища обнаружили только перемешанный археологический материал, принадлежащий различным культурам. Зато раскопки в северо-западной части городища обнаружили грунтовые погребения с обрядом трупоположения, впущеные в культурный слой с вещественными остатками более раннего времени.

На площади раскопа размером 20×6 м были вскрыты 33 рядовых погребения; некоторые из них были перекрыты большими каменными плитами. Все погребения находились на глубине 0,30—0,80 м от современной поверхности и были ориентированы головой на запад. Некоторые погребения расположены один над другим или разрушены более поздними захоронениями. Большая часть погребений была без вещественного инвентаря, однако в определенной части исследованных погребений (около 13) были обнаружены важные находки, на основании которых можно датировать могильник и представить быт и культуру населения, оставившего этот памятник.

Среди украшений выделяются серебряные и бронзовые перстни, серебряная эсовидная серьга, бронзовый и каменный резные крестики и другие вещи, которые имеют многочисленные аналогии на территории

древней Руси. Ближайшие аналогии каменному резному крестику дают материалы из раскопок Старой Рязани. Обнаруженные в погребениях украшения являются типичными для времен Киевской Руси и позволяют отнести открытые в с. Копачинцы рядовые погребения к XI—XII в. Наличие многочисленных аналогий подобных погребений свидетельствует также об единстве культуры древней Руси на всех ее землях.

Вещественный археологический материал, собранный на поверхности городища и полученный в процессе раскопок из культурного слоя, разрушенного погребениями, принадлежит различным культурам и эпохам (верхний палеолит, энеолит, эпоха раннего железа, дофеодальное и раннефеодальное время).

Из вещественного материала особого внимания заслуживают обломки горшков, изготовленные от руки или на медленном круге из теста с примесью дресвы, посредственно обожженные, серого и бледнокоричневого цветов, которые по аналогии с материалами Луки-Райковецкой, нижних слоев Плисненска, Зимна и других поселений можно датировать переходным периодом между эпохой полей погребений и временем Киевской Руси — приблизительно VII—VIII в.

Древнерусские летописи отмечают существование в Поднестровье восточнославянского племени тиверцев, занимавшего огромную территорию вплоть до Черного моря и Дуная. Можно думать, что городище и могильник в с. Копачинцы принадлежали летописным тиверцам. Однако это предположение имеет пока только характер рабочей гипотезы и нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В БАССЕЙНЕ ДНЕПРА

В. Н. ДАНИЛЕНКО

В последние годы в советской, главным образом в украинской, археологической литературе появилось не оправданное, по мнению автора, археологическими фактами стремление расширять хронологические границы черняховской культуры, передвигая их к эпохе Киевской Руси.

Признавая в черняховской культуре главное звено в историко-культурном развитии восточных славян II—VI в., ряд археологов, например М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно, М. Ю. Смишко и др., забывают о необходимости разыскания и иных, по нашему мнению, быть может, более важных звеньев в развитии культуры восточных славян этого времени. В связи с тем, что значение археологических фактов южной части Среднего Поднепровья, а иногда даже и Причерноморья, нередко переоценивается, существует опасность недооценки значения синхронных им, равно как и более древних, памятников верхней части Днепровского бассейна, примыкающих к нему районов Прибалтики и верхней Оки.

На VI конференции Института археологии 1952 г. автором было изложено мнение о том, что памятники подгорцевского типа и сходные с ними памятники более северных районов представляют собой генетическую основу зарубинецко-корчеватовской культуры и ее аналогов, в свою очередь являясь основой ряда последующих историко-культурных звеньев, что в конечном итоге привело к сложению восточнославянской культуры эпохи Киевской Руси. Между тем исследованию памятников зарубинецко-корчеватовской культуры все еще не уделяется надлежащего внимания.

Многие стороны зарубинецко-корчеватовской культуры не освещены, например, вопрос о характере поселений, жилищ, вопрос о металлургическом производстве и т. д. Хронологические границы культуры не определены, ее локальные варианты не выяснены, вопрос о ее происхождении, как и вопрос о взаимоотношении ее и культуры городищ низового Днепра, не разработан.

Есть все основания полагать, что в границах верхней части Днепровского бассейна и на соседних территориях линия развития зарубинецко-корчеватовской культуры и родственных ей культурных явлений не прерывается и в период сложения и развития культуры черняховского типа, что свидетельствует о двух независимых линиях развития, причем более северную из них следует, повидимому, считать основной в развитии восточных славян в I тысячелетии. На Среднем Поднепровье позднейшие памятники зарубинецко-корчеватовской линии развития, хотя и проявляющие, по нашему мнению, большее, чем прежде, количество северных черт, существуют еще и в III в. н. э. и им отвечают приднепровские типы выемчатых эмалей.

Конец III и IV в. на этой территории — время развития черняховской культуры. В более северном поясе — на верхнем Днепре, в бассейне Припяти, на Десне, Сейме, в верховьях левобережных притоков Днепра и севернее — в Белоруссии, в верховьях Оки и т. д. — линия развития зарубинецко-корчеватовской культуры не прерывается и в IV в. К числу памятников этой культуры, относящихся к первым векам нашей эры и к середине I тысячелетия, следует отнести Бортнич, Новые Безрадичи, Кленче на Днепре, Волынцево (урочище Трифон), Авдеевка на Сейме, Корчак на Волыни, Шаньково-Почепок, Мошино на верхней Оке и т. д.

Признание этого факта отнюдь не означает, что памятники черняховского типа должны остаться вне поля зрения исследователей истории славян I тысячелетия. Однако исследование их должно вестись в направлении выявления локальных различий и установления действительной, а не мнимой хронологии черняховских памятников, а также выяснения их этнической принадлежности, так как за внешним единообразием черняховской культуры в действительности скрываются различные в этническом отношении группы населения, среди которых место восточных славян, по нашему мнению, скорее всего невелико.

В V—VI в. в границах Днепровского бассейна и на территориях, соседящих с Верхним Поднепровьем, в равной степени и на территории, прежде занятой черняховской культурой, выработалась довольно единообразная восточнославянская культура, с черняховской генетически не связанная.

В области развития черняховской культуры как на среднем Днепре, так и на Днестре (то крайней мере, это ясно для верхней половины его бассейна) изменение характера культуры связано с расселением восточных славян с севера — с одной стороны, и с другой — с продвижением гуннов с востока, что в конечном итоге привело к вытеснению населения черняховской культуры за Дунай, в Среднюю Европу, где с конца IV и в V в. распространена посуда, близкая к черняховской, связывающаяся с комплексом так называемых гуннских драгоценностей, украшавшихся цветными каменными или стеклянными инкрустациями.

Тесно связанная с римской провинциальной культурой, черняховская культура в условиях великого переселения народов, означавшего начало новой исторической эры, не могла пережить своего культурно-экономического патрона — рабовладельческую Римскую империю.

Памятники этого времени, объединяющиеся в несколько типов, выявлены на различных территориях. На среднем Днепре, на днепровских порогах и восточнее, по наблюдениям автора, в той или иной мере они связаны с комплексом пальчатых фибул. Среди памятников этого времени и типа культуры можно назвать Новые Безрадичи на Киевщине, Старая Игрем на порогах, Зимне в Львовской области и др. Интересны результаты работ 1953 г. на Порогах, давшие на поселениях углубленные жилища со срубом и печами-каменками, т. е. жилища явно северного типа. Тут же выявлены погребения (трупосожжения), относящиеся к тому же культурному типу, сопровождавшиеся украшениями северных типов (трубчатые пронизи, трапециевидные подвески, спиральные височные кольца и др.). Значение этих украшений в смысле определения этнографических различий несомненно более важное, чем значение пальчатых фибул, слишком широко распространенных.

Как и для памятников предшествующей хронологической группы, для этих памятников характерна лепная посуда, формы которой (горшки, биконические урны, сковородки и пр.) с несомненностью свидетельствуют о дальнейшем развитии керамических форм, присущих зарубинецко-корчеватовской культуре.

Памятники этого периода, как и памятники последующего VII в., с большим основанием, чем черняховские, как это представлялось и А. А. Спицыну, могут быть связаны с антами.

Далее, в VII—VIII в. на всей названной территории в условиях дальнейшего расселения восточных славян наметился явный поворот в сторону выработки основных черт того типа культуры, который характерен для эпохи Киевской Руси. К числу памятников этого времени необходимо отнести волынские поселения типа Луки-Райковецкой, более поздние поселения у с. Старая Игрень на Порогах, возможно, поселение в районе с. Пастьрское на Киевщине. Отличительной особенностью этой группы памятников являются землянки со срубными стенами и печами-каменками. К числу памятников этого типа культуры необходимо отнести левобережные поселения и могильники с трупосожжениями типа Волынцево, а также отдельные поселения среднего течения Донца (Бондариха, Студенок и др.). Показательно, что керамика типа Луки Брублевецкой и Волынцева происходит из Киева (урочище Киселевка, давшее последовательные хронологические группы находок, начиная с корчеватовских).

Количество названных памятников, разумеется, еще не велико, однако нет оснований сомневаться в том, что оно по мере реорганизации работы в направлении большего внимания к памятникам «северным» будет непрерывно увеличиваться. Срочность и необходимость такой реорганизации археологических исследований вполне очевидна.

В свете изложенного представляется своевременным поставить вопрос о развитии культуры восточных славян в I тысячелетии в такую плоскость: основная линия культурно-исторического развития восточных славян начала I тысячелетия, не говоря о более раннем времени, не связана с южной, черноземной частью Среднего Поднепровья и, тем более, она не связана с Причерноморьем; на севере ее следует искать от Немана и до верхней Оки, а южнее — в верхней половине Днепровского бассейна.

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ НАДПОРОЖЬЯ

А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ

В богатой археологическими находками области днепровского Надпорожья из года в год открываются и исследуются все новые славянские памятники. В 1953 г. в Надпорожье под руководством и при непосредственном участии действительного члена АН УССР Л. П. Ефименко производились раскопки ряда славянских памятников I и начала II тысячелетия н. э.

Разведывательные раскопки были произведены на городище культуры полей погребений в с. Башмачка, Солонянского района, Днепропетровской области. Здесь были выявлены остатки каменной стены или ограды, окружавшей небольшое по размеру городище. В центральной его части следов сооружений обнаружено не было. Однако на краю городища у напольной стороны развал стены шел в два ряда, а изнутри к стене примыкало еще одно каменное сооружение. В этом месте наблюдалась большая насыщенность культурного слоя. Снаружи, за стеной, сохранились следы рва, имевшего местами обкладку из каменных плит.

На городище был обнаружен один только культурный слой времени полей погребений черняховского типа. Найдки составляли керамика, типичная по своему составу для черняховских памятников, и кости животных. Вокруг городища располагалось поселение с таким же культурным слоем.

Этот памятник представляет большой интерес, как единственное пока известное городище с чистым культурным слоем черняховского типа. Появление на поселении укрепленной части, отделенной от остальной его территории, видимо, следует связывать с процессом образования классов у племен полей погребений. Укрепленная часть, можно полагать, возводилась представителями складывавшейся верхушки общества, стремившейся отгородиться от основной массы населения.

Интересно также устройство городища с незастроенной или малозастроенной центральной частью и наличием сооружений, возможно, жилищ у внешней стены. Подобное устройство встречается впоследствии на некоторых древнерусских городищах.

В с. Коммуна, Днепропетровского района, к югу от балки Яцевой, исследовалось славянское поселение конца I тысячелетия н. э. Здесь были раскопаны остатки шести небольших полуземлянок прямоугольной формы, стены которых сооружались на деревянной основе и обмазывались затем глиной. В углу находились большие глиняные печи прямоугольной или подковообразной в плане формы. Устья печей часто были укреплены несколькими крупными камнями, свод имел обычную полу-сферическую форму.

Из заполнения землянок была извлечена керамика, изготовленная на гончарном круге, металлические изделия, обломки жерновов и точильных

брюсков, прядла и другие изделия, а также многочисленные кости животных и рыб.

Основная масса керамики поселения близка к керамике Киевской Руси, но еще не является типичной для этой эпохи. Это — средних размеров круглые горшки со слабо отогнутым венчиком, орнаментированные густо расположенным горизонтальными бороздками или многорядовой волной. Орнамент расположен либо отдельными поясками, либо сплошь покрывает все тело сосуда; часто он выражен слабо, еле заметен. Аналогичную керамику можно встретить в памятниках ранней Киевской Руси или непосредственно предшествовавших ей. Тождественный материал имеется на деснинских поселениях и могильниках (Шестовица, Табаевка, Рогощь и др.), в ранних слоях Плиснека, на Пастырском городище. На поселении у балки Яцевой встретилось также сравнительно небольшое количество керамики, уже вполне типичной для развитой поры Киевской Руси.

Из числа металлических изделий особого внимания заслуживают найденные в землянках две бронзовые трапециевидные подвески, форма которых восходит еще к украшениям античного времени.

Ранний облик основной массы керамики, имеющей аналогии в памятниках VIII—X в., а также находки на поселении трапециевидных подвесок и круглодонной амфоры, относящейся ко второй половине I тысячелетия н. э., позволяют датировать основной слой поселения VIII—X в. Своебразные черты материальной культуры поселения, отличающие его от памятников более северной полосы, позволяют отнести этот пункт к памятникам одного из южных восточнославянских племен, вероятнее всего уличей¹.

В области Надпорожья известно несколько памятников, которые можно рассматривать в качестве непосредственных предшественников поселений типа, открытого у балки Яцевой (Свищуново, Старая Игремь пункт IV и некоторые другие левобережные пункты). Керамика этих памятников аналогична ранним типам сосудов поселения у балки Яцевой. Преобладание кружальной керамики в этих памятниках и близость групп сероглиняной посуды к черняховской позволяют предположить известную преемственность в керамическом производстве между черняховскими и названными, более поздними, надпорожскими памятниками.

Наличие в Надпорожье поселений, близких северянским (Старая Игремь и др.), а также памятников салтовского типа дополняет картину сложного состава населения в этом районе во второй половине I тысячелетия н. э.

В 1953 г. производились работы и на поселениях эпохи Киевской Руси, представляющих посредующий, более поздний этап в жизни славян Надпорожья. В селах Днепровское (бывш. Ямбург), Волоское и Старая Игремь были открыты остатки шести землянок этого времени, по своему устройству и инвентарю характерных для славянских памятников XI—XIII в. Находки жерновов, обгорелых злаков, костей домашних животных, птиц и рыб, а также немалое количество ремесленных изделий свидетельствуют о разнообразной хозяйственной деятельности населения. В одном из открытых в с. Днепровское жилищ производилась обработка камня.

В области днепровского Надпорожья известно сейчас свыше трёх десятков славянских памятников I и начала II тысячелетия н. э. Несмотря на то, что территория эта расположена в степной полосе и не относится к основной славянской территории, положение ее на важном водном пути привлекало к себе славян, густо заселявших ее уже в I тысячелетии н. э.

¹ Мнение об обитании уличей в области Днепровской Луки было высказано в 1950 г. Б. А. Рыбаковым.

О РАБОТЕ ИНКЕРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

*E. B. ВЕИМАРН
(Симферополь)*

Работы Инкерманской экспедиции в 1952 г. были продолжением археологических исследований Инкерманской долины, начатых Крымским филиалом АН СССР совместно с Музеем пещерных городов и Государственным историческим музеем в 1948 г. и продолженных в 1950 г. Здесь были произведены раскопки ряда памятников, давших большой материал, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. (раннетаврского поселения в устье Черной речки), II—IV в. н. э. (Инкерманского и Чернореченского могильников) и ряда средневековых объектов от раннего средневековья и до XV—XVI в. (раскопки комплекса крепости Каламита).

Наибольшее значение имеют материалы Инкерманского (1948 г.) и Чернореченского (1950 г.) могильников, в которых исследовано около 150 погребений. Среди огромного количества находок особый интерес представляют пока еще не многочисленные в Крыму сосуды черняховского типа, а также значительное количество трупосожжений с захоронением в амфорах и лепных сосудах.

Инкерманский могильник оказался в большей своей части разрушенным (из нескольких тысяч погребений удалось исследовать 45). Раскопки могильника дали разнообразные погребения с обрядом трупоположения (в подбоях, склепах, простых грунтовых могилах) в различной ориентации костяков и единичные погребения с трупосожжением.

В Чернореченском могильнике (расположенном в 9 км от устья Черной речки, не меньшем, чем Инкерманский, по своим размерам) в 1950 г. исследовано 98 погребений, из которых около половины — трупосожжений, а остальные с обрядом трупоположения (в подбоях — 33, в склепах — 7, в грунтовых могилах — 8). Обнаружены два конских захоронения.

По своему характеру могильники различны: Инкерманский содержал большой процент захоронений воинов. В инвентаре подбойных могил — длинные железные мечи, ременные пряжки, гончарная и лепная посуда. Женских погребений было очень мало. Чернореченский могильник в погребениях с трупоположением дал значительное количество женских погребений и многочисленный разнообразный инвентарь.

Работы Инкерманской экспедиции в 1952 г. выявили памятники разных эпох: могильник, расположенный у высоты «Сахарная головка», находился на месте раннетаврского поселения VII—VI в. до н. э. и значительное средневековое поселение на правом берегу реки Черной, на склоне «Загайтанской скалы», в обрывах последней расположены остатки большого пещерного монастыря, основанного примерно в IX в.

На склоне высоты «Сахарная головка» под почвенным, перепаханным слоем обнаружены остатки раннетаврских (VII—VI в. до н. э.) хозяйственных ям — явный свидетель нахождения здесь значительного поселения. В золистой засыпке ям найдено большое количество обломков разнообразной лепной посуды, часто украшенной разным орнаментом, а также створки раковины съедобного моллюска мидии. В южном разведочном раскопе обнаружены следы трех больших печей, использовавшихся, возможно, для обжига посуды. Они являются первыми находками этого рода в горном Крыму.

В том же раскопе оказалось 80 погребений: 53 подбойных (в том числе 2 двойных), 21 земляной склеп, 5 простых грунтовых могил и детское захоронение в амфоре. В могильнике прослеживаются два последовательных слоя погребений. Нижним и наиболее ранним горизонтом являются подбойные и простые грунтовые могилы, а также и захоронение в амфоре. В верхнем горизонте — склепы. При сооружении склепов большинство подбойных и простых грунтовых могил было сильно повреждено, а частью и разрушено. В подбойных и грунтовых могилах обычно находилось по одному костяку, лежавшему на спине, головой на юго-запад. Находок в могилах почти не было, т. к. большинство из них разрушено и ограблено. Из целых бронзовых предметов обнаружены витые серьги с четырехгранником на конце (могила 53). Найдены обломки небольших фибул и несколько железных ножей.

Камеры склепов ориентированы на северо-восток. Они имеют куполообразные, полуциркульные и плоские потолки. В большинстве склепов несколько костяков (до 12). Встречаются повторные захоронения в два яруса. Положение и ориентация костяков в склепах аналогичны ориентации костяков в подбойных и грунтовых могилах.

Вещи, обнаруженные в склепах (браслеты, пластинчатые фибулы, пряжки, бусы), имеют аналогии с инвентарем горных крымских могильников V—VII в. Эски-Кермен, Чуфут-Кале и др., а также могильника Суук-Су и Херсонесского некрополя этого времени. В двух склепах найдены бронзовые нательные кресты, указывающие на проникновение в V—VII в. христианства в среду местного населения; из железных предметов — большое количество крупных ножей, частью со следами деревянных ножен. На некоторых железных обломках сохранились следы ткани. В одном склепе найден маленький красноглиняный одноручный кувшинчик.

Разведывательными раскопками на территории селища установлено, что оно возникло в первые века нашей эры и просуществовало до IX в. Ранний этап датируется немногочисленными обломками краснолаковых мисок и островерхих амфор III—IV в., поздний — керамикой VII—VIII в. Поливной керамики нет.

Первый раскоп дал остатки каменного здания с очагом последней эпохи жизни поселения. Здание построено впритык к более ранней опорной стене. Стены здания сложены из некрупных камней в «елочку». Из массы керамических обломков выделяются обломки двух доньев темноглиняных горшков с клеймами.

Во втором раскопе вскрыты остатки здания, во дворе которого зачищены две большие зерновые ямы, высеченные в скале, типа Эски-Керменских, относящихся к раннему средневековью. В верхних слоях над остатками здания найдены обломки еще двух горшков с клеймами, аналогичными найденным в первом раскопе.

В третьем раскопе обнаружены остатки большой давильни для винограда, нижняя часть которой выбурблена в скале. Судя по находкам, давильня относится к VIII в. Датировка этого памятника особенно важна, т. к. в горном Крыму, по второй гряде Крымских гор, около

средневековых городищ, замков и монастырей известно 38 подобных давилен для винограда. Совершенно очевидно, что виноградарство и виноделие в горном Крыму было распространено уже в VIII в., что свидетельствует о высокой сельскохозяйственной культуре юго-западного Крыма в раннем средневековье.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ НА ИНГУЛЬЦЕ В 1952 г.

Л. М. СЛАВИН

Ингулецкая экспедиция Института археологии АН УССР продолжала в 1952 г. ранее начатые в с. Снигиревка и в прилегающих к ней селах раскопки поселений первых веков нашей эры. План работ экспедиции был подчинен задачам строительства Ингулецкой оросительной системы. В центре внимания экспедиции 1952 г. находились раскопки поселений в с. Афанасьевка на среднем Ингульце и в с. Дарьевка на нижнем Ингульце.

Афанасьевское поселение I—IV в. н. э. расположено на правом берегу Ингульца, близ Снигиревки, частично на плато высокого берега, частично на отлогом склоне, спускающемся к пойме реки. Экспедиция начала раскопки этого поселения еще в 1951 г. Тогда здесь были открыты остатки жилого комплекса, состоявшего из двора и четырех помещений с печами, земляными и каменными полами.

Раскопки 1952 г. на Афанасьевском поселении открыли к югу от участка прежних работ небольшой каменный жилой дом, состоящий из двух помещений квадратной формы с земляным полом. В восточном помещении, вдоль северной и южной стен, находились каменные загородки шириной 0,45—0,5 м, служившие для хранения зерна. В южной загородке и в прилегающем к ней юго-западном углу помещения было рассыпано довольно много (до 10 кг) зерна — пшеницы, ячменя, ржи и проса. В западном помещении находилась большая печь с подом круглой формы и рядом с нею корыто и ступа. За печью было найдено 12 глиняных грузил пирамидальной и конусообразной формы, обломок зернотерки, несколько глиняных прядильщиков плоской и биконической формы.

Разведочные раскопки 1952 г., производившиеся в разных пунктах Афанасьевского поселения, подтвердили картину сплошной его застройки наземными каменными жилищами такого же характера, как и жилые дома, открытые на основных участках 1951 и 1952 гг.

Керамические находки на Афанасьевском поселении представлены прежде всего лепной керамикой, в большинстве своем грубой, из плохо перемешанной глины с крупными примесями. За лепной керамикой следует группа обломков амфор (одни с гладкой, другие с реберчатой поверхностью) и группа обломков кружальной красноглиняной и сероглиняной посуды. В группе сероглиняной посуды имеется некоторое количество фрагментов лощеной посуды так называемых черняховских типов, украшенных линейным и волнистым орнаментом, исполненным способом лощения.

Дарьевское поселение III—IV в. н. э. (недалеко от Херсона) расположено на первой надпойменной террасе, на высоте 12 м над уровнем воды. Древнее поселение сильно разрушено, оно имело небольшие раз-

меры (приблизительно 200×100 м). Археологическому изучению Дарьевское поселение подвергается впервые. Раскопки 1952 г. велись на двух участках, на каждом из которых открыто по одному плохо сохранившемуся наземному каменному жилищу.

Жилище на участке I — однокамерное с примыкающим к нему двориком или, может быть, каким-нибудь помещением хозяйственного назначения. Фундаменты постройки клались на дневной поверхности, стены были с наружной стороны оштукатурены. В помещении находились печь подковообразной формы, ямы и загородка из каменных плит, поставленных на ребро, служивших для засыпки хлеба.

На участке II были открыты остатки другого жилья, в общих чертах аналогичного предыдущему. Здесь также открыты печь, яма и загородка вдоль стены для хранения хлеба.

Из находок на Дарьевском поселении, кроме керамики, аналогичной афанасьевской, отметим железный сошник и обломки круглого жернова.

К этой же группе Ингулецких поселений первых веков нашей эры относятся изучавшиеся в 1951 г. Снигиревское и Новокондаковское поселения I—IV в. н. э. На Снигиревском поселении, как известно, были открыты остатки каменного жилого дома, состоявшего из двух смежных помещений и примыкающих к ним с севера двух хозяйственных построек. И здесь были открыты печь, яма и загородка для зерна.

Все эти поселения не имеют оборонительных сооружений. Они свидетельствуют о том, что в I—IV в. эта область была занята оседлым населением, занимавшимся земледелием, скотоводством, рыболовством и различными промыслами. Ингулецкие поселения находились в обменных отношениях с Ольвией. Характерно сравнительно хорошо устроенные поселения, развитое строительное дело и другие черты, общие для всей этой области.

Наиболее сложным является вопрос об этнической принадлежности населения среднего и нижнего Ингульца. Несмотря на то, что материала для решения этого вопроса накоплено еще недостаточно, он может быть предметом обсуждения уже и в настоящее время. Прежде всего, такое обсуждение возможно на основании характера археологического материала, резко отличающегося от античного, сарматского и от других, известных для этой эпохи культур Причерноморья, но зато имеющего ряд черт сходства с так называемой культурой полей погребений. Такое обсуждение возможно при условии использования ретроспективного метода, позволяющего исходить из более поздних и более известных данных (в первую очередь, письменных, летописных), для освещения культуры более раннего времени на той же территории, в данном случае поселений среднего и нижнего Ингульца в первые века нашей эры.

Предположительно это население определяется нами как древнеславянское, образовавшееся здесь в результате колонизации Северного Причерноморья выходцами из более северных областей — Среднего Поднепровья и днепро-днестровской Лесостепи, являвшихся основными исконными территориями древнеславянских племен в I тысячелетии н. э.

МОГИЛЬНИК КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ У г. ПЕРЕЯСЛАВА-ХМЕЛЬНИЦЬКОГО

В. К. ГОНЧАРОВ

Переяславский бескурганный могильник расположен на расстоянии около километра к северу от Переяслава-Хмельницкого, с левой стороны Старо-Киевской дороги, ведущей из города к с. Котевичевая Гребля. В 400 м на восток от могильника протекает р. Трубеж.

Могильник исследовался в 1952 г. Размеры площади могильника пока не уточнены и он раскрыт только частично на площади в 700 м².

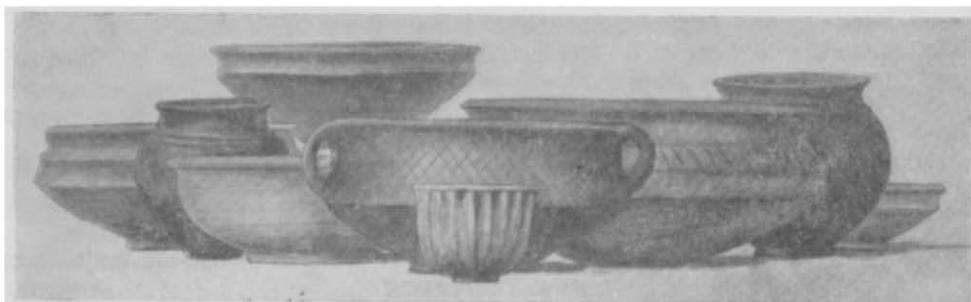
Как и на всех известных на Поднепровье могильниках этой культуры, в нем отражены два обряда захоронений: трупоположение и трупосожжение. Какой-либо закономерности или системы в расположении тех и других захоронений не наблюдалось. Все открытые раскопками погребения с трупоположением были ориентированы на север, в вытянутом положении на спине с руками вдоль тела. Погребений с трупосожжением было раскрыто 19. Все они в небольших лунках, заполнение которых состоит из мелких обломков кальцинированных человеческих костей, фрагментов костей жертвенных животных — козы или овцы — и обломков керамической посуды. Сожжение покойника происходило, по-видимому, за пределами могильника, так как ни в одном случае на месте захоронения следов кострища не наблюдалось.

По устройству погребальных сооружений, а также по количеству и характеру инвентаря, сопровождавшего захоронения с трупоположением, удалось проследить значительную имущественную дифференциацию населения. Богатые захоронения осуществлялись в погребальных ямах своеобразного устройства с узкой углубленной частью, в которой лежал погребенный, и двумя боковыми площадками, на которых размещался инвентарь. Погребальные ямы в бедных захоронениях не имели боковых площадок, и инвентарь лежал на дне ям на том же уровне, что и покойник. Средняя глубина погребальных ям в тех и иных захоронениях достигала 1,3 м от современной поверхности. Исключением среди исследованных захоронений было погребение 5, выявленное на глубине в 3,5 м от современной поверхности. С севера и запада над дном могильной ямы были обнаружены две площадки, шириной в 0,4 м, возвышавшиеся над его уровнем на 0,3 м. Это погребение сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем.

В головах покойника на площадке стояла большая треухая ваза с лощеной поверхностью и проложенным орнаментом в виде густой косой сетки, елочки и зигзагов. Внутри вазы находилась стеклянная чаша, орнаментированная прошлифованными кружочками, сплошь покрывающими поверхность сосуда. Здесь же на площадке в головах покойника лежал большой костяной гребень, состоящий из шести отдельных пластин, соединенных дугообразной спинкой. В ногах — на нижнем уровне

погребальной ямы стояли две миски, наполненные костями барана и двух кур. Здесь же был небольшой глиняный кубок, положенный вверх дном.

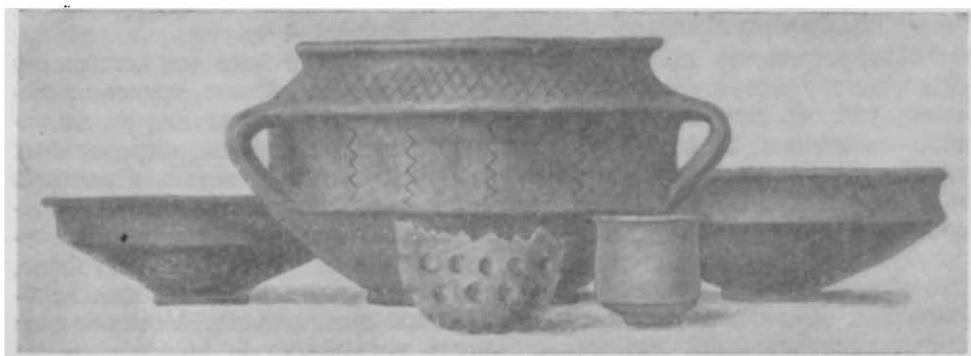
На боковой площадке справа от покойника находились две миски с хорошо пролощенной наружной поверхностью светлосерого и черного

а

б

в

Могильник культуры полей погребений у Переяслава-Хмельницкого: *а* — сосуды из погребения № 2; *б* — сосуды из погребения № 4; *в* — сосуды из погребения № 5.

цветов. Возле колена правой ноги лежала бронзовая арбалетная фибула провинциального римского образца. В ногах покойника находилась железная шпора римского типа, наконечник железной стрелы листо-видной формы, железный нож и бронзовая пружина от второй фибулы. В области грудной клетки была найдена янтарная бусина полусферической формы, а в разных местах скелета отмечены незначительные

остатки золотой парчи. Наиболее интересной группой предметов в инвентаре этого погребения была серия стеклянных игральных шашек — 11 белых и 11 черных — в виде плоских снизу и выпуклых сверху кружочков. Шашки находились в деревянной шкатулке, от которой сохранились остатки сгнившего дерева, бронзовые скобки, скрепляющие стенки, и миниатюрная дужка от крышки.

Основную группу инвентаря иных погребений с обрядом трупоположения составляла кружальная керамическая посуда разных форм: горшки, миски, вазы, кувшины, чаши. В отдельных погребениях находилось от двух до восьми сосудов. Кроме глиняной посуды, в инвентаре отмечены: два стеклянных сосуда (кубок и бальзамарий), несколько костяных гребней, сердоликовые и стеклянные бусы, бронзовые пряжки и пр.

Большинство предметов, за исключением стеклянных изделий, безусловно местного производства. Все они имеют очень близкое сходство с предметами из Черняховского могильника. С другой стороны, ряд общих черт связывает их с изделиями римской провинциальной культуры. В этом нельзя не видеть указания на тесные экономические связи племен Среднего Поднепровья с югом. Больше всего этих общих черт наблюдается в керамическом материале. Миски и чаши из Переяславского могильника очень близки по форме и общему характеру техники к мискам и чашам из Ольвии и Тира. Все они сделаны из хорошо отмыченной глины, имеют светлосерый или черный цвет. Их поверхность покрыта лощением и ангобом. Характерной их чертой является четкая ребристая профилировка стенок и наличие на донышке кольцевой ножки или подставной плитки.

Вещественные памятники Переяславского могильника относятся к III—IV в. н. э.

**РАСКОПКИ БЕРИСЛАВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА
В 1952—1953 гг.**

E. V. MAXNO

Бериславское поселение, открытное в 1951 г. А. В. Бодянским, расположено на высоком коренном берегу Днепра к юго-западу от г. Берислава, на окраине, называемой Слободкой. Оно тянется вдоль берега полосой шириной около 150 м на протяжении 400 м, прерываясь в некоторых местах оврагами.

Трехлетние раскопки в центральной части поселения показали, что его территория неоднократно заселялась, начиная от эпохи бронзы и до средневековья. Эпоха бронзы здесь представлена значительным керамическим материалом, скифское время, первые века до нашей эры, а также конец I тысячелетия н. э. — отдельными находками. Наиболее мощный культурный слой, к которому относятся более сохранившиеся строительные остатки, составляющие предмет наших исследований, принадлежат в общем к первым векам нашей эры.

Материалы, добытые в двух раскопах, свидетельствуют о большой плотности населения, о бурном строительстве и частых перестройках поселения. Особенно хорошо это видно на примыкающем к обрыву берега раскопе I площадью 2100 м², исследованном в 1951—1952 гг. В. А. Мизиным, на котором более 30 отдельных строений перекрывают и разрушают друг друга. Более сохранившиеся комплексы, относящиеся к первым векам нашей эры, обнаружены на раскопе II, который заложен на расстоянии 100 м от береговой линии и к западу от раскопа I. На площади раскопа II в 700 м² были зафиксированы четыре строительных комплекса, сменяющие и частично перекрывающие друг друга.

От верхнего комплекса, залегающего на глубине 0,2 м, расположенного в южной части раскопа, сохранился развал каменного сооружения, не позволяющий установить его план и размеры.

Следующее сооружение, залегающее на глубине 0,3—0,4 м, расположено севернее верхнего и в южной части перекрыто его развалом. Оно представляет собой массивную каменную постройку, состоящую из двух смыкающихся округленных камер, ориентированную с востока на запад. Длина постройки 12 м, ширина 8 м. Сооружение было окружено, повидимому, открытой галереей, от деревянных столбов которой сохранился ряд каменных подпорок на расстоянии 1,2 м от северной стенки. Кроме этого, в северо-восточном углу сооружения, а также на стыке обеих камер снаружи в пространстве между закруглениями обнаружены остатки дополнительной кладки, возможно декоративного назначения.

Третье, не полностью раскрытое сооружение, занимающее всю северную часть раскопа и уходящее под западный его борт, залегает на глубине 0,6—1,2 м. Южная часть его развода слегка перекрыта развалом среднего сооружения. Открытая часть представляет собой очень

сложное сооружение длиной более 24 м, шириной 12 м (следовательно — площадью около 300 м²), вытянутое по оси северо-восток — юго-запад и объединяющее общими стенами более 10 прямоугольных камер. Камеры в основном небольшие — площадью от 3 до 20 м². Самая большая из них разделена внутренними перегородками на три части. Как правило, камеры не сообщаются ходами. Печи обнаружены только в четырех камерах. В основном это каменки, прямоугольные и закругленные, площадью около 1 м².

После удаления остатков верхнего и среднего сооружения в южной половине раскопа обнаружено еще два строительных комплекса.

Один из них — крайнее южное сооружение, уходящее в южный и западный борта раскопа, — раскрыт частично. Раскопанная часть его из шести камер аналогична обнаруженному в северной половине раскопа многокамерному сооружению, но ориентирована она с юго-востока на северо-запад, почти под прямым углом к северному. Осталось неясным взаимоотношение многокамерных сооружений в южной и северной частях раскопа. Не исключено, что оба они соединялись, замыкая с севера и юго-запада площадь, открытую по направлению к Днепру. На ней обнаружены остатки еще одного весьма оригинального сооружения. Западная часть его представляла собой вытянутый с севера на юг с небольшим отклонением к северо-западу прямоугольник длиной 9 м и шириной 3 м. К востоку от него обнаружены почти квадратные подпорки для колонн, располагающиеся по линии двух или может быть даже трех концентрических полуовалов, примыкающих основанием к данному прямоугольнику.

Основным типом построек на поселении в первые века н. э. были, следовательно, многокамерные сооружения, которые постепенно образовались дополнительными пристройками и объединяли, повидимому, несколько самостоятельных хозяйственных единиц. Кроме них, на поселении есть сооружения, возведенные по определенному плану с подчеркнутым желанием их декорировать и имеющие, вероятно, общественное назначение (сооружение среднее и нижнее в центральной части раскопа II с колоннами). Возможно это были культовые сооружения.

Вещественный материал, сопровождающий верхние и нижние комплексы, состоит из лепной посуды, полную аналогию которой находим в позднескифском керамическом материале и в лепной посуде сарматских погребений юга. Она составляет около 45% всех керамических остатков. Приблизительно равным количеством представлены амфоры римского времени (широкогорлые красноглиняные, узкогорлые желтоглиняные, ангобированные рифленые и почти гладкие). В небольшом количестве, увеличивающемся в верхних комплексах, представлена типично черняховская посуда. Встречаются единичные находки сероглиняных гончарных сосудов сарматского облика. Из других находок можно назвать бронзовую фибулу с подвязной ножкой, коньки из кости коня и еще некоторые мелкие вещи из бронзы и кости. Особенно важное значение имеют находки растиральников, зернотерок, жерновов, а также огромное количество костей домашних животных — быка, коня, козы и свиньи, которые свидетельствуют об оседлом земледельческом быте населения и хорошо развитом скотоводстве.

На могильнике, расположенным рядом, раскопаны три погребения с инвентарем черняховского типа. Кроме того, на площади могильника обнаружены почти целые гераклейская амфора эллинистического времени с клеймом и большой сосуд эпохи бронзы.

Раскопки на поселении и могильнике, разведки вокруг Берислава свидетельствуют о том, что жизнь здесь была длительной и интенсив-

ной. Дальнейшие полевые работы помогут выяснить характер и назначение многокамерных сооружений, уточнить хронологические границы комплекса, включающего керамический материал черняховского типа, дадут новые материалы для выяснения вопроса о роли гуннского нашествия для степи, о взаимосвязи скифского, сарматского и славянского населения в первых веках нашей эры.

**ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ**

Э. А. СЫМОНОВИЧ

(Москва)

Во время археологических исследований 1951—1953 гг. на территории Кауховского водохранилища возле г. Никополя — в селах Грушевка и Кут, в пос. Каменка и в районе с. Гавриловка у овчарни совхоза «Приднепровский» — впервые достоверно, с помощью раскопок, зафиксированы поселения и могильники черняховской культуры на нижнем Днепре.

Материалы поселений убеждают в том, что эти памятники оставлены населением, пришедшем во II—III в. н. э. с севера, повидимому, из районов днепровских порогов.

Первоначально жилища имели вид землянок (Грушевка, II—III в. н. э.), позже — это уже сооружения наземного типа (Кут и поселение № 2 у овчарни совхоза «Приднепровский»). Переход к наземному домостроительству объясняется ростом производительных сил в среде пришлого населения и развитием культурных и торговых связей с населением городищ нижнего Днепра и северочерноморскими городскими центрами, где в это время преобладали жилища наземного типа. Однако пришлое население не заимствовало каменного домостроительства, продолжая строить хорошо известные по находкам в Лесостепи столбовые жилища со стенами на легком каркасе.

Этому же населению принадлежат могильники культуры полей погребений в пос. Каменка (II—III в. н. э.) и у овчарни совхоза «Приднепровский» (III—IV в. н. э.). По устойчивым чертам погребального обряда и по инвентарю из могил с трупосожжениями и трупоположениями на обоих могильниках особенно ясно прослеживаются связи с лесостепными памятниками черняховской культуры. Погребения с кремацией преобладают над погребениями с трупоположениями в обоих могильниках. Однако процент погребений с сожжением значительно больший в Каменке (11 погребений — 92%), сравнительно с могильником у овчарни совхоза «Приднепровский» (16 погребений — 61,5%).

Рассмотрение погребений с трупосожжениями позволяет установить в ряде случаев их близость по количеству и качеству сопровождающего инвентаря к могилам с трупоположениями. В богатые погребения с трупосожжениями клади лепной и гончарный горшки, разнообразные миски, сосуд для жидкости (кувшин или амфору) и иногда кубок, причем только отдельные сосуды служили урнами для праха или крышками, которыми их накрывали. Часть сосудов, судя по поврежденным отгнем обломкам, ссыпаным в могильную яму, ставили в костер, на котором сжигали тело умершего.

Остатки прочего инвентаря показывают, что с умершим сжигали не только бывшие на нем вещи, как, например, фибулы, пряжки от

пояса, бусы и т. п., но клади в костер кроме того вещи, повидимому, употреблявшиеся покойником или наиболее любимые им, например стеклянные жетоны для игры, пряслица и пр.

Сближают оба обряда находки в погребениях с трупоположениями угольков, указывающих на какое-то значение огня в погребальном обряде.

Чрезвычайно интересны погребения с трупоположениями на могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский». Они разделяются на две группы. Одни погребения, сопровождаемые разнообразным инвентарем, ориентированы головой на север (глубина в среднем 1,4 м) и другие, глубже захороненные, почти безинвентарные, ориентированы головой на запад и иногда обставлена и накрыты досками (глубина от 2 до 2,65 м). Обе группы близки по времени. Сочетание таких групп погребений установлено в с. Данилова Балка в Побужье. Это сходство еще раз указывает на близость с лесостепными памятниками.

Появление безинвентарных погребений, ориентированных головой на запад, позволяет поставить вопрос о том, нельзя ли связать это явление с принятием христианства отдельными группами черняховского населения в IV в. н. э. Конечно, окончательно решить вопрос представится возможным после находок бесспорно христианских символов или предметов культа. Тем не менее, для постановки вопроса о принятии христианства имеются исторические и социальные предпосылки. Мы их усматриваем, во-первых, в том, что в IV в. н. э. христианство распространялось на близлежащих территориях на Босфоре, в Мезии и у готов, во-вторых, в том, что социальное расслоение в среде черняховского населения было очень глубоким. Как известно, христианство, явившееся на первых порах религией социальных низов, могло найти благоприятную почву в обществе, оставившем черняховские памятники.

Имущественные различия ощущаются при сравнении инвентаря отдельных погребений с трупосожжениями между собой и особенно отчетливо выступают при сопоставлении рядовых могил с трупоположениями у овчарни совхоза «Приднепровский» с захоронением представителя знати — погребением № 5, представлявшим деревянную камеру в обширной могильной яме. Скелет лежал на 11 подставленных под него сосудах. Кроме сосудов в этом погребении найдены разнообразные вещи, кости животных, рыб, птиц (петух, курица) и скорлупа яиц. Время этого захоронения — IV в. н. э. — устанавливается по находке импортного стеклянного шлифованного кубка.

Как выяснено, на могильниках справляли тризны по умершим. Установление существования этого обряда раскрывает одну из сторон культовых представлений черняховского населения.

Особое значение в инвентаре могильников имеют находки малоизученной лепной посуды черняховской культуры. Лепная керамика показывает устойчивость культурных традиций на большой территории, занятой памятниками черняховского типа, и позволяет наметить генетические линии культурного развития. В частности, намечается сходство отдельных образцов лепной посуды с керамикой Сосницкого и Волынцевского могильников. В то же время, что и естественно для степных районов, некоторые лепные сосуды близки причерноморской и скифско-сарматской посуде.

Обнаружение памятников черняховской культуры на нижнем Днепре помогает установить время и пути проникновения черняховского населения в степные районы и далее на юг, в области Причерноморья. Найдки эти свидетельствуют о высокоразвитой материальной культуре пришедшего населения и представляют новые возможности для работы над изучением вопросов, связанных с историей развития восточных славян.

ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ В ЛУКЕ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ, ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ

М. А. ТИХАНОВА

(Ленинград)

Славянская группа Среднеднестровского археологического отряда ИИМК СССР и Института археологии АН УССР возобновила в 1953 г. раскопки поселения культуры полей погребений у с. Лука-Врублевецкая, Каменец-Подольского района, Хмельницкой области, и продолжила разведки на лево- и правобережье Днестра.

Разведкой выявлено несколько новых пунктов культуры полей погребений: у с. Устье — на левом берегу Днестра, при впадении в Днестр р. Смотрича, у сел Вороновицы и Макарьевка (в новых точках) — на правом берегу реки.

В Луке-Врублевецкой раскопки велись в западной части поселения культуры полей погребений, на «бугре», где полностью отсутствует подстилающий трипольский слой, равно как и наслоения скифской поры. Здесь еще в 1946 г. была открыта сложенная из плитняка сводчатая печь с лежанкой великолепной сохранности, а на поверхности отчетливо выступали скопления обожженной обмазки и многочисленные обломки керамики культуры полей потребений.

Раскопки проводились путем закладки контрольных шурfov и небольших раскопов. Целью их было определить границы поселения, глубины залегания и состав культурного слоя. Всего было вскрыто 507 м².

В результате раскопок было установлено, что поселение культуры полей погребений в его западной части, в отличие от восточной, где оно размещается на самом берегу Днестра, занимало лишь наиболее возвышенную часть «бугра», его гребень, и располагалось узкой полосой в два ряда жилищ, параллельно берегу реки. Жилища выходили на «улицу» своими узкими боковыми сторонами, длинными же сторонами располагались перпендикулярно к улице и реке. Общая площадь данной части поселения равна приблизительно 4000 м².

Как и в восточной части поселения, культурный слой залегает на очень небольшой глубине (0,15—0,6 м). Он достигает максимальной насыщенности на глубине 0,2—0,4 м, на которой прослеживаются залегания обожженной обмазки, крупные скопления керамики, костей животных, отдельных бытовых предметов. Ниже 0,4 м культурные остатки встречаются только в заполнении углубленных жилищ и хозяйственных ям.

В составе культурного слоя основное место занимает сероглинная керамика, почти исключительно сделанная на круге, многочисленные находки костей животных (пищевые отбросы) и единичные находки изделий из металла, глины, стекла и кости, а также железный шлак.

Раскопками были обнаружены и частично вскрыты разрушенные пахотой наземные жилища и углубления полуземляночного типа, а также хозяйствственные сооружения — печи и ямы.

Наибольший интерес представляет большое двухкамерное жилище с сенями, углубленное на 0,9—1,0 м от древней дневной поверхности. Оно ориентировано, как и ранее вскрытые в Луке-Брублевецкой жилища, с юго-востока на северо-запад. Как керамика, в основном столовая (ведущая форма — миски; встречаются также большие жбанообразные лощеные сосуды, одноручные кувшинчики и многочисленные обломки импортных остродонных амфор), так и мелкие находки (среди них — заготовка костяного гребня, три бронзовые фибулы, все с обернутой ножкой, двухчастной конструкции, серебряная монета Гордиана III (238—244) и другие предметы) хорошо датируют жилище временем не ранее второй половины III—IV в. н. э.

Раскопки 1953 г. полностью подтвердили выводы предыдущих лет о наличии на поселении жилищ двоякого типа — углубленных и наземных — и датировку поселения III—IV в. н. э.

Вместе с тем на площади, занятой поселением культуры полей погребений, в восточной части «бугра» были обнаружены следы жизни и в более позднее время — во второй половине I тысячелетия н. э. (керамика VIII—IX в.) и в XII—XIII в. (хозяйственные ямы и остатки печей).

Добытые раскопками 1953 г. материалы указывают на настоятельную необходимость продолжить работы в Луке-Брублевецкой на широкой площади с тем, чтобы закончить раскопки поселения культуры полей погребений на «бугре», где оно в основной своей части однослойное, и иметь тем самым хотя бы одно полностью раскрытое поселение культуры полей погребений.

Существенно уточнить и характер культурных остатков второй половины I тысячелетия н. э. Как и на восточной окраине всего поселения, они, видимо, не связаны непрерывной линией развития с поселением первой половины I тысячелетия. Последнее было заброшено, оставлено его жителями где-то в самом конце IV или начале V в., в эпоху гуннского завоевания. Тем важнее определить отсутствие или наличие между ними культурных связей и преемственности.

РАСКОПКИ НА ГАВРИЛОВСКОМ И ЗНАМЕНСКОМ ГОРОДИЩАХ

В. П. ПЕТРОВ

(Москва)

Материалы археологических раскопок на Гавриловском городище (раскопы I и IV) в сопоставлении с материалами раскопок на Гавриловском городище предшествующих лет указывают на типологическое и хронологическое тождество материальной культуры Гавриловского городища (Правобережье) и материальной культуры Знаменского городища (Левобережье), равно как и ряда других пунктов Нижнего Поднепровья (Золотая Балка, Любимовка и др.).

Археологическая культура Нижнего Поднепровья, представленная материалами Гавриловки, Знаменки и т. д., обнаруживает черты типологического сходства с археологической культурой Среднего Поднепровья того же времени (Зарубинцы, Корчеватое, Пилипенкова гора и т. д.).

Для керамических комплексов Гавриловки, Знаменки и др. характерно наличие в их составе местной лощеной и нелощеной керамики — сероглинянной, сделанной на круге, импортной коричневолаковой и краснолаковой, амфор и пр.

Аналогичные группы керамики присущи археологическим памятникам зарубинецко-корчеватовского времени на Среднем Поднепровье, в том числе, например, лощеные миски с биконическим бочком так называемого зарубинецкого типа. Миски этого типа одинаково распространены как на нижнем, так и на среднем Днепре.

На среднем Днепре на смену археологической культуре зарубинецкого типа и времени приходит археологическая культура черняховского типа и времени. Подобная смена археологических культур происходит также и на Нижнем Поднепровье.

В III—IV в. н. э. на нижнем Днепре получают распространение памятники черняховского типа, сменяя памятники предшествующего типа и времени, как Гавриловка, Знаменка и т. д., которые к данному времени прекращают свое существование.

Установление типологического сходства между археологическими памятниками Нижнего и Среднего Поднепровья, тождества этапов развития и последовательности смены археологических культур на среднем и нижнем Днепре в зарубинецкое и черняховское время позволяет по-новому поставить и решить ряд исторических проблем, остававшихся до последнего времени не выясненными или решавшихся ошибочно.

О ПАМЯТНИКАХ РАННЕСЛАВЯНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОЛЕСЬЕ УССР

Ю. В. КУХАРЕНКО

(Москва)

На территории Припятского Полесья археологическими памятниками, следующими за полями погребений зарубинецкого типа, являются памятники типа Корчак, а не поля погребений черняховского типа, как это наблюдается в области Лесостепи.

Памятники типа Корчак представлены небольшими курганами с трупосожжением и городищами. В комплексах вещественных остатков тех и других памятников встречаются своеобразные лепные сосуды, типологически, повидимому, связанные с сосудами зарубинецкого типа.

Памятники типа Корчак бесспорно славянские. Все они относятся ко времени между V и VIII в. н. э. Этот период является переходным от бескурганных могильников к могильникам курганным, в которых обряд трупоположения постепенно вытесняется трупосожжением, а керамика гончарная — лепной.

Памятники типа Корчак представляют собой лишь локальный, полесский вариант своеобразной археологической культуры, общей для всех славянских племен, населявших в то время земли между Эльбой и Днепром. Поэтому изучение этих незаслуженно забытых памятников чрезвычайно важно для разрешения общей проблемы происхождения славян и должно стать первоочередной задачей археологов-славистов.

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

(Москва)

Археологические исследования 1951—1953 гг., проведенные автором и Ю. В. Кухаренко в южной части Белорусской ССР, показали, что область распространения раннеславянских памятников зарубинецкого характера отнюдь не ограничивается Средним Приднепровьем. Поселения и могильники зарубинецкого характера обнаружены в ряде пунктов в бассейне Припяти и на берегах Днепра между устьем Припяти и Березины. Судя по отдельным находкам, они имеются и севернее — на Днепре в пределах Могилевской, Витебской и Смоленской областей, а также на верхней Десне. Иными словами, памятники зарубинецкого облика оказываются характерными для всей древней восточнославянской территории.

Основным объектом исследования 1951—1953 гг. явилось городище и примыкающий к нему могильник («поле погребений»), расположенные на правом берегу Днепра у с. Чаплин, Лоевского района, Гомельской области. На городище было раскопано около 1100 м², что составляет несколько более $\frac{1}{4}$ его площади. На могильнике, расположенном в 100 м от городища, раскопано более 1500 м², что составляет около половины его площади.

Культурный слой городища мощностью в среднем 0,4—0,5 м аморфный по строению, перекрывал остатки жилищ: а) наземных, столбовой конструкции и б) небольших полуземлянок, а также многочисленных ям-ханилищ. Найдены: а) изделия из железа: топоры-кельты, серпы, ножи, рыболовный крючок, наконечник стрелы, шилья, наконечники копий, булавки с эсовидной головкой и др.; б) изделия из бронзы: спиральные и простые височные кольца, браслеты и перстни, фибула, подвеска и др.; в) изделия из кости: пряжка, остряя, рукоятки ножей, гребень и др.; г) изделия из глины: прядлища, в том числе с характерным орнаментом, литейные формочки, глиняные фигурки; д) изделия из камня: ручные зернотерки, песты, бруски и кресала. Керамика имеется двух типов: а) лепная, лощеная зарубинецких форм — широкие реберчатые миски, высокие горшки и кувшинчики с ручками, б) грубая лепная — высокие горшки с узким дном без орнамента или с насечками, защипами или ямками по плечику. В единичных случаях встречен налепной валик по плечикам сосудов. Найдены обломки круглых плоских глиняных крышек с защипным орнаментом, характерных для пшеворской культуры. Один грубый сосуд имел защипы по всей поверхности, что также встречается на пшеворской посуде. Одновременность бытования обоих типов посуды доказывается нахождением посуды того и другого типа в жилищах, ямах для хранения продуктов, а также в по-

гребениях могильника. Собранный материал датируется II—I в. до н. э. и, повидимому, началом нашей эры. Он позволяет сделать обстоятельную характеристику экономики и быта древнего населения городища. Кости, найденные при раскопках, принадлежали домашним и диким животным. Количество тех и других приблизительно равное. Найдены также кости и чешуя рыб.

На могильнике было открыто 43 погребения. Все они содержали остатки трупосожжений и по своему характеру разделялись на две группы: а) трупосожжения, ссыпанные в небольшую округлую в плане, суживающуюся книзу яму, куда ставились также глиняные сосуды (миски и горшок) и б) трупосожжения, ссыпанные в яму удлиненной формы, размером в рост человека. Ямы эти ориентированы с северо-запада на юго-восток. Сосуды (два-три) помещались всегда в северо-западной части ямы, вещи — в средней части, сожженные кости — в разных частях ямы. Эти погребения оказались более богатыми. Они содержали фибулы латенских типов, большие застежки с подвижной иглой, спиральные браслеты и другие украшения. Найдены два железных копья и ножи. Керамика, происходящая из могильника, почти вся относится к категории лощеной; она полностью соответствует такой же посуде, происходящей из городища. В 14 погребениях (из них в 4 вместе с лощеными) найдены грубые лепные сосуды такие же, как и на городище. Фибулы, спиральные браслеты и ножи с горбатой спинкой, происходящие из могильника, полностью соответствуют находкам на городище. Все это, а также ближайшее соседство городища и могильника позволяет утверждать, что могильник несомненно принадлежал обитателям городища.

Для решения вопроса о происхождении зарубинецкой культуры, представленной материалами городища и могильника у с. Чаплин, большое значение имеют находки из древнейшего слоя городища, в культурных наслойениях стратиграфически не выделяющиеся, но представленные обособленно под валами городища и в заполнении некоторых ям. Это — керамика, по составу глины и характеру поверхности заметно не отличающаяся от обычной для городища грубой лепной посуды, но по форме очень архаичная: сосуды с небольшой прямой шейкой, яйцевидным телом и округлым дном. Некоторые из них имели орнамент в виде грубых ямочных вдавлений по основанию шейки или по плечикам. Керамика такого облика характерна для древнейших городищ исследованного нами участка Поднепровья — Горошковского, Милоградовского и многих других. На могильнике у с. Чаплин такая посуда не найдена.

С целью выяснения вопроса о том, в каком отношении друг к другу находятся культуры древнейших городищ и городищ с находками зарубинецкого характера, были произведены небольшие раскопки на трех городищах: Моховском, Горошковском и Милоградовском.

Небольшое Моховское городище, находящееся на правом берегу Днепра, в 25 км ниже Чаплинского городища, дало такой же зарубинецкий материал, как и Чаплинское городище.

Горошковское и Милоградовское городища дали лишь архаическую керамику с небольшой примесью грубых глиняных сосудов с плоским или уплощенным дном. Что же касается других элементов материальной культуры, представленных на этих древних городищах, то они оказались чрезвычайно близкими тому, что дали городища зарубинецкого времени. К ним относятся: а) жилища двух типов — наземные столбовые и полуземлянки, такие же как на Чаплинском и Моховском городищах, б) ямы для хранения, такие же, как и на городищах зарубинецкого времени и столь же многочисленные, в) глиняные орнаментированные прядильца такого же типа, как на городищах зарубинецко-

го времени, г) такие же, как на последних, глиняные фигурки, д) железный серп, хоть и небольшой, но такого же типа, как на Чаплинском и Моховском городищах.

Не считая вопроса о происхождении зарубинецкой культуры в исследуемой нами области окончательно разрешенным, мы тем не менее полагаем, что эту культуру нельзя рассматривать как появившуюся здесь в результате прихода нового населения. Она создалась или распространялась в среде местного населения, включив в свой состав многие черты,ственные культуры предыдущего времени — IV—III в. до н. э.

Сделанный нами вывод находит значительное подтверждение в том, что культура с керамикой типа Городковского и Милоградовского городищ известна не только на исследуемом нами участке Поднепровья, но и в других областях, занятых в II—I в. до н. э. и в первых веках нашей эры зарубинецким населением. Она имеется на Припяти, в Верхнем Поднепровье, повидимому на Десне, где составляет нижние слои юхновских городищ. Эта культура известна на Волыни и Киевщине, где имеются не только поселения с точно такой же керамикой, но и могильники. Здесь имеется в виду материал, известный под наименованием Подгорцевской культуры, которая справедливо рассматривается как генетическая основа зарубинецкой культуры (В. Н. Даниленко). Отдельные сосуды с округлым дном известны на Корчеватовском могильнике.

Таким образом, в результате наших исследований, значительно расширена не только территория зарубинецкой раннеславянской культуры, но и территория ее непосредственного предшественника. Все это обещает по-новому осветить проблемы происхождения и развития восточных славян.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОСТАТКОВ ЗАПОРОЖСКИХ СЕЧЕЙ

Ф. Б. КОПЫЛОВ

В связи с изучением истории воссоединения Украины с Россией археологические исследования мест Запорожских Сечей были включены в план работ Института археологии АН УССР в районе будущего водохранилища Каховской ГЭС. Как известно, Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа, в течение двух столетий своего существования неоднократно перемещалась, находясь, тем не менее, за исключением короткого периода — 1709—1733 гг., в Базавлукских плавнях.

Первым местом Сечи был остров Малая Хортица. В конце XVI в. Сечь находилась уже на р. Базавлук, но место ее обнаружить невозможно из-за неточности исторических сведений о ее местонахождении и изменений в топографии долины р. Базавлук, произошедших вследствие ежегодных разливов Днепра на протяжении 250 лет.

Следующим местом Сечи был остров Томаковка или Буцкий. Произведенные на нем разведки обнаружили остатки вала полевого укрепления, принадлежавшего ко времени следующей сечи — Мыкитинской. По некоторым данным в это укрепление прибыл в конце 1647 г. бежавший от польских панов Богдан Хмельницкий. Археологические разведки позволили выяснить структуру вала и снять план остатков полевого укрепления. Памятников времени Томаковской Сечи обнаружить не удалось.

Место, где находилась Мыкитинская Сечь — Мыкитин Рог, откуда повел свои войска на народно-освободительную войну Богдан Хмельницкий, лежавшее поблизости теперешнего г. Никополя, полностью смыто разливом Днепра во второй половине прошлого столетия.

От полуострова возле с. Капулівка, где стояла следующая, Чертомлыцкая Сечь, основанная в 1652 г., также остался лишь небольшой остров. Место сечевой крепости полностью уничтожено Днепром. Разведочными раскопками на оставшемся участке Сечи, повидимому застроенном в то время ремесленными мастерскими, удалось обнаружить развалины меднолитейной мастерской и сгоревшего подсобного помещения.

Обследованием Каменной балки, где Запорожская Сечь стояла два раза: с 1709 по 1711 г. и с 1730 по 1734 г., обнаружены остатки ям от куреней-полуземлянок и развалины глинобитной, обложенной кафлями печи, находившейся в наземном помещении этого же времени. Кроме того, снят план расположения куреней и произведены раскопки одного из них.

Территория Красного Кута, куда Сечь перешла из Каменной балки в 1734 г., и где она стояла до своего конца (до 1775 г.), сейчас занята

с. Покровское. От сечевых сооружений, кроме запорожской гавани «Уступ», до нашего времени ничего не сохранилось. Вследствие распашки земли под огороды и рытья ям для хозяйственных целей производство раскопок в этом месте Сечи нецелесообразно.

Кроме обследования мест, где стояли сечи, разведка ставила своей задачей фиксацию изменений в состоянии и количестве других памятников запорожского времени по сравнению с последними упоминаниями о них в нашей исторической литературе.

Учет сохранившихся запорожских памятников показал резкое уменьшение их количества за последние 50 лет.

До нашего времени уцелели: памятник на могиле кошевого Ивана Сирка в с. Капутивка, Никопольского района, Днепропетровской области, несколько запорожских крестов в с. Кут, Ново-Воронцовского района, и в колхозе «Республиканец», Бериславского района, Херсонской области, запорожский домик в г. Никополе (по ул. Свердлова № 30) и один более новый крест над могилой запорожца на никопольском кладбище. Остальные памятники, известные по описаниям начала нашего века, уже не существуют. Необходимо обеспечить охрану этих последних уцелевших памятников Запорожской Сечи.

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧИГИРИНЕ И СУББОТОВЕ

Г. Н. ЛОГВИН

Во время освободительной войны 1648—1654 гг. против шляхетской Польши Чигирин стал административным и политическим центром Украины, а с. Субботов, принадлежавшее Богдану Хмельницкому, — его любимой резиденцией.

Архитектурно-археологические исследования были проведены в этих местах в 1953 г. Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры УССР при участии Института археологии АН УССР.

Задача экспедиции состояла в том, чтобы: 1) провести предварительные разведывательные работы по выяснению топографии укреплений Чигирина, 2) исследовать в с. Субботов каменную церковь, где был похоронен Богдан Хмельницкий, 3) исследовать топографию укреплений Субботова.

Археологические раскопки в Чигирине показали, что Верхний замок на Каменной горе, основанный в XVI в., имел мощные укрепления, состоявшие из каменных стен, трех каменных и одной деревянной башни. Площадь двора замка превышает площадь таких больших замков, как, например, замок в Луцке, Владимире-Волынском или в Каменце-Подольском, в связи с чем есть основания утверждать, что Чигирин был в XVII в. одним из крупнейших городов Украины. Городские укрепления состоят из каменных стен, деревянных стен, а также рвов и валов.

Село Субботов упоминается в документах начала XVII в. как принадлежавшее Михаилу Хмельницкому — отцу будущего гетмана. Из архитектурных памятников XVII в. здесь сохранилась лишь Ильинская церковь, построенная в 1653 г. Богданом Хмельницким, где он и был похоронен в 1657 г. Углубление фундамента церкви на 3,10 м от современной поверхности дает основания предполагать, что церковь имеет склеп. Такие склепы-усыпальницы известны в украинской архитектуре (Низкеничи, Сорочинцы, Лютянки, Седнев и др.). После 1648 г. с. Субботов значительно вырастает, а его укрепления усовершенствуются и расширяются, о чём есть упоминание у Алецкого. До сих пор не был известен ни характер, ни размеры этих укреплений. Установлено, что Субботов был окружен двумя рядами валов и рвов, имел каменную и деревянные башни. Площадь двора Субботовского замка превышает 2 га, следовательно, это был не укрепленный хутор, а большой замок.

Исследования каменной башни дали возможность представить архитектурную и строительную технику укреплений.

Обнаруженные керамические изделия, поливной кафель, поливная черепица, оконное стекло — местного производства, которое находилось на высоком художественном и техническом уровне. Кроме того, были обнаружены остатки керамической печи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ОЛЬВИИ В 1952 И 1953 ГГ. И ЗАДАЧИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЛИЖАИШИЕ ГОДЫ

Т. Н. КНИПОВИЧ (*Ленинград*)

Л. М. СЛАВИН (*Киев*)

Работы Ольвийской экспедиции 1952 и 1953 гг., организованной Институтом археологии Академии наук УССР и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, представляли непосредственное продолжение раскопок Ольвии, планомерно проводившихся в течение ряда лет и имевших целью систематическое открытие древнего города. В первую очередь работы всегда производились в тех пунктах, которые являлись наиболее важными с точки зрения современных задач изучения Ольвии. В отчетные годы исследованию подвергались, во-первых, центральная часть верхнего города, во-вторых, южная часть верхнего города, представлявшая собою во II и III в. н. э. особо укрепленную территорию (так называемую римскую цитадель).

В центральной части верхнего города особенно значительными были работы на участке Е, где в VI—II в. до н. э. находилась центральная городская площадь, агора. Основные работы были сосредоточены в 1952 и 1953 гг. в северной части агоры, представлявшей участок важного культового значения. Закончено было начатое в 1951 г. раскрытие остатков небольшого здания IV—III в. до н. э., состоявшего из двух или трех следующих одно за другим помещений, которое, судя по планировке и остаткам архитектурного убранства, представляло собой храм.

К юго-востоку от остатков этого здания раскрыт монументальный алтарь, сложенный из плит известняка и представляющий для Северного Причерноморья памятник совершенно уникальный; по технике кладки он относится к лучшим образцам античной архитектуры на юге СССР. Судя по ряду находок, на основной каменной части алтаря (подиуме) стоял небольшой сплошь мраморный алтарь с богатой и художественной рельефной орнаментацией.

На соседней с алтарем территории был открыт ряд остатков других сооружений, вероятно, тоже имевших культовое назначение: квадратное в плане сооружение; жертвенник с оштукатуренными стенками и следами длительного действия огня; какое-то сплошь мраморное сооружение, возможно второй алтарь.

Из находок этого участка заслуживают упоминания прежде всего обломки мраморных плит с греческими надписями. Особенно интересен обломок с частью надписи V в. до н. э., представлявшей посвящение Аполлону Дельфинию.

Весьма интересны находки обломков ранних краснофигурных киликов с процарапанными на стенках надписями, воспроизводящими имя Зевса.

Важным результатом исследований на территории агоры является открытие сооружений времени более позднего, чем период существования здесь центральной городской площади.

Открыты остатки винодельни I—II в. н. э. с сохранившимися тремя днищами резервуаров для вина и каменной гирей рычажного пресса; памятник этот существенно дополняет имевшиеся ранее сведения о виноделии в Ольвии. К тому же времени относятся остатки двух гончарных печей, служивших для обжига черепицы — калиптеров, а также ряд хозяйственных ям, содержащих показательный вещественный материал первых веков нашей эры.

Вторым участком центральной части верхнего города, подвергавшемся раскопкам в 1952 г., был участок А вблизи Зевсова кургана. Основной задачей здесь было продолжить раскрытие большого строительного комплекса, расположенного к северу от проходившей в направлении с запада на восток улицы. Выяснилось, что под домом IV—II в. до н. э. залегают остатки обширного дома V в. до н. э. Открыт большой подвал VI—V в. до н. э. и остатки других построек того же времени с обильным вещественным материалом. Интересно частично открыто большое подвальное помещение, отличающееся прекрасной кладкой стен; судя по заполнению, оно относится еще к V в. до н. э.

Большое внимание было уделено в 1952 и 1953 гг. продолжению начатого в 1951 г. исследования территории так называемой римской цитадели. На участке М (северо-западная часть цитадели) работы производились к западу от перистильного дворика, открытого в 1951 г.; исследованию подвергались как насыщения догетского периода, так и слои первых веков нашей эры. Из остатков догетского времени особенно существенно обнаружение обширного дома, выстроенного в V в. до н. э. и бытовавшего с последующими перестройками также в IV и III в. до н. э.; пока открыты два подвальных помещения и незначительная часть стены надземного этажа. Открываемый дом дает возможность впервые ознакомиться со строением догетского периода на территории позднейшей римской цитадели. Для представления о данной части города интересны также обнаруженные во вторичном использовании два больших блока архитрава ионического ордера, составлявшие часть антаблемента какого-то монументального здания, находившегося здесь еще в IV в. до н. э.

Существенные результаты дали экспедиции 1952 и 1953 гг. на участке М для представления о городе первых веков нашей эры. При расширении раскопа к северу открыта часть монументальной городской стены, ограждавшей территорию цитадели с севера и построенной к концу II в. н. э. Подошва стены в большей ее части стоит на материке; фундамент ее прорезал насыщения VI и V в. до н. э. Большое значение для истории Ольвии в последние века ее жизни имеет наблюдение о громадном пожаре, охватившем значительную часть данного района в III в. н. э. и, очевидно, явившемся результатом нашествия.

На участке Л (в центре той же территории римской цитадели) главным результатом произведенных в 1952 г. работ является обнаружение остатков металлообрабатывающего производства IV в. н. э. Значение этого открытия определяется тем, что здесь мы впервые встречаемся с остатками значительного производственного предприятия, относящегося к одному из ведущих ремесел Ольвии. Крайне плохая сохранность не дает возможности ясно представить себе устройство мастерской, но многочисленные обнаруженные здесь производственные остатки свидетельствуют о значительных масштабах этого производства.

причем изготавливались изделия не только железные, но также медные и, повидимому, свинцовые.

На том же участке *L* были открыты части некоторых городских построек; из них следует упомянуть опущенное на значительную глубину подвальное помещение дома первых веков нашей эры, содержащее показательный вещественный материал преимущественно I в. н. э. Большой интерес представляет также открытая близ восточной границы раскопа небольшая часть мощеной дороги, являвшейся, повидимому, главной уличной магистралью, пересекавшей данную часть города в направлении с севера на юг.

При исследовании обоих участков южной части города (*L* и *M*) было найдено большое количество показательного вещественного материала. Следует отметить два обломка мраморных плит с греческими надписями, представлявшими почетные постановления; из них один относится к I, другой к III в. н. э. Исключительным своеобразием отличаются крайне примитивные глиняные фигурки, найденные в районе металлообрабатывающей мастерской. Представляют интерес также новые образцы местной ольвийской керамики, близкой черняховской группе так называемой культуры полей погребений, а также обломки доскифской керамики, встречавшиеся в наиболее глубоких наслойениях.

Результаты работы Ольвийской экспедиции в 1952 и 1953 гг. дают возможность наметить ряд важнейших задач самых ближайших лет. Из подвергавшихся раскопкам в последние годы участков городища выделились некоторые, безусловно нуждающиеся в первоочередном дальнейшем исследовании. На них и должны быть сосредоточены основные силы экспедиции: одновременное исследование многих участков нежелательно, так как это ведет к распылению сил и средств.

Первым участком, нуждающимся в первоочередном исследовании, является территория Ольвийской агоры, района, игравшего особо важную роль в общественной и политической жизни города с VI по II в. до н. э. Наряду с дальнейшим раскрытием северной части агоры, необходимо продолжить прослеживание границ агоры, выяснить ее план и наметить те ее части, которые потребуют в будущем более детального исследования.

К числу важнейших работ следует также отнести продолжение раскопов на территории поздней римской цитадели. Специальной задачей является расширение участка *M* в целях: а) доследования здания с перистильным двором, б) доследования комплекса V—III в. до н. э., в) продолжения раскрытия северной оборонительной стены. Необходимо продолжить работы на участке *L*, в частности, по полному раскрытию окружения металлообрабатывающей мастерской и по выявлению центральной уличной магистрали.

Хотя во избежание чрезмерного распыления сил целесообразно сосредоточение сил на двух упомянутых частях города, следует все же учесть необходимость некоторых дополнительных работ. Такие работы первоначально хотя бы разведочного характера, желательно провести в районах между участками *A* и *I*, а также между территориями агоры и цитадели. Необходимо также довести до конца некоторые незавершенные работы, в частности на участках *A* и *I*.

Совершенно необходимую задачу составляет возобновление систематических исследований ольвийского некрополя и продолжение археологических исследований ближайших к Ольвии поселений Нижнего Побужья, причем следует поставить в план исследование не только поселений, но и их некрополей.

ОЛЬВИЙСКАЯ АГОРА

Е. И. ЛЕВИ

(Ленинград)

Ольвийская агора расположена в центральной части Верхнего города. Изучение ее началось впервые после Великой Отечественной войны. Исследование велось в различных частях площади на шести раскопах. Кроме того, на агоре был заложен ряд разведочных участков.

На раскопе Е-І открыт подвальный этаж торгового ряда, вытянутый вдоль склона к Нижнему городу. Открыто восемь помещений, не сообщавшихся между собой. Характерным для них является обилие монетных находок. Северная часть подвального этажа была построена во второй половине IV в. до н. э., южная — в начале III в. до н. э. Во II в. до н. э. все подвалы оказались засыпанными.

С противоположной склону стороны торговый ряд примыкал к площади, вымощенной черепками. Вскрыто три горизонта черепяных вымосток, относящихся ко времени V—II в. до н. э.

На раскопе Е-ІІ открыты остатки общественного здания V—IV в. до н. э., вытянутого по направлению к склону. Здание состояло из четырех помещений, сообщавшихся друг с другом.

Вблизи этого здания находился общественный водоем, сооруженный в V в. до н. э. Первоначально водоем был связан с каким-то гидротехническим сооружением. После его разрушения водоем продолжал бытовать как водосборный бассейн до конца II в. до н. э.

Раскоп Е-ІІІ расположен вблизи слияния главной улицы Верхнего города с площадью. Этот раскоп являлся местом сосредоточения культовых памятников. Здесь с 1951 по 1953 г. было найдено 17 обломков мраморных плит от 14 надписей. Всего при раскопках агоры найдено 20 обломков плит от 17 надписей.

Раскопы Е-ІV и Е-V дали возможность определить протяженность агоры в западном направлении (Е-ІV) и установить, что в центре ее в IV—III в. до н. э. находилось большое здание, стоявшее на мощных слоевых субструкциях (Е-V).

Изучение памятников агоры и материала, сопутствовавшего их раскрытию, позволяет сделать предварительные выводы об устройстве агоры и истории ее планировки.

В системе городской планировки агора выделяется еще в конце VI в. до н. э. В V—IV в. до н. э. общественные здания были сосредоточены в северной части агоры. Строительные остатки V—IV в. до н. э. свидетельствуют, что уже в это время размеры агоры были довольно значительны и она была богато оформлена. Во второй половине IV в. до н. э. все ранние здания были разрушены.

Большие строительные работы вновь ведутся на агоре с конца IV в. до н. э. Площадь перепланируется. Остатки прежних построек засы-

паются, на их месте строятся новые здания или сооружается вымостка из черепков.

Ко II в. до н. э. значение этого района падает, что сказывается на его общем облике. Большинство зданий, разрушенных к концу II в. до н. э., вновь не восстанавливается. Разрушение памятников агоры во II в. до н. э. носит следы умышленного их уничтожения.

В первые века нашей эры древняя агора находилась за пределами городских стен. На ее территории были расположены производственные мастерские.

Материалы ольвийской агоры являются ценнейшим источником для освещения как истории Ольвии, так и истории Северного Причерноморья в целом. Они свидетельствуют о том, что во второй половине IV в. до н. э. Ольвия переживала период ослабления, который, возможно, связан с осадой города Зопирионом.

Материалы II в. до н. э. указывают на катастрофу, постигшую город во второй половине этого века, которая привела Ольвию в состояние крайнего экономического и политического упадка. Они являются яркой иллюстрацией ольвийского декрета в честь Никерата и даниных Диона Хрисостома о положении Ольвии перед взятием города гетами.

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ

А. Н. КАРАСЕВ

(Ленинград)

Район раскопа *E-III*, заложенного у входа на агору, был занят с VI в. до I в. до н. э. культовыми сооружениями.

Агора в Ольвии. Алтарь V—IV в. до н. э.

К архаическому периоду относятся две ямы в северо-западной части раскопа. Обнаруженный в них материал указывает на то, что обе ямы принадлежали храму. Возможно, что с культом связано и частично открытое в 1953 г. в северо-восточной части раскопа удлиненное углубление в материке, ориентированное с востока на запад.

Внутри углубления обнаружены в большом количестве обломки чернофигурных киликов.

В V в. до н. э. эта часть площади тщательно замазывается щебнем; на площади возводится монументальный алтарь из раковистого известняка, полностью сохранившийся, за исключением верхней, венчающей его части. На площади устанавливаются плиты с надписями; сохранились остатки четырех постаментов для плит.

К V—IV в. до н. э. относится открытый в 1953 г. прямоугольный жертвенник со следами длительного действия огня. Верхняя часть жертвенника была сложена из сырцовых кирпичей. На жертвеннике сохранились остатки трех слоев штукатурки.

Во второй половине IV в. до н. э. вся северная часть агоры реконструируется. Уровень мостовой повышается на 0,6 м. Все ранее существовавшие в данном районе памятники оказываются погребенными под слоем чистого лесса. На месте старого алтаря сооружается такого же размера новый алтарь из белого мрамора, дождевший до нас только в обломках.

К этому же времени относятся частично раскрытые в северо-восточной части раскопа слоевые субструкции большого здания, очевидно храма, ориентированного с запада на восток.

В северо-западной части раскопа сохранились слоевые субструкции храма III в. до н. э. Храм был построен из известняка в дорийском ордере. Храм был ориентирован с юго-востока на северо-запад.

Все культовые сооружения эллинистического времени окончательно гибнут во время разгрома Ольвии тетами. В первые века нашей эры данный участок древней агоры используется для устройства производственных мастерских.

РАСКОПКИ МАСТЕРСКОЙ ПО ОБРАБОТКЕ МЕТАЛЛА В ОЛЬВИИ

Ф. М. ШТИТЕЛЬМАН

В 1951 и 1952 гг. на заложенном на территории ольвийской цитадели участке *L* были открыты остатки металлообрабатывающей мастерской IV в. н. э. Частично сохранились нижние ряды южной, западной и восточной сырцовых стен рабочего помещения, оштукатуренных с наружной стороны глинистой массой. Помещение (площадью $2,9 \times 2,6$ м) было полуподвальным; в северо-восточной его части сохранилась лестница из трех каменных ступеней. Кровля постройки была, по-видимому, черепичной; она опиралась на сырцовые стены и опорные столбы. В северо-западной части помещения обнаружены остатки горна в виде глиняного сильно разрушенного столба неправильной формы с воронкообразным овальным углублением (диаметром 0,13—0,15 м и глубиной 0,15 м). Глинистая обмазка с внутренней стороны углубления и частично с западной стороны столба ошлакована. Воронкообразное углубление (литок?) было заполнено золой и мелкими угольками. В северной его части расчищено круглое отверстие (диаметром 0,15 м), куда, возможно, вставлялось сопло. Вокруг литка найден большой кусок железной крицы неправильной формы весом около 5 кг.

Юго-западная часть помещения представляла собой небольшую камеру ($1 \times 0,85$ м), отделенную сырцовой перегородкой; здесь обнаружен завал сырца, глиняной обмазки, большое количество железных и бронзовых изделий, куски железного и силикатного шлаков, обожженного известняка, а также древесный уголь.

В глиниобитном, покатом к центру полу помещения расчищено углубление неправильной формы, заполненное большим количеством сажи и обломками железных изделий. В помещении найдены три известняковых корыта со следами действия огня, местами сильно закопченные. Одно из них квадратное ($0,48 \times 0,48$, глубина 0,11 м), два других — прямоугольной формы ($0,31 \times 0,20$ м, $0,37 \times 0,25$ м, глубина 0,15 м).

Открытие металлообрабатывающей мастерской сопровождалось находками большого количества железных предметов (гвоздей разнообразных форм и размеров, серпов, ножей, наконечников копий, дротиков и др.), кусков железных криц, шлаков (железного, медного и силикатного). Кроме того, здесь же найдены бронзовые изделия, куски свинца и кости животных со следами сработанности, которые, возможно, служили орудиями труда.

Особенно интересны найденные здесь обломки железных щипцов для тиглей, сильно ошлакованные фрагменты тигля. Следует также отметить обилие обожженных кирпичей.

Большого внимания заслуживают найденные внутри помещения и вокруг него обломки нескольких чрезвычайно примитивных необожженных глиняных фигурок.

Трудно произвести в настоящее время полную реконструкцию открытой постройки из-за ее сильной разрушенности, но несомненно, что она принадлежала металлообрабатывающей мастерской, в которой наряду с изготовлением железных орудий труда, вооружения и других изделий производилось, повидимому, также и литье медных и свинцовых предметов обихода.

РАСКОПКИ В БЕЛГОРОДЕ-ДНЕСТРОВСКОМ

А. И. ФУРМАНСКАЯ и Е. В. МАКСИМОВ

После двухлетнего перерыва, в 1953 г. Измаильская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук УССР возобновила работы по исследованию древней Тиры.

Результаты исследований прошлых лет (1945—1950 гг.), произошедшихся в основном на площади, находящейся у главных ворот древней Белгород-Днестровской крепости, обусловили необходимость дальнейшего расширения заложенного здесь раскопа A. Непосредственной задачей раскопок 1953 г. было открытие строительного комплекса первых веков нашей эры, выявленного частично ранее на запад от городской улицы, обнаруженной раскопками 1950 г. В 1953 г. здесь было вскрыто 200 м² площади при глубине раскопа до 4 м.

Как и в прошлые годы, на прирезанной в 1953 г. площади раскапывался гласис, вместиивший в себя всю землю из рва, опоясывающего Белгород-Днестровскую крепость. В этом насыпном слое, перекрывающем строительные остатки самого верхнего горизонта, относящегося к позднему времени, было обнаружено большое количество обломков античной керамики конца V—II в. до н. э.

Раскопками 1953 г. были раскрыты жилые комплексы первых веков нашей эры и перекрывающие их остатки средневекового города — молдавской Четата-Албы.

Среди выявленных строительных памятников молдавского времени следует отметить прекрасно сохранившееся помещение с расположенным вдоль стен лежанками и вмонтированными в них камельками и другими хозяйственными приспособлениями с особой отопительной системой, характерной для жилых сооружений городов молдавского государства этого времени (например, Оргеева). Аналогичные помещения были исследованы на данном участке и раскопками прошлых лет. Все они свидетельствуют о высоком уровне городского строительства XIII—XIV в. в Молдавском государстве. Наблюдаемые частые перестройки этих зданий, а также близкое их расположение друг к другу указывают на густую застроенность этой части города.

Среди остатков строительных комплексов античного времени, исследованных экспедицией 1953 г., особый интерес представляют два.

Один из них состоял из двух печей у стены здания первых веков нашей эры. Разная величина печей, некоторые отличия в их устройстве и расположении свидетельствуют о различном их назначении.

Меньшая печь была расположена внутри помещения и использовалась для бытовых нужд. Основание стен печи сложено из необработанных камней различных размеров, стены были глиняные на деревянном каркасе (из прутьев). Квадратной формы под (1 м) был выложен кирпичами, между которыми встречено несколько обломков черепицы и

камней. На одном из обломков кирпичей обнаружен рисунок античного корабля, процарапанный по сырой глине. На полу этой печи выявлен керамический комплекс из пяти сосудов: двух небольших лепных горшков и лепной миски, аналогичных зарубинецким формам, лепного светильника и одноручного сероглиняного кувшина, орнаментированного редко расположеными лощеными трапециевидными шевронами, помещенными между двумя горизонтальными линиями. Подобные сосуды встречаются как на городищах нижнего Днепра, так и в Ольвии в комплексах первых веков нашей эры. Вторая печь, круглая в плане, больших размеров (диаметр до 2,5 м) была расположена вне помещений. Сохранилось каменное кольцевое основание стен печи и ее под, выложенный плоской черепицей; на двух черепицах имеются клейма прямоугольной формы. Легенда клейм LEGMAС (буквы М и А соединены) дает основание предполагать, что печь была сооружена в период пребывания (или некоторое время спустя, после ухода из Тира) частей V Македонского легиона, т. е., вероятнее всего, во II — начале III в. н. э.

Печь по форме и устройству аналогична печи, открытой раскопками 1946 г. Подобные печи, очевидно, имели производственное назначение. Окончательно выяснить характер всего комплекса можно будет при последующих исследованиях.

Другой строительный комплекс состоит из жилого помещения и мещеного двора. Раскопками 1953 г. были исследованы двор и прилегающая к нему северо-восточная часть жилого помещения.

Исследования этого комплекса, как и данные раскопок прошлых лет, показали, что характерным типом жилого дома Тиры первых веков нашей эры является постройка, состоящая из мещеного двора, окруженного с двух сторон помещениями. Вход в здание располагался в восточной стене двора. Внешняя облицовка этой стены состояла из больших обработанных каменных плит, уложенных по системе «кордон на ребро, плита на образок».

Вход во двор состоял из большой плиты порога, ниже которого на 0,2 м была устроена ступенька из двух больших каменных плит. Двор был вымощен камнями прямоугольной формы средних размеров. При расчистке двора были найдены части зернотерок, медные монеты, два фрагмента арбалетовидных фибул II—III в. н. э. и большое количество обломков керамики этого времени, в первую очередь, узкогорлых и желобчатых амфор, среди которых значительный интерес представляет верхняя часть тулов амфоры III в. н. э. с частично сохранившейся греческой надписью красной краской в три строки.

В большом количестве здесь были найдены фрагменты краснолаковых сосудов и единичные обломки краснолаковых светильников преимущественно II—III в. н. э., фрагменты лепных светильников и лепных сосудов со следами копоти, орнаментированных ямочными вдавливаниями по краю. В значительном количестве встречаются и обломки стеклянных сосудов. Особо интересен фрагмент терракотов, изображающий, повидимому, голову Афины в шлеме.

Подобные предметы, но в меньшем количестве, были найдены при расчистке расположенного рядом с двором помещения.

Обнаруженный при снятии гласиса многочисленный и разнообразный инвентарь в виде обломков краснофигурных и чернолаковых сосудов, архитектурных фрагментов, терракотов, а также амфорных ручек с клеймами, преимущественно Родоса и Синопы, дает уже сейчас достаточное представление о жизни города с конца V по II—I в. до н. э. Разнообразный материал первых веков нашей эры, сопровождавший хорошо сохранившиеся остатки жилых и хозяйственных сооружений этого времени, ярко характеризует жизнь античного города последнего периода его существования.

Богато представленная краснолаковая и амфорная керамика первых веков нашей эры свидетельствует о продолжавшихся связях Тиры с малоазийскими городами.

Наличие наряду с этой керамикой многочисленных образцов лепной посуды зарубинецкого и сарматского типов свидетельствует об усилении роли раннеславянских и сарматских племен в жизни города и об изменении состава его населения.

Исследования 1953 г. убедительно показали целесообразность расширения раскопа А в направлении главных ворот крепости, необходимое для исследования комплексов поздней Тиры, а также изучение нежелавших — более ранних, чем первые века нашей эры, культурных слоев города с целью полного выявления комплексов античной Тиры.

Важнейшими задачами последующих исследований Тиры попрежнему остаются выяснение границ города, местонахождения его некрополя, а также исследования его ближайшей периферии.

Разрешение этих задач требует широкого систематического и комплексного изучения этого интереснейшего памятника.

Интересы охраны как древней Белгород-Днестровской крепости, так и вновь открываемых археологических памятников Тиры — Белгорода настоятельно диктуют необходимость принятия срочных мер, направленных на сохранение и содержание их в экспозиционном состоянии.

РАСКОПКИ ЛЮБИМОВСКОГО ГОРОДИЩА

Л. Д. ДМИТРОВ

Строительство Каховского гидроузла, находящегося в очень важной в археологическом отношении местности — части древней геродотовой и послегеродотовой Скифии — весьма богатой разнообразными археологическими памятниками (городища, поселения, курганы, могильники), поставило перед советской археологической наукой ряд неотложных и исключительно интересных задач.

Организованные Институтом археологии АН УССР экспедиции выявили и обследовали на территории строительства ряд важных для исторической науки археологических памятников и среди них известное уже в литературе Любимовское городище, расположенное в 4 км восточнее г. Каховка, Херсонской области, на высоком левом берегу р. Конка.

Произведенные в 1951—1952 гг. на Любимовском городище раскопки ставили своей задачей более глубокое его исследование, начатое Херсонским историко-археологическим музеем еще в 1926—1929 гг., для выяснения плана застройки городища, степени сохранности культурных напластований и техники сооружения его жилых и оборонительных комплексов.

В результате раскопочных работ 1951—1952 гг. были открыты остатки нескольких каменных строений, расположенных как в центре городища, так и возле оборонительных сооружений.

Особое внимание привлекает к себе ряд помещений, в которых были обнаружены жернова. Очевидно, эти помещения были не только жилого, но также и производственного назначения. Обнаруженные в них и вокруг них керамические изделия дают основание датировать эти помещения концом III—I в. до н. э. и I—II в. н. э.

Раскопки установили, что находящиеся у северного прибрежного края городища два холмообразных возвышения, обычно называемые в литературе, посвященной Любимовскому городищу, «зольниками», представляли собой специальные насыпи сложной конструкции, состоявшие из чередующихся прослоек земли, глины и золы, устроенных, очевидно, с целью повышения в связи с рельефом местности уровня прибрежной части городища, равно как и для укрепления построенных здесь сооружений и предупреждения возможных оползней.

В процессе раскопок подвергнут сомнению вопрос относительно существования на Любимовском городище «въезда» с напольной стороны, т. е. со стороны с. Любимовка, и «съезда» с городища на прибрежную полосу в сторону р. Конка, как об этом высказывались прежние исследователи. Получены данные, позволяющие предполагать существование только одного въезда в городище, именно с прибрежной стороны. Впрочем, вопрос этот на данном этапе исследования Любимов-

ского городища не мог быть окончательно решен и требует доследования.

Во время раскопок Любимовского городища в 1951—1952 гг. добыт значительный вещевой материал (местная лепная, а также изготавленная на гончарном круге керамика, изделия из металла, кости, камня, рога, разные украшения и пр.), относящийся к различным эпохам и свидетельствующий о многовековом существовании Любимовского городища, начиная с конца III в. до н. э. и вплоть до XV—XVI в. н. э.

Кроме местной керамики, на Любимовском городище, как и на других соседних с ним городищах и поселениях Нижнего Приднепровья, в довольно значительном количестве встречена и керамика привозная, представленная главным образом фрагментами амфор II—I в. до н. э.—I—II в. н. э., и в незначительном количестве обломками краснолаковых сосудов. Среди амфорного материала встречаются фрагменты косских амфор, что несомненно свидетельствует о торговых связях жителей Любимовского городища с Ольвией, Херсонесом, и, очевидно, через эти города с более отдаленными пунктами Средиземноморья.

Среди вещевого материала, выявленного на Любимовском городище во время работ 1951—1952 гг., находятся две амфорные ручки с клеймом и серебряная монета императора Траяна.

Особенное внимание среди местного керамического материала привлекают найденные в большом количестве фрагменты керамики со светлым и темным лощением, как по своему типу, так и по технике изготовления довольно близкой к керамике культуры полей погребений корчеватско-зарубинецкого типа. Это обстоятельство приобретает особый интерес в связи с проблемой этногенеза славян, как это справедливо отмечает академик Б. Д. Греков, говоря, что в низовьях Днепра поля погребальных урн встречаются в сочетании с прямоугольными городищами римского времени. Но несмотря на наличие здесь греческих и ольвийских эллинизированных, а также римских материалов, основа культуры всех городищ и поселений Нижнего Приднепровья, как с несомненностью показали новейшие их обследования и исследования — местная самобытная.

Кроме раскопок на территории самого городища, были произведены разведочные работы и в пределах с. Любимовка, за линией его рва и вала. Как с восточной, так и с западной стороны, за рвом и валом вблизи городища на расстоянии 100—150 м от него выявлены были скопления культурных остатков некогда существовавших здесь, повидимому, жилищ. Это обстоятельство дало основание поставить вопрос о том, не была ли та территория, которая сейчас считается Любимовским городищем, только акрополем — детинцем, само же городище было значительно больше, и территория его в свою очередь была окружена рвами и валами, подобно Гавриловскому и другим городищам. С надлежащей полнотой вопрос этот осветить не удалось.

Одновременно были произведены работы по разысканию синхронного городища некрополя. Проведенная с этой целью траншея в одной из усадеб, находящейся вверх по течению Конки на расстоянии 400 м от городища, открыла разрушенное погребение, в инвентаре которого была обнаружена лепная лощеная корчеватовского типа миска и железный нож. Аналогичная миска была найдена в потреблении, обнаруженном в пределах самого городища.

Кроме того, были взяты на учет все курганы, окружавшие Любимовское городище с южной, западной и восточной сторон, в радиусе до 15 км. В этой связи интересно отметить, что в 1953 г. разведочный отряд Никопольско-Гавриловской экспедиции Института археологии

АН УССР зарегистрировал на северной окраине г. Каховки погребение в каменном ящике.

Не вполне законченная, а потому не вполне достаточная исследованность Любимовского городища, равно как и всех других городищ и поселений Нижнего Приднепровья, при полном почти отсутствии каких-либо письменных сообщений о них покамест лишает нас возможности с необходимой полнотой и убедительностью ответить на вопрос о принадлежности их в отношении этническом. Тем не менее, в свете последних исследований советских археологов уже и сейчас можно говорить о том, что эти городища, и Любимовское в частности, отнюдь не представляют собой только торговых факторий Ольвии, как это признавалось дореволюционными археологами, но являются укрепленными поселениями местных племен, входивших, возможно, в состав Скифского царства в Крыму и разделявших его историческую судьбу.

В связи с этим работы по исследованию Любимовского городища, а также изучение вещевого материала, выявленного во время этих работ в течение 1951—1952 гг., дают основание со всей уверенностью говорить, что изучение Любимовского городища ни в коем случае нельзя считать в археологическом отношении исчерпанным и что продолжение планомерного исследования его, безусловно, даст немало нового как в смысле восстановления картины былой исторической жизни самого Любимовского городища, так и в понимании сложных этногенетических процессов, происходивших в районе Нижнего Поднепровья за время существования Любимовского городища и всей цепи городищ и поселений этого района.

ЗОЛОТОБАЛКОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

А. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В течение трех лет (1951—1953 гг.) Институтом археологии АН УССР производились раскопки Золотобалковского поселения, находящегося в зоне водохранилища Каховской ГЭС на территории Ново-Воронцовского района, Херсонской области.

В результате была исследована значительная часть поселка (более полугектара), на котором обнаружены остатки 23 различных строений. Выяснены приемы строительной техники, частично исследован принадлежащий поселению могильник, добыт большой археологический материал, дающий возможность выяснить характер хозяйственной деятельности населения и время существования поселения.

Поселение открытого типа расположено на прибрежной террасе вдоль берега реки на протяжении до 400 м по обе стороны Крутой балки, разделявшей его на две неравные части — северную, меньшую, находящуюся в настоящее время на пустыре (100 м), и южную, большую (300 м), занятую сейчас усадьбами крестьян. В северной части поселение распространялось и на склон плато.

Общая площадь, на которой были обнаружены культурные остатки, равна приблизительно 2 га. На прибрежной части поселения, расположенной к северу от Крутой балки (участок А), был обнаружен комплекс из семи строений жилого и хозяйственного назначения. Здесь были открыты остатки трех больших каменных нежилых помещений, одного каменного жилого дома довольно больших размеров, двух небольших глинобитных жилищ и глинобитного же строения, в котором, судя по характеру бытовых остатков, собиралось значительное количество людей.

К западу от этого участка находилось незастроенное пространство шириной до 15 м, а выше, уже на склоне плато, были обнаружены остатки второго такого же жилищно-хозяйственного комплекса, состоявшего из девяти различных строений (участок Г).

Здесь, как и на участке А, были обнаружены остатки довольно больших каменных нежилых помещений; довольно большое каменное жилище; очень большое ($100 m^2$) каменное строение, близко напоминающее по характеру бытовых остатков помещение, обнаруженное на участке А. К северу от этих строений находились четыре глинобитных жилища небольших размеров. Наличие в каждом из этих комплексов, различных по назначению, размерам и технике сооружения строений, в то же время одинаковых для обоих комплексов, дает возможность видеть в них группу строений, использовавшихся для жилищных и хозяйственных нужд какого-то одного владельца (скорее всего торговца).

На южном берегу Крутой балки оказалось пять строений (участки Б и В), одно из которых по своим архитектурным особенностям несколько отличалось от остальных сооружений, обнаруженных на поселении. Оно было каменное с двумя выходами в южной стене. По обеим

сторонам восточного выхода, вне здания, находились каменные прямогольные загородки, по углам которых были вкопаны большие каменные ступообразные базы для деревянных столбов, поддерживавших, очевидно, какой-то навес.

По направлению к берегу от этого здания были обнаружены остатки еще двух каменных жилых строений и одно небольшое глинобитное жилище, а к югу, по берегу Днепра,— одно каменное помещение значительных размеров (участок Б).

Выше по берегу Крутой балки было исследовано каменное строение типа мегарона, отличавшееся от всех остальных строений своей формой и способом кладки каменных стен «в елочку». Нельзя не отметить также интересной находки у очага этого жилища — терракоты, изображающей Эрота с гусем. Между прочим, находки терракот вообще на поселении отсутствуют. Необходимой принадлежностью очагов на поселении являются характерные изделия из глины с головками животных, в которых некоторые исследователи видят предметы культового назначения, иные же считают их подставками для вертелов.

На усадьбах крестьян частично было исследовано еще одно жилое помещение и остатки отдельной каменной стены.

Обнаруженные на поселении археологические находки в основном представлены керамическими изделиями как местной выработки, так и привозными. Местная керамика, изготовленная лепным способом, в подавляющем большинстве имеет шероховатую поверхность, только небольшой процент (10—12) представлен лощеными сосудами.

Основную массу привозной керамики составляют различные амфоры и в небольшом количестве обломки краснолаковой посуды и сосудов, покрытых коричневым лаком. Остальной инвентарь представлен каменными жерновами, зернотерками, железными ножами, прядильными, разнообразными бусами и т. д.

Вещественный материал дает возможность датировать поселение II в. до н. э.—I в. н. э.

На территории Золотобалковского поселения был открыт и частично исследован могильник. Погребения находились в ямах, в больших и малых катакомбах. В ямах обнаружены пять погребений, в больших катакомбах — девять, а в малых — четыре. Все погребения протянутые. Погребения в ямах ориентированы на юг и север, а в катакомбах — на запад, иногда с небольшим отклонением.

Два погребения в ямах не сопровождались погребальным инвентарем, в остальных погребениях обнаружен довольно разнообразный инвентарь, состоявший из ожерелий и браслетов из бус. Бусами обшивали внизу одежду, головные уборы и, возможно, обувь. При пяти погребениях оказались лепные и кружальные покрытые лаком сосуды. Среди инвентаря зарегистрированы: бронзовые сережки, фибулы, зеркальца, железный нож, прядильца, железные височные кольца, подвески из зубов оленя и амулеты в виде маленьких бронзовых ведерец, в одном из которых находился комок шерсти, а в другом — косточки очень мелкого животного.

В одной из катакомб было обнаружено парное погребение мужчины и женщины. Возле мужского костяка найден длинный железный меч, на пальце правой руки железный перстень с геммой, а у головы — краснолаковый сосуд.

Погребальный инвентарь могильника также не выходит за пределы: II в. до н. э.—I в. н. э. Различный тип погребальных сооружений и различная ориентировка погребений дают возможность предполагать, что и этнический состав Золотобалковского поселения был различным.

РАСКОПКИ САРМАТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НА ЮГЕ УССР

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

Изучение сарматских племен на территории УССР получило особо широкий размах в связи со строительством Каховской ГЭС и связанных с ней сооружений.

В результате раскопок, произведенных Институтом археологии АН УССР весной и осенью 1951 г. в долине р. Молочная на Левобережье и в бассейне р. Базавлук на Правобережье, был открыт ряд сарматских могильников конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры.

Анализ погребальных сооружений, ритуала и состава инвентаря могильников дал возможность установить близкое их сходство с погребениями Поволжья (в частности, Саратовской области) так называемого среднесарматского периода (по классификации Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова). Это сходство вполне подтвердилось и результатом краиниологических исследований.

Среди погребального инвентаря отмечен ряд керамических форм и орнаментальных мотивов поволжского происхождения: небольшие шарообразные лепные сосуды, цилиндрические двойные курильницы, орнамент из ряда ритмично повторяющихся пучков вертикальных линий. Помимо черт, происходящих из поволжского круга сарматских памятников, отмечено и наличие элементов, характерных для керамических комплексов Дона и Кубани: сероглиняные и черноглиняные кувшины приземистых пропорций, орнаментальное лощение, зооморфные ручки.

В долине р. Молочная обнаружено, кроме того, большое количество красноглиняной посуды импортного и местного производства, а также и других импортных изделий. Это свидетельствует об особенно оживленных сношениях населения долины р. Молочная, где, повидимому, могло находиться одно из главных кочевых сармат, с городами Северного Причерноморья.

Гораздо меньше импортных изделий в могильнике у с. Усть-Каменка. В его инвентаре наблюдается ряд своеобразных форм черноглиняных сосудов с орнаментом из проложенных треугольников и перекрещающихся линий, характерных для так называемого черняховского типа посуды более позднего времени.

Сарматские погребения Усть-Каменского могильника по сравнению с Молочанским характеризуются более однородным типом подбойных могил, по преимуществу с южной ориентировкой. Хотя в основном они и аналогичны погребениям Молочанского могильника, некоторыми чертами своего погребального обряда они сближаются (западная ориентировка) с погребениями могильников приднепровских городищ (Казацкое, Золотая Балка).

Особый интерес представляют формы и орнаментация лепных сосудов, найденных в сарматских погребениях р. Молочная, свидетельствую-

ющие о местных корнях гончарного ремесла: биконические корчаги, узко-донные высокоплечие сосуды с воронкообразным горлом, шишковидные и подковообразные налепы на плечах сосуда.

Археологические исследования 1952 г. на западной и отчасти восточной половине земель совхоза Аккермень выявили там отдельные сарматские погребения, впущенные в более поздние курганы эпохи бронзы. Ряд открытых здесь могил дал новую разновидность погребального сооружения, характерную преимущественно для Саратовской области яму с уступами и деревянными конструкциями. Обнаруженные здесь впускные погребения представляют собой более ранний тип с характерной южной ориентировкой. Найденные в них античные сосуды (красноглиняный двуручный канфар с росписью коричневато-красными полосками по красному фону и сероглиняная чаша с плоскими горизонтальными ручками) датируют погребения II—I в. до н. э. Большой интерес представляет бронзовая фибула среднелатенского типа II—I в. до н. э. Отличительную особенность этой фибулы составляет оформление пружины головки, конец которой несколько раз обмотан вокруг дужки. Она имеет прямую аналогию в фибуле у с. Водяное и сходные черты в фибулах из могильника зарубинецкого типа у с. Воронино в Белоруссии. Интересен и сероглиняный приземистый кувшин с глазковой орнаментацией, аналогичный кувшину из Круглого кургана на Гниловском городище на Дону.

Отмеченное выше существование в одном могильнике различных типов погребальных сооружений и разнообразных изделий местного и иноземного происхождения указывает, как можно думать, на наличие среди сарматского населения степной полосы УССР различных этнических групп и на сочетание в их культуре различных направлений. Наличие здесь изделий II в. до н. э. лишний раз подтверждает свидетельства античных источников о заселении степных пространств между Доном и Днепром сарматскими племенами, передвинувшимися сюда во II в. до н. э.

В связи с очень малой изученностью сарматских памятников Правобережья большой интерес представляет открытие Никопольско-Гавриловской экспедицией в 1953 г. в бассейне р. Базавлук сарматских погребений у с. Марьинское и в с. Грушевка. В упомянутых пунктах обнаружены погребения, впущенные в курганы эпохи бронзы. Они характеризуются обычным положением покойника, северной ориентировкой и немногочисленным инвентарем. В одном из них найдена костяная ложечка с головой вепря на ручке — мотив, хорошо известный еще в скифское время. Подобные костяные ложечки, встречающиеся в сарматских погребениях, наиболее всего характерны для Уральской группы этих памятников.

Открытые в бассейне р. Базавлук погребения представляют собой более поздний тип захоронений сарматского времени: с северной ориентировкой, деформацией черепа, позицией ног погребенного в перекрещенном положении и т. д., что составляет уже характерную черту для II в. н. э. Все сарматские погребения, открытые на правом берегу, относятся к рубежу и первым векам нашей эры. Это свидетельствует о более позднем их появлении здесь по сравнению со степным левобережьем. Исключение составляют пока единичные погребения, как, например, впускное погребение у хутора Хмельницкого в районе Никополя, где был обнаружен узкогорлый античный кувшин типа лагиноса с позднеэллинистической росписью светлокоричневой глазурью по кремовому ангобу.

Открытые раскопками 1952 и 1953 гг. сарматские погребения дают новый материал для характеристики сарматской культуры последних

веков до нашей эры и первых веков нашей эры и для уточнения времени пребывания сарматских племен в степях Приазовья и Северного Причерноморья.

Необходимо дальнейшее изучение взаимосвязей, которые существовали между сарматскими племенами и их ближайшими соседями, с одной стороны, причерноморскими городами, с другой — оседлыми земледельческими племенами, часть из которых составляли и славянские племена. Без должного учета этих взаимосвязей нельзя в полной мере понять тех новых явлений, которые наблюдались в это время и которые известны в литературе под общим названием «сарматизации».

Дальнейшее исследование сарматских погребений на территории УССР и сравнение их с городищенскими могильниками нижнего Днепра, на отыскание и изучение которых должно быть обращено особое внимание, имеет большое значение в деле выяснения этнического состава древнего населения, обитавшего в степях Приазовья и Причерноморья.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЛЕМЕН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

VI конференция Института археологии Академии наук Украинской ССР, преодолевая идеалистические ошибки «нового учения о языке» Н. Я. Марра, углубила разработку вопросов происхождения славян.

Согласно гипотезе П. Н. Третьякова, древнейшие славяне в I тысячелетии до н. э. были представлены тремя большими группами: северо-западной (лужицкой), северной (юхновской) и южной, находившейся в контакте с ираноязычным миром. По его мнению, последняя группа занимала северную часть пространства, расположенного между верховьями Вислы и Средним Поднепровьем. В последнее время П. Н. Третьяков склоняется к возможности включения в состав древнейших славян и более южных племен Среднего Поднепровья скифского времени.

Существование южной группы древнейших славян в I тысячелетии до н. э. получило широкое признание среди советских археологов. Однако вопросы ее локализации и связи с определенными археологическими культурами решаются ими различно.

По мнению одних, западная часть украинской Лесостепи была занята фракоязычными племенами, по мнению других, — древнейшими славянами. Существует и третье мнение, что ее население было смешанное, — состояло из фракийцев и отчасти древнейших славян. В этом заключается основная суть различных взглядов на этнический состав Правобережной Лесостепи в скифское время.

При недостатке письменных и языковых данных, этот вопрос может решаться путем выяснения генезиса культуры земледельческих племен скифского времени и ее связи с культурой полей погребений зарубинецкого типа, принадлежность которой древним славянам считается признанной в науке. В данном случае мы имеем возможность остановиться только на вопросах генезиса культуры скифского времени тех племен, которые обитали в Лесостепи между Днестром и Днепром.

В. Д. Рыбалова и В. Н. Даниленко считают, что южная группа древнейших славян занимала область, лежавшую непосредственно в бассейне правобережных притоков р. Припяти, и связывают ее с памятниками «подгорецкого», «обобрицкого» типов, не имеющих на себе признаков влияния скифской культуры. Определяя этническую принадлежность племен Лесостепи в Правобережной Украине предскифского и скифского времени, В. Д. Рыбалова исходит из понимания памятников белогрудовского и чернолесского типов как синхронных культурных групп, датируемых временем не древнее VIII—VII в. до н. э. Отсюда делается заключение, что каждая из этих групп памятников предскифского времени имела особое происхождение: белогрудовская — от культуры бронзового века комаровского типа, а чернолесская — от кимме-

рийской культуры Северного Причерноморья с сохраняющимися и в той и другой культурах традициями триполья. На основании таких построений В. Д. Рыбалова приходит к заключению, что этнически племена раннего железного века в Правобережье были фракийцами, а не древними славянами. По М. И. Артамонову, Среднее Поднестровье и Подбужье занимали «скифы-пахари» — фракийцы, а в остальной Лесостепи (от Среднего Поднепровья до Дона) жили будины, являвшиеся древними славянами, в южной части территории которых поселились гелоны — фракийцы по языку, вышедшие из Днестро-Дунайского бассейна. Представление о таком расселении фракийцев в Восточной Европе I тысячелетия до н. э. основывается на предположении, что ихзнаком в археологии служит чернолощеная каннелированная и инкрустированная («этнически фракийская») керамика и распространение культуры фракийского гальштата в Среднем Поднепровье.

Чтобы иметь возможность более объективно оценить приведенные взгляды на этническую принадлежность лесостепных племен скифского времени в междуречье Днестра и Днепра, следует остановиться на характеристике предскифского периода. По нашему мнению, эта культура несмотря на некоторые локальные особенности едина и имеет начало в предскифской поре, которая делится на два этапа: ранний (конец XI—IX в.) — белогрудовский и поздний (конец IX — первая половина VII в. до н. э.) — чернолесский. Белогрудовский этап характеризуется употреблением наравне с бронзовыми предметами вооружения и орудиями труда каменных орудий (проушенных полированных топоров и кремневых вкладышей для серпов). С белогрудовским этапом связано самое начало местной обработки железа. Для этого этапа типична ограниченность культурных связей и обмена. На чернолесском этапе продолжается развитие местных форм материальной культуры, сильно обогащающихся в связи с возросшей ролью железа в производстве и интенсификацией культурных связей и обмена. В материальной культуре однаковое применение с бронзой находит и железо (железный меч, кинжалы с бронзовыми рукоятками Киевского исторического музея), исчезают каменные орудия. Главенствующее значение получает обмен с Кавказом, связанным с прогрессивными культурами Передней Азии, а не с фракийским миром, переживающим период некоторого застоя. Культуру племен Среднего Поднепровья в конце эпохи бронзы и в раннем железном веке нельзя рассматривать в качестве сколка фракийской культуры Днестро-Дунайского бассейна. Изделия в стиле фракийского гальштата (типов Михалковского, Голиградского и других кладов) крайне редко проникали в Среднее Поднепровье. По погребальному обряду лесостепные племена междуречья Днестра и Днепра резко отличаются от тех, которые обитали к западу от Днестра, где нам, например, не известны типичных для Поднепровья захоронений в деревянных склепах в курганах.

Комплекс чернолощеной керамики в скифообразной культуре лесостепных племен, отражая наличие культурных связей с Днестро-Дунайским бассейном, киммерийцами Северного Причерноморья и Кавказом, развивается на месте с белогрудовской поры и достигает наиболее совершенных форм в раннескифское время (Жаботинский этап), датируемое второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. В то время чернолощеная керамика была распространена у всех лесостепных племен междуречья Днестра и Днепра к югу от широты Житомир — Киев. Никаких двух культур, из которых одна (северная) могла бы быть связана с будинами, а другая (южная) с гелонами, здесь неизвестно. Племена южной части правобережной Лесостепи, находясь в более тесных связях с кочевниками, греческими колониями, Кавказом и Подунавьем,

лишь развивались интенсивнее северных племен. Недоучет этого своеобразия исторического процесса служит главным источником для различных неправильных выводов об особой этнической принадлежности южной группы лесостепных племен, в которых И. В. Фабрициус видит «гелонов—эллинов», М. И. Артамонов — «гелонов—фракийцев», В. Д. Рыбалова — остатки киммерийцев.

Скифообразная культура лесостепных племен междуречья Днестра и Днепра через посредство чернолесского и белогрудовского этапов предскифской поры связана не с фракийцами Днестро-Дунайского бассейна и киммерийцами Северного Причерноморья, а с комаровско-тишинецкими племенами среднего бронзового века (XVI—XIII в. до н. э.) Полесья, западных областей УССР и восточной Польши. Есть основания предполагать, что появление культуры белогрудовского типа в Поднепровье было обусловлено передвижением комаровско-тишинецких племен с севера и северо-запада, которое могло иметь место не позднее XII—XI в. до н. э. В той мере, в какой тишинецкие и комаровские племена считаются древнейшими славянскими или протославянскими (П. Н. Третьяков), генезис культуры правобережных племен Лесостепи скифского времени может служить указанием на то, что последние могли составлять южную группу древнейших славян, родственную по своему происхождению с северо-западной, лужицкой, группой древнейших славян. Лесостепные племена междуречья Днестра и Днепра, граничившие в раннем железном веке на юге с кочевыми скифами, обладали характерной скифообразной культурой. Они с наибольшей долей вероятности могут отвечать выводу лингвистики, что общеславянский язык развивался в контакте с ираноязычными (скифо-сарматскими) племенами. Древнеславянская принадлежность данных племен также может подтверждаться и тем, что их культура составила основу культуры полей погребений зарубинецкого типа. Однако вопрос об этом должен послужить предметом другого, специального исследования.

РАБОТЫ СКИФСКОЙ СТЕПНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Н. Н. ПОГРЕБОВА

(*Москва*)

Работы экспедиции охватили широкий хронологический период, начиная с памятников эпохи бронзы и кончая средневековыми. Однако основное внимание было уделено раскопкам двух городищ скіфского времени: Каменского и Гавриловского, подлежащих разрушению.

Памятники эпохи бронзы представлены прежде всего погребениями в кургане 1953 г. близ Гавриловского городища (основное — ямной культуры, ряд впускных — позднесрубного времени), а также нарушенным слоем эпохи бронзы под скіфскими культурными слоями на Гавриловском городище и Знаменском селище. Однако преемственности между поселениями эпохи бронзы и скіфскими не прослежено.

На Каменском городище продолжались раскопки новых кварталов ремесленной части города на Кучугурах, близ гирла Белозерского лимана. Вскрыты остатки деревянных столбовых жилищ трех разных типов. Культурный слой дал исключительное обилие разнообразных бытовых вещей, в том числе впервые найдена железная пила. Ряд вещей представляет художественную ценность (брраслет в зверином стиле, перстень с изображением журавля и пр.). Судя по находкам (V—III в. до н. э.) раскопанные в 1952—1953 гг. кварталы являлись наиболее древней частью кучугурского поселения, откуда оно расширялось в сторону Каменки.

Раскопки акрополя Каменского городища в с. Большая Знаменка подтвердили предположение Б. Н. Грекова о том, что акрополь, возникнув одновременно с ремесленным районом города на Кучугурах с конца V в. до н. э., продолжал существовать и после захирения последнего. Во II—I в. до н. э. Каменский акрополь был крупнейшим из группы «малых» позднескифских городищ на нижнем Днепре, возникших вслед за запустением Каменского городища и перенесением центра скіфского государства в Крым. Все яснее вырисовываются общие с последними черты культуры Каменского акрополя.

В 1953 г. открыто интересное для этих городищ внутреннее укрепление с массивной каменной стеной и глубоким рвом. Сооружение ее датируется III в. до н. э., разрушение — после II в. до н. э. В 1952 г. установлено каменное домостроительство того же типа, что и на «малых» городищах, восходящее здесь к III в. до н. э.

Керамика Каменского акрополя, как и керамика «малых» городищ, в том числе Гавриловского, продолжает развитие форм скіфской лепной посуды «кучугурского» времени (IV—III в. до н. э.), но характерным является проникновение в довольно значительном количестве лепной лощеной керамики зарубинецко-корчеватовских типов. Как и на «ма-

лых» городищах около 50% всей керамики составляют обломки греческих остродонных амфор.

Общим является уклад жизни и занятия жителей (земледелие с употреблением жерновов, разведение скота, главным образом мелкого, рогатого, рыболовство и пр.). Особенностью Каменского городища является наличие изысканных и более ранних по дате видов греческой дорогой посуды (расписной ионийский сосуд, краснофигурный аттический кратер, ранние виды мегарских чашек и пр), употребление для некоторых домов глиняной черепицы, преобладание торговых связей с Боспором, продолжение в быту традиций скифской военной кочевой аристократии (резной костяной псалий, бронзовые стрелы).

Во II в. до н. э. земляной вал Каменского акрополя использовался для погребений представителей скифской знати, о чем свидетельствует инвентарь из разграбленного погребения на валу, близкий по своим типам (золотые наглазники и нагубники, сосуды, набор бус) вещам из древнейших погребений в мавзолее Неаполя Скифского. Использование городского вала для погребений знати на Каменском акрополе и устройство мавзолея у городской стены Неаполя Скифского подчеркивают единство культурного уклада старой и новой столиц Скифского царства.

Судя по раскопкам в I в. до н. э.—I в. н. э., Каменский акрополь приходит уже в упадок. Разрушается каменная стена внутренней крепости, развалины зданий в центре города засыпаются зольным выбросом и другими очажными остатками, мощенные дворики прорезаются хозяйственными ямами, в двух из которых оказались один очаг открытого типа, другой — с купольным глинобитным сводом.

Исследованное в 1952 г. скифское селище у Знаменской пристани оказалось в основном одновременным кучугурской части городища (IV—III в. до н. э.) и, повидимому, прекратило свое существование вместе с последней. На скифском селище не было найдено следов металлургического производства. Этот факт подчеркивает ремесленное значение Каменского городища для земледельческого населения его сельскохозяйственной округи.

Важным достижением работ на Гавриловском городище явилось уточнение его топографии. Исследование возвышенности в юго-западной части городища, которое еще В. И. Гошкевич считал земляным валом городища и третьим поясом его обороны, показало ее естественный характер, а продолжение ее в поле оказалось целью распаханных курганов. Таким образом, оборонительные сооружения городища ограничиваются двумя поясами каменных стен со рвами, а общая площадь его — значительно меньше предполагавшейся В. И. Гошкевичем.

Раскопки в 1952 г. западного участка каменной стены, окружавшей акрополь, подтвердили данные о конструкции (панцирная система) и ширине (4 м) стены. Установлено, что стена стояла на тонкой лессовой субструкции, лежавшей на древней поверхности, и что ров по своей форме и размерам напоминает рвы акрополя Каменского городища. Сооружение стены датируется не позднее II в. до н. э. Разрушение ее началось уже в I в. до н. э. или в I в. н. э.

Раскопки 1951, 1952 и 1953 гг. дали материал для суждения о домостроительстве Гавриловского городища: каменных прямоугольных зданиях с хозяйственными помещениями внутри и жилищах легкого типа со стенами из плетневого каркаса, обмазанного глиной. Здания неоднократно гибли от пожара и вновь возобновлялись, чем объясняется наличие нескольких строительных периодов. Характерно наличие многочисленных очагов разных типов (открытые глинобитные очаги, жаровни с каменной обкладкой, очаги с подом из каменных плиток, печи с камен-

ным купольным сводом и пр.). Третий тип жилищ — полуземлянки — обнаружен пока в виде одного сооружения.

Основной культурный слой Гавриловского городища относится ко II—I в. до н. э.—I в. н. э., но в ряде случаев установлено наличие более раннего культурного слоя, повидимому III—II в. до н. э. Лепная керамика Гавриловского городища в основном продолжает развитие скифских форм, отмеченных на Каменском некрополе, и дальнейшее проникновение раннеславянской керамики. Встречено несколько фрагментов сарматских сосудов. Характерно наличие «рогатых» глиняных подставок с головками животных, не обнаруженных на Каменке. Среди греческой керамики превалирует ольвийский импорт. Общий характер культурного уклада, повидимому, более мирный (отсутствие предметов вооружения) и более провинциальный, чем на Каменском акрополе. Возникновение каменных укреплений на обоих городищах вызвано, повидимому, в основном угрозой сарматского нашествия. Разрушение их связано, вероятно, с набегами тех же сарматов. Изучение материала городищ свидетельствует о существовании длительных мирных торговых связей как с греческими городами Северного Причерноморья, так и с раннеславянскими племенами. В то же время отношения с сарматами носили скорее враждебный характер, и следов сколько-нибудь прочного влияния сарматской культуры нет ни на том, ни на другом городище.

Дальнейшая славянизация населения Нижнего Поднепровья прослеживается на материале памятников черняховской культуры, исследованных экспедицией в Каменке и в окрестностях Гавриловского городища. Близ совхоза «Приднепровского» на р. Пидпильная обнаружено поселение II—III в. н. э. с наземными жилищами черняховского типа. В соседнем могильнике выделяется группа погребений первых веков нашей эры с трупосожжением и трупоположением и черняховскими судами. Наиболее интересно погребение IV в. н. э. в громадной прямоугольной яме с деревянной камерой и богатым погребальным инвентарем. Другая группа погребений — безинвентарная — относится, видимо, к несколько более позднему времени.

Две хронологические группы погребений обнаружены и в Каменском могильнике: одна из них с погребальным обрядом и инвентарем черняховского времени датируется III в. н. э. В другой группе погребений X—XIII в. н. э. выделяется богатое погребение половецкого типа с серебряным китайским зеркалом и резным костяным колчаном.

Как города Каменское и Гавриловское городища перестали существовать еще в первых веках нашей эры. Восстановлению их в значительной степени препятствовал общий упадок скифского государства и ослабление торговли с греческими городами. Скифское население Нижнего Поднепровья в это время все больше теряет свою этническую и культурную чистоту и в значительной степени ассилируется славянскими племенами, передвинувшимися в это время из лесостепных районов в степное Поднепровье.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У с. КУТ, ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

В 1951—1953 гг. близ устья реки Базавлук, около сел Кут, Грушевка и Марьинское, Апостоловского района, Днепропетровской области, было раскопано свыше 50 курганов эпохи бронзы.

Могильник в с. Кут, состоявший из 32 курганов, занимал длинный и узкий мыс, глубоко вдающийся в Базавлукские плавни. Курганы находились близко один от другого в наиболее высокой части мыса, расположенного на высоте 5—6 м выше среднего уровня Базавлука. Курганы этого могильника содержали погребения эпохи бронзы ямного, катакомбного и срубного типов. В скифское время могильник был использован вторично, в это же время было насыпано три новых кургана.

Курганы в с. Марьинское находились так же низко, почти в пойме. Тут раскопано шесть курганов, содержащих погребения эпохи бронзы и сарматские.

Могильник в с. Грушевка находился на плато и состоял из большого количества в основном распаханных насыпей. Здесь было раскопано 14 курганов, в которых обнаружены погребения эпохи бронзы, скифские, сарматские и позднекочевнические.

Всего в селах Кут, Марьинское и Грушевка в трех могильниках было раскопано 53 кургана, содержащих 305 погребений, из которых 191 погребение принадлежало эпохе бронзы, 8 погребений — эпохе раннего железа, 80 погребений было скифских, 4 погребения сарматских, 7 погребений позднекочевнических и 15 погребений, о датировке которых ничего нельзя сказать.

Эпоха бронзы

Курганы эпохи бронзы содержали от 3 до 40 различных по времени и типу захоронений. Наибольшее количество погребений может быть отнесено по инвентарю к срубному типу, наименьшее — к ямному.

Особенностями погребений эпохи бронзы можно считать: а) полное отсутствие металлических вещей; б) очень ограниченное применение дерева и камня в могильных сооружениях; в) сравнительно бедный инвентарь, в основном сопровождающий погребения детей или подростков; г) особенностью могильников является и то, что катакомбы всегда впускают и впускали они с полы кургана, не разрушая центрального погребения (в большинстве ямного типа).

Ямные погребения, как правило, являются центральными; ямы, в которых они находились, прямоугольные, разной глубины. Погребенные клались на спину с поднятыми в коленях или скорченными на боку ногами.

В большинстве своем эти погребения безинвентарные, лишь в не-

скольких погребениях Кутянского могильника при скорченных на боку костяках встречены остродонные горшки, орнаментированные по плечикам и венчику веревочным орнаментом. Значительная часть костяков окрашена.

Погребения катакомбного времени производились в катакомбах, ямах и в насыпи.

Катакомбы представляли собой камеры овальные или прямоугольные в плане со входами в виде колодцев. Погребения в катакомбах, за исключением одного, были парные, кости лежали на спине с вытянутыми конечностями или скорченные на боку, в большинстве окрашенные.

Особо стоят катакомбы, напоминающие родовые усыпальницы, такой же конструкции, но содержащие в себе в одном случае три, а в другом пять последовательных захоронений. При совершении очередного погребения кости предыдущего покойника сдвигались к стене, противоположной входу. Из этого можно сделать вывод, что место нахождения катакомбы на протяжении долгого времени было известно определенной, вернее всего родственной, группе населения и имело какое-то внешнее обозначение.

Погребения катакомбного времени наиболее богаты инвентарем. Кроме сосудов, здесь найдены кремневые ножи, кремневые наконечники стрел, шлифованные топоры, украшения из кости, рога и зубов животных. Из сосудов только три экземпляра полностью повторяют формы, известные из раскопок Городцова, остальные сосуды представляют собой высокие горшки со сравнительно узким дном, орнаментированные веревочкой или зубчатым штампом.

Погребения позднего периода бронзы, в значительной своей части с инвентарем срубного типа, производились как в ямах, так главным образом в насыпях курганов. Кости почти всегда скорченные на боку с различной ориентировкой.

Наблюдения, проведенные во время раскопок, дают возможность высказать предположение, что погребения ямного и катакомбного типов хронологически близки между собой.

Часть погребений может быть отнесена к промежуточному ямно-катакомбному типу. Таким, например, является погребение № 6 в кургане № 8, где скорченный на левом боку костяк лежал в яме с двухсторонним подбоем, перекрытый тремя лопatkами быка. При погребении находилось два горшка, один ямного, второй катакомбного типов.

Кроме описанных погребений, в одном из курганов в с. Марьинское были раскопаны два впускных погребения в каменных ящиках, из которых один был разграблен, а второй содержал в себе кости, лежавший на спине с сильно скорченными влево ногами. При костяке находился лепной, очень приземистый сосуд типа глубоких мисочек, с округлыми бочками и маленьким вертикальным венчиком, украшенный орнаментом, сделанным перевитой веревочкой.

Скифы

В Кутнянском могильнике было также раскопано 69 скифских погребений. В большинстве — это впускные погребения в курганах эпохи бронзы. Три кургана были насыпаны в скифское время. В некоторых случаях удалось проследить досыпку старых курганов после совершения в них скифских захоронений.

Скифские захоронения были произведены в сравнительно ограниченный период времени, который по ряду вещей (амфоры, чернолаковая посуда, бронзовые наконечники стрел) может довольно определенно датироваться концом IV — началом III в. до н. э.

Эти могилы представляют собой грунтовые ямы или катакомбы.

Лишь несколько детских костяков были обнаружены в мелких ямах, не опускавшихся в материк, иногда даже выше древнего горизонта.

Катаомбы имели входы — колодцы, глубина которых колебалась в пределах 1,2—6,8 м от древнего горизонта. Характерной их чертой является то, что чем глубже и обширнее катакомба, тем богаче сопровождающий погребение инвентарь.

Катаомбные сооружения могут быть разделены на три типа: 1) катакомбы, имеющие широкий и низкий вход с длинной стороны входного колодца — поперечные; 2) катакомбы с входом с торцевой стороны входного колодца — продольные. У тех и других камеры являются продолжением входного колодца. В большинстве случаев эти камеры овальные в плане. Третьим типом катакомбных сооружений являются глубокие подземные камеры, всегда прямоугольные в плане, со сводчатыми потолками. Входной колодец соединен с камерой коротким и низким входом с торцевой стены колодца. Этот тип катакомб повторяет в миниатюре погребальные сооружения больших скифских курганов типа Чертомлык и Солоха.

Камеры первых двух типов катакомб всегда плотно забиты материевым лесом, а входные колодцы черноземом, смешанным с лесом. В третьем типе засыпался только входной колодец, в одном случае вход в катакомбу был завален камнями.

Погребенные и в катакомбах, и в ямах лежали вытянутыми на спине, в большинстве головами на запад с некоторыми отклонениями к югу и северу.

Очень характерным для всех погребений является помещение в головах погребенных передней ноги коня (от лопатки до коленного сочленения), накрытой частью грудины со следами разделки туши очень острым орудием. Такое же явление было установлено Б. Н. Грековым в курганах около г. Никополя.

Иногда мясо клалось на подстилку, в одном погребении оно лежало на деревянном блюде. Поверх мяса всегда лежали один — три железных ножа с костяными ручками.

Все центральные и большая часть остальных погребений были разграблены в древности.

Погребения сопровождались разнообразным инвентарем, в основном греческого происхождения. При погребенных были: бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий, мечи, разнообразные бусы, бронзовые серьги с подвесками в виде кувшинчиков или с нанизанными бусинами, одна серьга имела подвеску из черепка чернолакового сосуда, бронзовые зеркала с деревянными, костяными или железными ручками, амфоры, чернолаковая посуда (килики, ойнохой).

Особо следует отметить находки таких золотых вещей, как диадема, дутые серьги, пронизки, перстни, нашивные бляшки.

Могильник в с. Грушевка (раскопано 11 погребений) был такого же типа, как и могильник в с. Кут. Скифские погребения тут также были впускными в курганы эпохи бронзы. В отличие от Кутянского могильника тут в каждом кургане было только одно скифское погребение и почти всегда в катакомбе.

Особо следует отметить, что не было встречено погребения коня, в числе сопровождающего инвентаря не было предметов конского убора.

Погребения поздних кочевников были обнаружены в деревянных колодах, около которых лежали черепа и кости ног коней. Из инвентаря, сопровождавшего их, следует отметить: сабля — меч, берестовый колчан с железными наконечниками стрел, стремена, удила, ножницы со штифтом, большой железный котел, остатки парчевой ткани, остатки кожаной обуви. Из украшений были встречены: бронзовые зеркала, бусы, золотые височные кольца, серебряная гривна.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПЯТИЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮГО-ПОДОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

М. И. АРТАМОНОВ
(Ленинград)

В течение пяти полевых сезонов (1946—1948, 1952—1953 гг.) Юго-Подольская археологическая экспедиция занималась исследованиями в междуречье Буг — Днестр в пределах Винницкой области. За это время было обследовано значительное количество разнообразных памятников, ряд памятников был раскопан. Хотя основное внимание экспедиции было направлено на памятники скифского периода, в материалах экспедиции накопилось немало данных, относящихся и к другим периодам истории южной Подолии.

Экспедицией были обнаружены многочисленные памятники трипольской культуры. Кроме их регистрации и сборов подъемного материала, одно из поселений в с. Печеры было подвергнуто значительным раскопкам. Поселение двуслойное. В нижнем слое были обнаружены небольшие землянки и керамика раннетрипольского типа, среди которой значительное место занимали хорошо лощенные сосуды с канелюрами. Остатками жилищ верхнего слоя являются характерные трипольские площадки. Керамика здесь представлена известными усатовско-городскими типами. Особо должны быть отмечены своеобразные плоские стелоподобные статуэтки и многочисленные роговые мотыги. Классическое триполье представлено многочисленными материалами, собранными при раскопках Немировского городища и площадок в урочище Могилки близ с. Печеры. Керамика из этих местонахождений, равно как и из многочисленных поселений, обследованных экспедицией в Подбужье, краснотлинная, расписная.

Только в виде исключения здесь встречаются черепки с широкобороздчатым узором. Последние характерны для поселений, находящихся в Поднестровье выше Могилева-Подольского. По всей видимости, мы здесь имеем две одновременные локальные группы трипольской культуры.

В урочище Могилки близ с. Печеры экспедицией раскопано пять курганов с погребениями, ориентированными головой на юго-запад. Найденные здесь бронзовые вещи и высокий тюльпановидный горшок с гладким валиком на тулове относятся к позднему периоду бронзового века, до сих пор почти не представленного комплексными находками в Подолии. Печерские курганы представляют ту культуру, из которой непосредственно развивается культура пред斯基фского и раннескифского времени. Тем более замечательно обнаружение в Поднестровье следов поселения с культурой эпохи бронзы совершенно иного рода. По правому берегу р. Яружка на плато собраны окатанные черепки с украшениями из тонких налепных валиков, напоминающие керамику Шевченковского Сада, относящуюся к периоду средней бронзы. Обна-

руженные экспедицией памятники эпохи бронзы значительно пополняют скудные данные относительно этого периода в Подолии.

Памятники предскифского и раннескифского времени, представленные в материалах изучавшихся экспедицией городищ, до разведок 1953 г. выделялись путем типологического анализа. В 1953 г. разведками в низовьях р. Мурафы было обнаружено несколько однослоистых поселений, относящихся к предскифскому и раннескифскому времени. Первые из них, т. е. предскифские, в общем соответствуют позднебелогрудовским комплексам Уманчины, а вторые — раннескифские — чернолесской группе. Характерной особенностью комплексов белогрудовского и чернолесского времени в Поднестровье является относительно большое количество лощеной керамики.

Скифское время представлено в Подолии большим количеством городищ-убежищ различной величины. Наряду с городищами, остававшимися вовсе не заселенными, имеются городища с мощным культурным слоем. На ряде городищ экспедицией проведены раскопки. Особенно значительными были раскопки на Немировском городище в Побужье и на Григоровском городище в Поднестровье. На Немировском городище раскопаны три круглых землянки, ряд наземных очагов и множество хозяйственных ям. Такие же очаги и ямы обнаружены на Григоровском городище. Большой интерес представляют результаты раскопок громадного зольника Немировского городища, где слои золы перемежались пластами чистой глины. Существенные дополнительные данные получены во время раскопок на Севериновском городище, где частично раскопана землянка с отчетливо выраженным двумя периодами заселения. Первое жилище относится еще к архаическо-скифскому времени, второе датируется найденным в нем бронзовым зеркалом IV в. до н. э. Заселение места Немировского городища, если не считать находящегося здесь же трипольского поселения, относится еще к предскифскому времени. Поселение в этом городище существовало только до V в. На месте Севериновского городища поселение появилось несколько позже, но зато существование его длилось дольше, до IV в. включительно. Рано, еще в предскифское время, возникшее поселение на Григоровском городище, возможно, оставалось заселенным непрерывно вплоть до первых веков нашей эры. Однако оборонительные сооружения всех этих городищ возникли едва ли раньше VI в. до н. э.

Одним из важнейших результатов полевых исследований 1953 г. было открытие курганных погребений раннескифского времени, до сих пор в юго-западной Подолии неизвестных. Раскопано всего два небольших кургана на левом берегу р. Мурафы близ с. Мервинцы. Насыпь одного состояла из камней, а другой был окружен каменным кромлем. Могила в одном случае была выдолблена в каменистом грунте, а в другом представляла собою каменный ящик, перекрытый массивными плитами. Оба погребения оказались разграбленными; тем не менее, найденная в курганах керамика и обломок железных удил дают все основания считать эти погребения самыми древними погребальными памятниками скифского типа, известными на территории Подолии, непосредственно предшествующими по времени курганным погребениям возле Луки-Брублевецкой. Вместе с тем находки в курганах у с. Мервинцы указывают на тесную связь раннескифской культуры юго-западной Подолии с культурой населения территории Молдавии.

Культурная близость юго-западной Подолии с заднестровской Молдавией хорошо выражена и в материалах Григоровского городища. Здесь встречаются типичные молдавские формы керамики скифского времени и, в особенности, характерная молдавская орнаментация резными и штампованными мотивами. В настоящее время в результате работ Юго-Подольской экспедиции подольская группа культуры скиф-

ского времени вырисовывается с достаточной определенностью. Наиболее яркой ее особенностью является отсутствие резной и штампованной орнаментации, столь характерной для Молдавии и Среднего Поднепровья. Подольская группа скифской культуры оказывается столь же близкой к голитрадской культуре, как среднеднепровская к молдавской, что не исключает взаимодействия подольской и среднеднепровской культур, подобно тому как подольская культура взаимодействовала и даже смешивалась в пограничье с молдавской. В связи со сказанным следует отметить, что скифы-пахари, если их действительно следует отождествлять с подольскою группою скифской культуры, не могут быть распространены на Среднее Поднепровье и даже на Уманщину, так как подольская культура скифского типа туда не простирается.

Однослойность и слабая выраженность культурного слоя поселений скифского времени связывается с образом жизни и примитивной техникой пашенного земледелия их населения. Среди открытых (неукрепленных) поселений скифского времени встречаются поселения, материалы которых могут относиться ко второй половине I тысячелетия до н. э. Можно надеяться, что в результате дальнейшего исследования их удастся установить прямую генетическую связь подольской культуры полей погребений с местной культурой скифского периода. Вместе с тем следует иметь в виду и возможность внедрения в Подолию, по крайней мере в Побужье, среднеднепровского элемента. Об этом свидетельствует огромный курганный могильник у с. Перниорки с признаками, вовсе не свойственными Подолии, но зато характерными для Среднего Поднепровья.

Культура полей погребений представлена на Подолии многочисленными поселениями, причем более ранние из них характеризуются одной лепной керамикой, в составе которой в Поднестровье отмечаются липцикие формы. Раскопки таких поселений дали многочисленные очаги, остатки глиnobитных печей и завалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками кольев и прутьев. Такие же остатки сооружений найдены в поселениях с серой, иногда лощеной посудой, изготовленной на гончарном круге. Раскопками этих поселений удалось установить форму и размер наземных сооружений со стенами из плетня, обмазанного глиной. Датируемых вещей, относящихся ко времени позже IV в. н. э., в поселениях типа полей погребений не найдено. В поселениях между постройками встречались детские погребения. Экспедицией было вскрыто несколько погребений в бескурганном могильнике III—IV в. возле с. Вилы Яругские. Во всех могилах при скелетах находилось много керамики, фибулы, костяные гребни и т. п. В одном погребении обнаружен хороший стеклянный кубок.

Разрыв между памятниками культуры полей погребений и раннеславянской культурой не удалось заполнить и Юго-Подольской экспедиции. Обследованные экспедицией славянские памятники представлены многочисленными небольшими городищами и прилегающими к ним, иногда огромными, селищами. В некоторых случаях славянские поселения помещались в скифских городищах. При раскопках этих памятников открыты многочисленные землянки с печами-каменками и зерновые ямы. Сделанная на гончарном круге керамика отличается наличием развитого венчика со свисающим краем и примесью в тесте слюды, что придает поверхности сосудов золотистый блеск. Возле одного из городищ (Малые Валы) раскопан курган с трупосожжением, датированным диргемом X в.

На Григоровском городище, а в особенности возле него, обнаружено большое славянское поселение, где наряду с керамикой указанного типа находится много обломков грубой лепной посуды, напоминающей

лепную славянскую керамику Волыни. Судя по тому, что в Григоровском поселении лепная керамика преобладает над изготовленной на гончарном круге, а в некоторых комплексах встречается без сопровождения последней, можно полагать, что по времени возникновения Григоровское поселение относится к более раннему времени, чем указанные выше подольские славянские городища. Самой же замечательной особенностью Григоровского поселения являются находящиеся в нем и возле него многочисленные железоплавильные горны.

Железоплавильное производство возникло в Григоровском поселении еще в период господства лепной керамики на базе местного бурого железняка, выходы которого и в настоящее время хорошо заметны по склонам одного из оврагов близ поселения. Экспедицией раскопано 25 горнов; большинство их расположено в районе указанного оврага. Все горны устроены в основном одинаково: они представляют собой грушевидную яму, обмазанную огнеупорной глиной. Устье открывалось или в обрез склона, или в специальную предпечную яму, в которой, очевидно, помещались мехи для дутья через сопла, вставленные в устье. В одном случае в устье горна сохранились четыре вмазанных в него глиняных сопла. Небывалый по количеству и сохранности материал, относящийся к железноделательному производству, обнаруженный экспедицией, не только ярко характеризует это производство с технической стороны, но содержит и очень ценные данные, касающиеся социально-экономических отношений оставившего его общества, что выводит значение этого материала далеко за рамки местной истории.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ЖАБОТИН, ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Ф. ПОКРОВСКАЯ

В 1953 г. среднеднепровской экспедицией (М. И. Вязьмитина, Е. Ф. Покровская) были продолжены раскопки на Тарасовой горе в окрестностях с. Жаботин, Камянского района, Черкасской области. Это селище, открытое и частично исследованное в 1950—1951 гг., является одним из наиболее важных и интересных памятников начала железного века (VII—VI в. до н. э.), освещающих историю земледельческих племен лесостепного Приднепровья, до сих пор представленных лишь материалом курганов, раскопанных еще в дореволюционные годы.

Раскопки, произведенные в 1950—1951 гг., сосредоточены были главным образом в южной половине селища. Здесь открыты остатки наземного глинобитного жилища с очагом большого глинобитно-каркасного полуземляночного сооружения, погибшего от пожара, и ряда хозяйственных ям. Добытый раскопками многочисленный материал (обломки лепных глиняных сосудов баночного типа с валиком на плечах и с проколами под краем венчика, черпаков, мисок, больших сосудов с резным штампованным, а иногда и инкрустированным орнаментом, бронзовых булавок с головками в виде петель или спиралей) датирует селища VII в. до н. э. Керамика же из северной части селища позволяла предположить и более длительное время его существования (VII—VI в. до н. э.).

В 1953 г. исследованию подверглась северо-восточная часть Тарасовой горы и доследован раскоп VII, заложенный в 1951 г. в средней ее части.

На открытых раскопками участках (VII—X) выявлены остатки жилищ, печей и очагов.

На раскопе VII, на глубине 0,2—0,3 м открыт большой завал сильно пережженных кусков печины (в некоторых местах до шлакообразного состояния), лежавших слоем толщиной в 5—20 см на площади 12 × 10 м, постепенно утончаясь по краям. Завал представлял собой остатки большого глинобитно-каркасного наземного здания, план которого проследить не удалось. Основой стен служил деревянный каркас, состоящий из столбов и плетня из жердей, на который с двух сторон накладывался слой глины 5—7 см толщины, так что общая толщина стены достигала 15 см. Одна из сглаженных поверхностей стены (повидимому, внутренняя) сохранила где-где следы побелки. У северо-западного конца предполагаемого отрезка стены прослеживаются остатки глинобитного пола.

Остатки большого наземного глинобитно-каркасного жилого сооружения, расположенного на более раннем культурном слое, обнаружены были также и на раскопе IX, к северу от раскопа VII, на глубине 0,4 м от поверхности поля. Остатки стен, в виде вытянутых небольших

завалов печины, окаймляли большое прямоугольное помещение (размером 8×6 м) с очагом открытого типа в средней части помещения. Очаг представлял собой округлое ($1 \times 1,1$ м) обожженное пятно земли (толщиной до 15 см), возвышавшееся над полом помещения на 5 см. У восточной и северной стен жилища стояли на полу раздавленные глиняные сосуды: большие и малые миски, черпаки и сосуды баночного типа, полуприкрытые обвалом стен. Жилище, повидимому, горело. Кроме этого жилища, на раскопе IX открыты незначительные остатки других наземных жилищ из необожженной глины, остатки очагов и печи. Остатки печи позволили частично выяснить ее конструкцию. Сохранился под печи, округлой формы диаметром 1 м, на котором лежали обломки глиняной миски. Под состоял из вымостки из камней и обломков сосудов, уложенных в один ряд, и слоя глины толщиной в 3—4 см, непосредственно наложенной на вымостку. Поверхность глиняного слоя была тщательно выглажена. Под возвышался над уровнем пола на 10—15 см. Судя по многочисленным остаткам печины с отпечатками прутьев и жердей, найденным вокруг пода и на нем, свод печи был глинобитно-каркасный.

Остатки пода аналогичной конструкции были выявлены и на раскопе VIII, на расстоянии 22 м к востоку от раскопа IX. Под овальной формы, слегка суженной с юго-западной стороны (диаметром $2,5 \times 2,1$ м) возвышался над уровнем древнего горизонта на 7—10 см. Он также состоял из каменной вымостки, частично перемежающейся с вымосткой из обломков стенок сосудов и слоя глиняной обмазки сверху. Вокруг пода частично сохранились остатки валика стен, высотой до 0,1 м. Повидимому, это под открытого очага, а не печи, так как вокруг пода и на нем полностью отсутствовали остатки глиняного свода.

На расстоянии 2 м к юго-западу от очага раскопа VIII найдены остатки другого небольшого глиняного пода без каменной вымостки, а также пятно сильно обожженной земли.

Отсутствие вокруг этих остатков каких-либо следов жилого помещения, а также крупные размеры пода большего очага позволили предположить его производственный характер.

Очаги с каменной вымосткой и без нее открыты также и на раскопе X, к западу от раскопа IX.

Основную массу материала, добытого раскопками, составляют обломки лепной керамики. Керамический материал, найденный у завала жилого сооружения раскопа VII, аналогичен материалу VII в. до н. э., обнаруженному в 1950—1951 гг. в южной части селища. Эту датировку подтверждает и найденный здесь же обломок родосской вазы второй половины VII в. до н. э. и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом.

Керамика жилищного комплекса раскопа IX несколько отличается от керамики южных участков селища и участка VII. Она представлена здесь в основном мисками разных размеров, неорнаментированных или же украшенных двойными спаренными выступами по краю и наколами под краем венчика, баночными сосудами с валиком и проколами под краем венчика, характерными уже для VI в. до н. э. лесостепного Приднепровья. В меньшем количестве встречаются черпаки, в основном не орнаментированные, грубой выделки и отдельные обломки больших чернолощеных сосудов с углубленным орнаментом типа немировских. В одном случае встречен горшок грубоштампованный, с поясом резного орнамента. Обломки орнаментированных сосудов, характерных для VII в. до н. э., встречены в жилище лишь в единичных случаях и частично составляют вымостку открытых здесь очагов и печей.

Сопоставление керамического материала из жилища на раскопе IX с материалом более южных участков селища, а также и с материалом

лесостепных правобережных городищ VI—V в. до н. э., позволяет отнести жилой комплекс раскопа IX к VI в. до н. э. Это подтверждают и найденные там бронзовые гвоздевидные булавки, бронзовый трехгранный наконечник стрелы, а также и костяной орнаментированный псалий, широкое распространение которых в Лесостепи характерно для VI в. до н. э. Таким образом, раскопки 1953 г. позволили уточнить датировку селища VII—VI в. до н. э.

Это селище является промежуточным звеном, связывающим городища так называемого чернолесского этапа (VIII—VII в. до н. э.) с большими укрепленными городищами VI—V в. до н. э. лесостепного правобережного Приднепровья.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МОЛДАВИИ

*A. I. МЕЛЮКОВА
(Москва)*

В результате работ последних лет в Молдавии стало известно более 60 памятников скифского периода, расположенных преимущественно на правом берегу Днестра.

Они делятся на две хронологические группы: VII — VI и IV — III в. до н. э.

Памятники VII—VI в. до н. э. представлены 18 поселениями (городищ нет) и 3 могильниками.

Поселения располагаются на мысах, образованных оврагами, и на берегу Днестра. Размеры их невелики, что позволяет отнести их к родовым поселкам.

Раскопки поселений производились у с. Сахарна (Г. Д. Смирнов, 1946—1948 гг.), у с. Цахнауцы (О. Н. Мельниковская, 1951 г.) и у с. Солончены (А. И. Мелюкова, 1952—1953 гг.).

На поселении у с. Солончены не удалось обнаружить выразительных следов жилищ. Повидимому жилищами служили легкие наземные постройки со стенами, обмазанными глиной. Об интенсивной жизни на поселении свидетельствует большое количество ям, трапециевидных (в разрезе) и колоколовидных, использовавшихся для хранения зерна и других целей.

На окраине поселения обнаружен большой зольник (120 м^2).

На поселении найдена хорошо изготовленная лощеная посуда с богатой резной и штампованной орнаментацией и грубая кухонная посуда. Лощеная керамика разнообразна: это обломки мисок с загнутым внутрь краем, черпаки с высокой шейкой, имеющие ручки с шишечкой, и небольшие сосуды с невысокой шейкой и округлым туловом. Встречаются большие узкогорлые сосуды с отогнутым наружу венчиком и широковидным туловом, резко сужающимся ко дну. Кухонная керамика представлена баночными сосудами с ручками-упорами на тулове, украшенными по корпусу невысоким валиком с защипами.

Орнаментация лощеной керамики имеет ряд общих черт в керамике VIII—VI в. лесостепного Правобережья. Однако молдавскую керамику от последней отличает большее богатство орнаментики, сближающее ее с гальштатской посудой Карпато-Дунайского района и прежде всего Румынии. Еще более резко от украинской, для которой характерны тюльпановидные формы, отличается керамика кухонная.

На поселении у с. Солончены найдены кремневые вкладыши для серпов, обломки каменных проушных топоров, зернотерки, костяные проколки и иглы с ушком, пирамidalный наконечник стрелы с двумя ши-

пами. С керамическим производством связаны находки костяных лощил, глиняного и костяного зубчатых штампов.

Найдены кремневых серпов, зернотерок, отпечатков зерен ячменя на керамике и соломы в глиняной обмазке при незначительном количестве костей животных позволяют сделать вывод, что основным занятием населения было земледелие, а скотоводство играло второстепенную роль.

Могильники VII—VI в. до н. э. в Молдавии состоят из ряда едва заметных на поверхности каменных насыпей, иногда окруженных каменным кольцом. Погребения находятся под центром насыпи на уровне древнего горизонта, а также в неглубоких ямах, каменных ящиках в кромлехах. Господствует обряд трупоположения в скорченном положении на правом и (реже) на левом боку, головой на юг. Часто встречаются парные захоронения, реже — групповые. Обычными являются вторичные захоронения костей покойников. Инвентарь в могилах не богат: при мужском погребении — один-два черпака, бронзовые пуговицы с ушком на обороте, каменные точила и маленькие железные ножи; при женском — глиняная посуда, иногда бронзовые спиральные браслеты и височные кольца. Среди керамики, кроме хорошей, украшенной резным и штампованным орнаментом, отмечена посуда худшего обжига, плохо лощенная, готовившаяся, повидимому, для погребальных целей.

Культура IV—III в. до н. э. выявлена раскопками городищ и поселений. Наиболее известными являются Большое и Малое городище у с. Сахарна (Г. Д. Смирнов) и городище у с. Бутучены.

В 1952 г. автором произведены разведочные раскопки на городище у с. Выхватинцы, Рыбницкого района. Расположенное на высоком берегу Днестра городище (площадью в 4000 м²) огорожено с трех сторон земляным валом и рвом, а с четвертой — крутым обрывом. На нем обнаружены остатки наземного жилища, внутри которого было два очага, разбитые глиняные сосуды, кварцитовая зернотерка, глиняные присыпки и небольшое количество костей животных. Высота вала достигала 2 м, глубина рва 2,65 м. Керамика с городища представлена преимущественно лепными сосудами. Преобладают горшки баночной формы с массивными ручками-упорами. Орнамент в виде ямок, сделанных пальцем, или налепного валика с защипами, реже круглыми налепами. Поверхность горшков хорошо слажена. В отличие от керамики VII—VI в. до н. э. миски имеют резко выраженный перегиб. Для них обычными являются полукруглые ручки-упоры или массивные ушки. Типичны небольшие кувшины с округлым туловом и петельчатой ручкой и высокие корчаги с большими ручками-упорами в нижней части туловища.

Описанная керамика является типичной для культуры IV—III в. до н. э. в Молдавии. За пределами Молдавии она характерна для поселений и могильников в Румынии, Венгрии, Болгарии, которые связываются с гетами. На территории Украины близкие ей керамические комплексы не найдены.

Амфорная керамика принадлежит главным образом сосудам конца IV—III в. до н. э.

Городища IV—III в. до н. э. у с. Бутучены и Малое Сахарнянское городище (Г. Д. Смирнов) отличаются тем, что, кроме земляных валов, имеют оборонительные сооружения, сложенные из крутых каменных блоков. Каменное строительство было хорошо известно на территории Карпато-Дунайского района и не имело места в лесостепной Украине.

Ряд признаков позволяет сближать Молдавскую группу памятников斯基фского времени с памятниками Карпато-Дунайского района и преж-

де всего Румынии, с теми памятниками, принадлежность которых фракийцам является несомненной. Одним из таких признаков является керамика, особенно близкая к фракийской в IV—III в. до н. э. С культурой фракийского круга сближают памятники Молдавии погребальный обряд, приемы домостроительства и укреплений.

Скорее всего, что не только по культуре, но и по своей этнической принадлежности население раннего железного века, жившее на территории Молдавии, было родственным древним фракийцам и отличалось от населения лесостепной Правобережной Украины.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ВЫСОЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. И. КАНИВЕЦ

Памятники высоцкого типа и их хронология уже более полувека привлекают внимание археологов. Данное Л. Нидерле еще в 1904 г. определение времени высоцкой культуры — первая половина I тысячелетия до н. э. — находит полное подтверждение в исследованиях последних лет. Между тем, распространенная среди зарубежных и отчасти советских археологов хронологическая схема Т. Сулимирского (1931 г.), основанная на типологической классификации керамики Высоцкого могильника (I—IV периоды высоцкой культуры, VIII—I в. до н. э.), в настоящее время не может быть признана удовлетворительной. Наиболее существенная ошибка допущена в определении нижней хронологической границы.

В 1952 г. автором производились раскопки наиболее древнего памятника высоцкого типа — могильника у с. Гончаривка (Белзец), Золочевского района, Львовской области. В обряде погребения здесь наблюдались те же характерные черты, что и на Высоцком могильнике (бескурганные могилы, преобладание обычая трупоположения, южная ориентировка погребений), однако вещественный материал показывает, что Гончаривский могильник относится к более раннему времени — к IX—VIII в. до н. э., а отдельные потребления, возможно, к X в. до н. э. Основанием для такой ранней датировки служат, в первую очередь, находки бронзовых изделий (железных здесь еще нет), например, бритзы, имеющей точные аналогии в материале памятников Италии времени Беначчи I, и косожелобчатого браслета с четырехгранными концами, близкого соответствующим изделиям лужицкой культуры IV периода бронзы (приблизительно XI—X в. до н. э.). С другой стороны, Гончаривский могильник, судя по характеру инвентаря (например, плоские двусpirальные височные кольца), можно считать синхронным могильнику у с. Белый Камень на Винничине и белогрудовским зольникам (Собковка на Уманщине). Керамика из Гончаривки также носит архаический характер, в частности, для нее типичны низкие украшенные пластическим или врезным орнаментом черпаки, среднеевропейские аналогии которым датируются концом эпохи бронзы (IV—V периоды), приблизительно XI—VIII в. до н. э.

К близкому, хотя и несколько более позднему, времени относятся находки из Лошнева, происходящие, очевидно, из разрушенного могильника. Среди них следует отметить бронзовую бритву в форме полумесяца, которую путем сравнения с находками из Италии и Средней Европы, например, из могильника силезско-платеницкой культуры у Домамыслице в Моравии, можно датировать в границах IX—VIII в. до н. э.

Выделяемый нами ранний период высоцкой культуры относится, таким образом, не к началу эпохи железа, как обычно считалось, а к

позднему бронзовому веку (приблизительно X—VIII в. до н. э.). Этот вывод является новым аргументом в пользу пересмотра хронологии комаровской культуры, которую нередко, вслед за Т. Сулимировским, относят ко времени средней и поздней бронзы и датируют 1700—700 гг. до н. э. В действительности же все достоверно датированные комплексы комаровского типа относятся к периоду средней бронзы (приблизительно XV—XII в. до н. э.) и синхронны памятникам типа Монтеору I, Тищница, Войцеховки, кладу из Бородино, а также так называемой ранней срубной культуре (Покровский могильник). Отдельные курганы у Комарова, например, № 20, 33 и 43, сходные с закарпатскими памятниками датируются началом эпохи железа и прямого отношения к комаровской культуре не имеют.

Большинство известных в настоящее время памятников высоцкого типа, среди них и Высоцкий могильник, относятся к началу железного века, приблизительно к VIII—VII в. до н. э. В целом, судя по характеру инвентаря, в частности керамики, они синхронны памятникам чернолесского и жаботинского типов. Одной из опорных точек хронологии этой группы памятников являются комплексы Луговского (Чехского) могильника, содержащие столь характерные бронзовые украшения, как литые браслеты с рельефными украшениями в виде кружков. Путем сравнения с кладом из Залевок на Тяньмине и комплексами Каменномостского могильника на Северном Кавказе эти погребения можно датировать VIII — началом VII в. до н. э. Необходимо подчеркнуть, что Высоцкий могильник использовался в самом начале железного века — здесь нет ни одной находки «скифского» типа, тогда как на Луговском (Чехском) могильнике некоторая часть погребений относится уже к началу скифской поры и характеризуется иным культурным обликом. Железные изделия составляют на Высоцком могильнике лишь около 10% всех металлических вещей, на Луговском же около 1/3.

Наиболее поздним высоцким памятником, известным в настоящее время, является курган у с. Красное, Львовской области. Хотя инвентарь обнаруженных здесь могил можно считать типично высоцким, некоторые детали погребального ритуала (курганная насыпь, западная и восточная ориентировка погребений) свидетельствуют о проникновении на эту территорию элементов скифской культуры Правобережья.

Исследования последних лет показывают, что в VI—V в. до н. э. культура земледельческих скифских племен получает в северо-западном направлении гораздо большее распространение, чем предполагалось прежде. Ряд памятников скифской поры известен на Волыни (например, в районе Острога), а также на территории распространения высоцкой культуры (поселения у с. Княже и Хильчиц, Золочевского района, нижний слой городища Плиснек, Олесского района, погребения у Новоселки, Новомилятинского района, и Великого лубочка, отдельные погребения Луговского (Чехского) и Ясеновского могильников).

Древнейшие памятники скифской поры на территории западных областей УССР, например, курган II у Братишева, датируются зеркалами ольвийского производства и другими характерными предметами VI в. до н. э. Как этот факт, так и характер находок скифского типа в центральной части Западной Украины (архаические наконечники стрел и бронзовые украшения) определяют нижнюю хронологическую границу высоцкой культуры в пределах VI в. до н. э.

Новые данные, полученные в последние годы, позволяют с известной степенью точности определить хронологические границы высоцких памятников X—VI в. до н. э. По существу, высоцкая культура неотделима от позднего бронзового века. Подлинный железный век наступает на этой территории лишь в скифское время. Минение о том, что высоцкая

культура непосредственно предшествует эпохе полей погребений, не может быть признано обоснованным, между ними лежит продолжительный период исторического развития — пора скифской культуры (VI—V в. до н. э.) и малоизученная еще пора раннего и среднего латена, когда на рассматриваемой территории появились памятники, родственные по морской культуре.

РАБОТЫ СЕВЕРО-КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

П. Н. ШУЛЬЦ
(Симферополь)

Северо-Крымская историко-археологическая экспедиция Академии наук УССР и Крымского филиала АН СССР является многолетней новостроенной экспедицией, созданной для исследования археологических и исторических памятников в зоне проектируемого Северо-Крымского канала и на его разветвлениях, а также в зоне Симферопольского водохранилища.

Экспедиция, не ограничиваясь изучением памятников древности, включает в круг своих исследований военно-исторические памятники времени присоединения Крыма к России и периодов гражданской и Великой Отечественной войн.

В 1951—1952 гг. в составе экспедиции (руководитель П. Н. Шульц) работали три отряда: Степной (Ю. Г. Колосов), Перекопский (Е. В. Веймарн), Военно-исторический (Л. И. Волошинов); Керченский отряд работал отдельно под руководством В. Д. Блаватского,

Степным и Перекопским отрядами в Северном Крыму обследованы следующие основные категории археологических памятников: а) поселения эпохи бронзы; б) скифские селища и городища; в) валы и рвы античного времени и средневековья; д) средневековые крепости, поселения, могильники и земляные плотины от старых водохранилищ; г) множество разнообразных курганов различных эпох.

В 1953 г. Симферопольский отряд экспедиции обследовал зону Симферопольского водохранилища и обнаружил здесь небольшие стоянки эпохи бронзы, кизил-кобинской культуры и раннесредневекового времени. Здесь же имеется ряд курганов, подлежащих раскопкам в 1954 г.

Работы Степного и Перекопского отрядов начались в 1951 г. с обследования Перекопского рва и вала, прилегающих к нему остатков позднесредневековых крепостных сооружений и крупного поселения. Эти работы были продолжены и в 1952 г. Предстоящие раскопки на данном участке дадут возможность решить неясные еще вопросы о времени сооружения большого и малого перекопских рвов и валов, а также о том, являлся ли большой ров в древности каналом, о чем имеются косвенные данные у Константина Багрянородного.

В районах проектируемого Раздольненского ответвления канала обнаружены четыре стоянки эпохи бронзы с наличием остатков керамики, шлифованных и кремневых орудий. Ряд стоянок той же эпохи открыт в долине Чатырлыка. Особенно интересна стоянка катакомбной культуры близ устья Салгира. В районе проектируемой Феодосийской ветви канала близ с. Прибрежная обнаружено крупное приморское скифское селище.

На трассе канала и в зоне орошения имеется громадное количество курганов различных эпох. Наиболее крупные из них в Раздольненском и

Нижнегорских районах достигают 6 м высоты. Многие курганы, в частности близ Нижнегорска, относятся к эпохе бронзы. В Раздольненском районе часть курганов имеет скифские погребения, о чем можно судить по подъемному материалу и по результатам расчистки впускного скифского погребения IV—III в. до н. э. В Октябрьском районе во время работ в карьере обнаружено погребение IV в. н. э. с золотыми изделиями, инкрустированными аметистом, с гончарной, лепной и стеклянной посудой. Есть и раннесредневековые курганные погребения, о чем свидетельствует расчистка впускного погребения близ с. Долинка.

Особенно много курганов на Керченском полуострове, по Азовскому побережью и на водоразделах у приазовских Сивашей, а также по северо-западному побережью Крыма и по долинам Чатырлыка, Салгира и Карабу. В центральных степных районах северного Крыма курганов заметно меньше. Сохранность курганов в Раздольненском и северных степных районах сравнительно хорошая, в отличие от Керченского полуострова, где насыпи обычно повреждены сильнее.

Характерно, что за исключением двух небольших стоянок скифского времени, скифских, а также и раннесредневековых селищ и городищ в северных и центральных степных районах не обнаружено. Это позволяет выдвигнуть предположение, что в скифо-сарматский и раннесредневековый периоды в степных районах, в отличие от предгорий, гор и западного побережья, преобладали кочевые формы быта. Напротив, в конце средневековья поселений в степном Крыму становится больше.

Военно-исторический отряд исследовал на трассе канала памятники гражданской и Великой Отечественной войн, в первую очередь в районах Перекопа, Ишуньских и Акмонайских позиций, а также в районах высадки десантов 1941—1943 гг. на Керченском полуострове (Героевка и Еникале) и близ Феодосии.

Работы экспедиции в 1951—1953 гг. носили разведочный характер. Их значение заключается в том, что они дали возможность наметить программу дальнейших комплексных историко-археологических и естественно-исторических исследований в зоне проектируемого канала, в степных районах Крыма, до сих пор почти не затронутых археологами.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНЕ

А. Н. МОСКАЛЕНКО

(Воронеж)

Культура раннего железного века в бассейне верхнего и среднего Дона до последнего времени была известна лишь по раскопкам курганов (воронежских «Частых курганов», мастиогинских и др.), а также по случайным находкам. Поселения этого времени не изучались.

Во время разведок, проводившихся Воронежским университетом в 1949—1950 гг., культурный слой середины I тысячелетия до н. э. был обнаружен на Архангельском (Голышевском) городище, на правом берегу Дона у с. Архангельское примерно в 60 км к югу от г. Воронежа. Городище занимает два отрога коренного берега и часть плато. Северный отрог укреплен двумя валами и рвами, южный — одним. Плато, примыкающее к отрогам, окаймляется огромным валом, протяжением около 1000 м, и двумя рвами. Кроме того, эта часть городища укреплена еще поперечным валом и рвом.

В 1952—1953 гг. здесь были проведены раскопки. На восточной половине северного мыса вскрыта площадь около 1500 м². Мощность культурного слоя равняется в среднем 50—60 см. Вся его толща однородна и представляет собой чернозем с меловой щебенкой.

Культура середины I тысячелетия до н. э. характеризуется прежде всего фрагментами сосудов, вылепленных из хорошо промешанной плотной глины без примеси шамота или с незначительной примесью его. Наиболее характерными типами посуды являются: а) миски с затнутыми внутрь краями, нередко со следами лощения на наружной поверхности (на одном фрагменте встречен врезной орнамент из треугольников), б) горшки с несколько шероховатой поверхностью, украшенные по венчику защипами или вдавлениями, ниже которых располагаются сквозные отверстия (днища имеют выступы), в) шарообразные сосуды и г) кувшины с ручкой, со слегка лощенной поверхностью.

К тому же времени относятся железные ножи с выгнутой спинкой, роговые псалии, обломок костяной мотыги, пестики от зернотерок, пряслица, обломки от амфор.

Наибольший интерес представляют остатки прямоугольной столбовой или частокольной постройки площадью около 170 м². Дубовые столбы были поставлены вплотную друг к другу и нижними концами забутованы в канаве. Ширина канавы 40—50 см, глубина до 70 см. Средний диаметр столбов 20—30 см. Их остатки возвышались над уровнем материкового мела на 15—30 см. Возможно, что постройка изнутри была обшита досками, о чем свидетельствуют местами сохранившиеся обломки их.

Вход в постройку шириной в 2 м находился с юго-западной стороны. Внутри ее в одной половине обнаружены ямы от столбов, свидетельствующие о том, что постройка в этой части была разгорожена. Здесь же сохранились остатки большого столба, поддерживавшего крышу.

На другой половине постройки находились три большие ямы, вероятно хранилища. Диаметр их от 1,1 до 1,6 м, глубина — от 1 до 1,4 м. В нижней части ям находились зольные прослойки толщиной от 2 до 5 см. В ямах встречено лишь несколько фрагментов керамики и отдельные кости животных. В этой же части постройки найден плохой сохранности скелет взрослого человека, лежавшего на спине с вытянутыми ногами.

Постройка сгорела. Об этом свидетельствуют обугленные концы столбов, угольки, встречавшиеся на всей площади ее, зольные прослойки в ямах. Возможно, с пожаром связана гибель человека. Вопрос о назначении постройки неясен. Отсутствие на ее площади очага или печи не позволяет утверждать с определенностью, что это было жилое помещение.

К востоку от описанной постройки раскопано девять ям, служивших, очевидно, кладовыми. Все ямы вырублены в материковом мелу. Более узкие у горла, они расширяются к основанию. Стены ям были тщательно отделаны. Глубина их от 0,6 до 1,5 м. Диаметр — вверху от 0,6 до 1 м, внизу от 0,9 до 1,5 м. Две ямы имеют отдушины, выбитые изнутри на поверхность. Вокруг четырех ям обнаружены небольшие ямки от столбов, поддерживавших перекрытия.

В ямах обнаружены фрагменты керамики, глиняная обмазка, кости животных и угли. В двух ямах имелись зольные прослойки. Наличие зольных прослоек и углей можно связать с пожаром, от которого пострадала и столбовая постройка.

Культура Архангельского городища середины I тысячелетия до н. э. стоит ближе всего к одновременным культурам северной зоны лесостепного днепровского Левобережья (бассейны Сейма и Сулы), а также Северного Донца. Однако эта культура имеет и свои особенности, проявляющиеся прежде всего в характере керамики. Керамика исследованного нами городища отличается от керамики с берегов Сейма несколько более грубой фактурой, здесь не наблюдается той плотности, сухости и звонкости черепка, которая присуща сейминской керамике. В орнаментальных мотивах посуды с Архангельского городища отсутствуют наколы горошинами, характерные для Посулья. Относительно широкое распространение лощения сосудов отличает рассматриваемую нами керамику от керамики Северного Донца.

Большие наземные столбовые постройки и ямы с отдушниками неизвестны до сих пор на поселениях левобережной днепровской Лесостепи.

Все это позволяет уже сейчас ставить вопрос о существовании местного варианта культуры раннего железного века на среднем Дону.

Раскопками на Архангельском городище впервые начато изучение мест поселений раннего железного века в бассейне верхнего и среднего Дона. Они дополняют имеющиеся ранее сведения о культуре этого времени, расширяют представления о жизни оседлого населения в данном районе.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ОСТРОВЕРХОВКА, ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Б. А. ШРАМКО

(Харьков)

Островерховское селище и связанный с ним могильник расположены на плоской возвышенности у истоков р. Чернявка (левый приток р. Мжа), вблизи с. Островерховка, Змиевского района, Харьковской области. В 1951—1953 гг. исследования этого памятника производили экспедиции Харьковского государственного университета.

На территории селища зафиксировано 60 зольников, которые сосредоточены в пяти группах. Каждая из этих групп представляет собой самостоятельное целое и расположена от соседней группы на значительном расстоянии. Первая группа включает 10 зольников, вторая — 15, третья — 11, четвертая — 21 и пятая — 3. В первой, второй и четвертой группах зольники располагаются приблизительно по кругу. Возможно, такой же порядок был и в третьей группе, однако там это менее заметно, так как площадь ее пересекается молодым оврагом.

Детальному исследованию были подвергнуты четыре зольника: один в третьей группе (№ 12) и три в четвертой (№ 37, 38, 39). Раскопки показали, что зольники не являются остатками какого-либо разрушенного сооружения, а, судя по стратиграфии, образовались путем постепенного накопления на одном месте различных культурных остатков. В насыпи зольников найдено большое количество фрагментов керамики, обломков изделий из камня, отдельных костей домашних и диких животных. Металлические изделия попадаются редко. В различных местах зольников встречались скопления угольков и почти чистой золы, обломки сырой и слабообожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также куски трех- или четырехслойной очажной глиняной сильно обожженной обмазки. Особо следует отметить наличие в насыпи зольников культовых предметов (маленькие вотовивные сосудики и зооморфные статuetки).

Около зольника № 12 были обнаружены остатки наземного жилища с углубленным в землю полом. Углубление имело форму неправильного овала с диаметрами 8 и 5 м. Здесь выявлены два очага: один в жилище, другой (возможно, летний) — вне его. Наземная часть жилища представляла, повидимому, легкое сооружение из деревянного каркаса, переплетенного прутьями и обмазанного глиной.

Подъемный материал и вещи, найденные при раскопках зольников, сравнительно однородны и все относятся к местной культуре раннего железного века. Изделия из металла представлены железным топором особой формы, обломком железного серпа, железным писалием с двумя отверстиями, бронзовым втульчатым наконечником стрелы и бронзовым зеркалом с отломанной ручкой. Среди находок имеется несколько тысяч обломков керамики. В большинстве своем они принадлежат местной леп-

ной посуде различных форм и назначения: горшки, миски, сковородки, кувшины, кубки и чаши. Довольно часто встречаются сосуды с отверстиями для прощёживания меда или для отделения молочной сыворотки от творога. Из глиняных изделий следует также отметить многочисленные пряслица, дисковидные грузила и обломок глиняной лячка. Непонятно назначение разнообразных глиняных конусов. Характерно, что в ранней группе местной керамики отсутствует чернолощеная посуда, но имеются горшки, украшенные налепными валиками, защипами и проколами у края венчика.

Керамика, сделанная на гончарном кругу, представлена небольшим количеством обломков греческих амфор. Среди фрагментов, определенных И. Б. Зеест, большинство относится к остаткам амфор эллинистического времени, но в зольнике № 8 найден обломок архаической хиосской амфоры конца VI—V в. до н. э.

Изделия из камня представлены главным образом обломками кварцитовых зернотерок, точильными брусками и шаровидными метательными камнями разных размеров, изготовленными из песчаника. Изделия из кости встречаются в памятниках раннего железного века в бассейне Северного Донца довольно редко. На островерховском селище найдена только костяная мотыжка и обрезок рога оленя, на котором видны следы беспорядочно разбросанных зарубок.

Исследование костного материала показывает, что в стаде домашних животных преобладал крупный скот — коровы и лошади, разводились также овцы, козы и свиньи. Среди диких животных встречаются: благородный олень, косуля, лось, кабан, волк.

Все шесть курганов, раскопанных в могильнике, примыкающем к селищу, оказались ограбленными еще в древности. В пяти курганах остатки погребений находились в ямах прямоугольной формы с закругленными углами. Ямы ориентированы по линии север — юг. В одном кургане погребение было расположено в насыпи или на горизонте. Остатки погребений сохранились плохо, но по некоторым данным можно установить, что в четырех курганах покойники лежали головой на север, а в одном — головой на юг.

Из вещей в курганах найдены однородные фрагменты керамики архаических типов, железный нож, обломок железного дротика и бусы, среди которых много мелких пастовых, так называемых рубленых, бус.

Исследование всего материала показывает, что островерховское селище возникло в конце VI — начале V в. до н. э. Курганный могильник, в котором пока исследована лишь часть архаических погребений, связан с поселением. Древнее ядро селища находилось там, где сейчас расположена первая группа зольников (в урочище Лымарева Поляна). Это было небольшое поселение патриархально-родовой общины, члены которой были тесно связаны между собой. Поэтому жилища отдельных патриархальных семей располагались по кругу возле одной площадки, служившей, возможно, коллективным загоном для скота. Неподалеку от каждого жилища находился зольник, связанный, повидимому, с культом домашнего очага.

В результате естественного роста количества населения происходило разложение патриархальной общины, из которой выделялись не отдельные индивидуальные семьи, а довольно крупная часть общины, объединяющая несколько семей. Выделившийся коллектив организовывал рядом свой поселок, который в общих чертах представлял собой копию первоначального поселения. Таких этапов расселения в островерховском селище можно насчитать три. Внешним выражением их явилось появление, кроме группы зольников в урочище Лымарева Поляна, еще трех групп таких же зольников.

Пятая группа, состоящая из трех зольников, повидимому, никогда не была связана с каким-либо поселением. Особый характер этих зольников дает возможность предполагать, что здесь было не поселение, а общее место культа, вокруг которого объединялись все члены общин.

Население островерховского селища занималось главным образом земледелием и оседлым пастушеским скотоводством. Охота крупной роли не играла. Ремесло, повидимому, не выходило за рамки домашнего или, по крайней мере, внутриобщинного производства.

Хозяйство местной патриархальной общине было еще весьма замкнутым, натуральным. Обмен не получил еще широкого развития.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ БАССЕЙНА р. ВОРСКЛЫ

Г. Т. ТИТЕНКО

Разведкой на среднем течении р. Ворсклы в 1953 г. были обследованы: по правому берегу реки — участок между Полтавой и Опошней, Полтавской области, а по левому — побережье между селами Хухра, Кириковка, Ахтырского района, Сумской области. Здесь был открыт ряд поселений, относящихся в основном к эпохе бронзы и к скифскому времени.

Поселения, относящиеся к бронзовому веку, были обнаружены в четырех пунктах (Кириковка, Чернеччина, Лихачевка, Бруся). Все они расположены в пойме реки на песчаных дюнах. Керамика их аналогична памятникам того же времени лесостепного Левобережья (Сейм, Десна). Хронологически она относится к средней и поздней бронзе.

Поселения скифского времени расположены на высоких мысообразных выступах правого берега реки. Для них характерно наличие зольных и земляных кургanoобразных бугров различных размеров (высотой 10—50 см, диаметром 18—20 м) или пятен, выделяющихся на вспаханном поле другой окраской. Около поселений расположены курганные могильники.

Материал, полученный во время разведки, дает возможность выделить на Ворске несколько групп поселений: 1) начало VII в. до н. э. (с. Хухра, Ахтырского района, Сумской области); 2) VII—VI в. до н. э. (села Алферовка, Дибровка, Максимцы, Чернечий Яр, Лихопоеев, Стаси, Слиньков Яр, Бречков, Павлый, Кратов, Гавронцы, Лихачевка, Федоровка, Диканька, Полтавской области); 3) V—IV в. до н. э. (с. Кучмивка, Полтавской области, с. Чернеччина, Сумской области).

Керамика начала VII в. до н. э. характеризуется наличием сосудов баночных форм, украшенных налепным расчлененным валиком или круглыми вдавлениями, расположенными, как правило, по плечику со сквозными проколами под венчиком, и редкими косыми насечками по срезу венчика; черпаками в виде глубокой чашечки с петельчатой, возвышающейся над краем ручкой (без выступа на ней), украшенные резным орнаментом с инкрустацией, наколами или ямками и мисками с отогнутым наружу краем и профицированной стенкой.

Керамика VII—VI в. до н. э. может быть разделена на две группы: кухонную и «парадную» чернолощенную. Кухонная посуда представлена сосудами баночных или торшкообразных форм, украшенных налепным валиком с защипами, помещенным под венчиком, и сквозными проколами, а также без валика, но с проколами под венчиком и пальцевыми защипами по краю венчика. Среди чернолощеной керамики встречаются глубокие и мелкие черпаки с отростками на ручках, украшенные резным орнаментом с инкрустацией; миски с загнутым внутрь краем, украшенные иногда продолговатыми налепами по краю с внешней стороны или сквозными отверстиями под краем. Найдены также обломки амфор VI в. до н. э.

Для IV в. до н. э. основной формой является горшок с невысокой шейкой и выпуклыми боковыми стенками, украшенный расчлененным валиком по краю венчика. Глубокие миски имеют вертикальные стенки и днище с закраиной. Постепенно исчезает лощеная керамика. Встречается большое количество привозной керамики, особенно амфор.

Анализ керамики исследованных поселений позволяет сделать некоторые предварительные выводы: в период бронзы на Ворскле бытует культура, близкая к культуре северных районов Левобережья, тогда как скифское время здесь характеризуется иной культурой, отличающейся от северных и южных районов Левобережья.

В памятниках VII и VI в. до н. э. на Ворскле наблюдается наибольшая близость со скифскими и раннескифскими памятниками лесостепного Правобережья (Белогрудовка, Черный лес и Жаботин), что подтверждает предположение, высказанное М. Я. Рудинским (1926, 1946) и М. И. Артамоновым (1952) о возможном продвижении части земледельческих племен лесостепного Правобережья в предскифское и раннескифское время в районе Ворсклы с запада.

Дальнейшие исследования на Ворскле позволят уточнить, с одной стороны, вопрос о культурных связях с Правобережьем, с другой — с племенами соседних территорий Левобережья.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУР РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

Вопрос о путях сложения культуры скифского типа лесостепного Левобережья, представленной памятниками бассейнов Сулы, Псла, Северного Донца, остается слабо освещенным в нашей науке. Памятники скифского типа на этой территории известны нам со времени не ранее середины VI в. до н. э. Остается невыясненным, сложилась ли скифская культура посульско-донецкого типа в результате непрерывного развития местных племен, живших здесь со времени бронзового века, или она появилась в результате проникновения сюда в начале железного века каких-то новых племенных групп.

Некоторые особенности культуры скифского времени на этой территории (особенно своеобразие местной лепной керамики) позволяют высказать предположение, что она сформировалась на другой, отличной от Правобережья, культурной и этнической основе конца бронзового века.

Новые данные о характере памятников эпохи бронзы на территории Левобережья были получены в 1953 г. Посульско-Донецким отрядом Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН УССР. К числу обследованных памятников относятся: поселения у с. Малые Будки и у х. Гай, Недригайловского района, Сумской области, на Суле и поселение в урочище Бондариха у г. Изюма на Северном Донце, открытое в 1951 г. Д. Я. Телегиным.

Основным типом керамики, найденной на поселении у х. Гай являются открытые высокие горшки с корпусом, постепенно расширяющимся от дна к плечу, суженной шейкой и выраженным отгибом венчика. Наружная сторона венчиков часто бывает уплощена, отчего венчик приобретает характерное треугольное сечение. Шейка часто орнаментирована круглыми ямками с выпуклинами. Наиболее характерным видом орнаментации корпуса являются неглубокие желобки или прочерченные линии, образующие в комбинации различных наклонов геометрические узоры, иногда сочетающиеся с косыми короткими черточками. Другим мотивом орнамента являются параллельные ряды налепных, треугольных в сечении валиков, гладких или расчлененных пальцевыми нажимами. Глина, из которой сделаны сосуды, хорошо вымешана, с примесью мелкого песка с блестками слюды, поверхность гладкая, чаще рыжеватого или серого цвета. Поселения с керамикой этого рода известны на Суле (Беседовка), Сейме (Харьевка, нижний слой Ширяевского городища, Волынцево, Марьяновка, Ивановка и др.), на Северном Донце (Изюм 5), а также на Правобережье Днепра (нижний слой поселения у с. Собковка, поселение на Панском острове у с. Новосельцы на Тясмине). По предварительным данным это поселение может быть датировано серединой II тысячелетия до н. э.

Совершенно иной характер носит керамика поселения у с. Малые Будки. Типичной формой посуды здесь являются открытые горшки с корпусом, расширяющимся от дна к поясу, прямыми стенками, слабо намеченной шейкой и отгибом венчика. Поверхность сосудов богато орнаментирована овальными ямками, нанесенными концом косо поставленной палочки, расположенными горизонтальными рядами или в беспорядке, оттисками гребенчатого штампа или мелкозубчатого чекана, встречается гребенчатая заштриховка поверхности, глина грубее, цвет наружной поверхности чаще всего темнокоричневый. Поселения с керамикой этого города известны на Сейме (Алексеевка), в верховьях Ворсклы (у Гайвона), на Северном Донце (Студенок II) и не встречаются в памятниках к западу от Днепра. Культура поселений у х. Гай и с. Малые Будки резко различна между собой. Генетически культура типа Малых Будок связывается с памятниками так называемого марьяновского «неолитического» типа, известного по поселениям на Сейме (Марьиновка) и на Северном Донце (Студенок 5). Некоторые аналогии с керамикой поселения у дер. Воскресенская, Шигонского района, Куйбышевской области, позволяют предварительно датировать поселение у с. Малые Будки временем третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Особый интерес представляет поселение в урочище Бондариха. Найдки каменных литейных форм для отливки шестигранных кельтов, обилие кремневых вкладышей для серпов, набор костяного инвентаря (костяные шилья, тупики, муфты с отверстиями для насада из рога оленя и пр.), а также находка железного четырехгранных шильца типа бронзовых, позволяют отнести это поселение ко времени рубежа поздней бронзы и раннего железа и считать его соответствующим по времени памятникам белогрудовского типа на Правобережье и памятникам поздней срубной культуры (Белозерское и Змеевское поселение) в Степи. Однако особенности керамики поселения у Бондарихи заставляют выделить его в особый вариант культуры поздней бронзы, отличный как отПравобережья, так и от поздней срубной культуры, известной в Степи и на Северном Донце. Главной формой посуды здесь являются тонкостенные открытые горшки со стенками, расширяющимися к поясу, верхняя часть сосудов слабо профилирована, шейка и отгиб венчика чаще всего выражены слабо. Черепок плотный, в тесте примесь мелкого песка, цвет темный или коричневатый, имеются следы заглаженности, иногда встречаются тонкостенные сосуды с заглаженной до лощения поверхностью. Основная масса посуды не орнаментирована, небольшая часть, наоборот, украшена довольно разнообразно.

Наиболее обычным мотивом орнамента являются углубления, сделанные концом круглой палочки или щепочки, поставленной перпендикулярно или под углом к сосуду. Отпечатки различны по величине и форме, имеют вид овала, кружочка, треугольника, зубчика, лопаточки и пр. Встречаются пальцевые щипки, серповидные оттиски ногтем, пальцево-ногтевые вмятины. Орнамент располагается чаще полосой по шейке или поясу сосуда, иногда в виде пирамидок. В отдельных случаях оттиски штампа покрывают в беспорядке весь корпус сосуда. Края венчиков украшены редкими косыми насечками — оттисками, сделанными концом палочки или щепочки. Четыре обломка тонкостенных горшков обычного профиля оказались украшенными в верхней части шейки налепными не-пропорционально широкими валиками, в двух случаях гладкими, в двух — с пальцево-ногтевыми оттисками.

Керамика Бондарихинского поселения имеет некоторые преемственные черты, связывающие ее с памятниками более ранней поры бронзового века левобережной Лесостепи, представленной поселениями типа Малые Будки.

Несмотря на то что поселение у урочища Бондариха является одним из наиболее поздних памятников периода бронзы на территории Левобережья, в его культуре, и в частности в керамике, не имеется сколько-нибудь отчетливо выраженных черт, позволяющих рассматривать ее в качестве основного источника сложения культуры скифского времени посулько-донецкого типа. В то же время формы, качество выделки и характер орнаментации керамики поселения у Бондарихи обнаруживают черты сильнейшего сходства с керамикой юхновского типа, известной в I тысячелетии до н. э. в районах к северу от Сейма. Очевидно, памятники типа Бондарихи могут рассматриваться в качестве основы для сложения юхновской культуры.

Распространение культуры скифского типа в левобережной Лесостепи скорее всего можно связать с продвижением сюда новых групп населения, генетическую основу формирования которых могли составлять племена поздней срубной культуры Северного Донца.

РАСКОПКИ В с. ЗМЕЕВКА, ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. БУРАКОВ

Разведкой 1951 г., организованной Институтом археологии АН УССР в районе строительства Каховской ГЭС, было обнаружено поселение эпохи поздней бронзы в с. Змеевка, Бериславского района, Херсонской области. Поселение занимает площадь около 4 га на краю первой надпойменной террасы правого берега Днепра, современное русло которого удалено от поселения приблизительно на 4 км.

Культурные наслойения относятся к двум хронологическим периодам: к эпохе поздней бронзы и к периоду Киевской Руси. Ниже слоя эпохи поздней бронзы в твердом материковом лессовидном суглинке вскрыты четыре неолитических погребения.

Для периода поздней бронзы характерны два строительных этапа, различающиеся техникой домостроительства. Ведущим видом построек для обоих этапов были деревоглиняные помещения на каменных фундаментах.

В первый, более ранний строительный этап постройки были большими ($4,2 \times 5,4$ м; $6 \times 7,2$ м), правильной четырехугольной формы, основания их углублены в землю. Фундаменты отдельных стен сохранились на высоту 0,6 м и имеют по три-четыре ряда кладки. Они сложены из крупных бесформенных плит ракушечного известняка. Угловые камни, как правило, поставлены на ребро.

Вещевой инвентарь, относящийся к этому этапу, представлен обломками керамики с валиковым и прочерченным орнаментом, обломками каменных молотков, пестами-растриральниками, зернотерками и поделками из бронзы (шило, булавки, ножевидные пластинки).

Для второго строительного этапа наряду с четырехугольными сооружениями, остающимися ведущей формой построек, характерно наличие небольших построек различных форм: круглых, полукруглых, трапециевидных. Основания помещения не углублялись, фундаменты клалась непосредственно на дневной горизонт. Площадки не выравнивались, и поэтому помещения имели уклон, соответствующий уклону местности. Полом служил утрамбованный лесс. В отдельных случаях пол имеет следы обжига.

Вещевой инвентарь аналогичен инвентарю первого этапа, но здесь нет бронзы, а металлические поделки представлены небольшими железными ножами.

На третьем раскопе к остаткам строительных сооружений примыкает могильник, отделенный от последних большой полукруглой стеной, упирающейся концами в обрыв террасы. На площади, ограниченной стеной, вскрыты скорченные и окрашенные погребения, лежавшие на правом боку на древней поверхности или в неглубоких ямах. Над могилами устраивались каменные выкладки овальной формы. Два таких погребения вскрыты в кромлехе. Вещевого инвентаря при погребениях нет.

По времени могильник соответствует первому этапу.

Керамика обоих этапов одинакова и представлена следующими группами: кухонные горшки, чашки, миски, цилиндрические сосуды. Горшки украшены рельефными валиками по шейке или по плечикам, а также врезным и вдавленным орнаментом различных узоров: елочка, ряды ямок, фестоны из треугольников, отпечатки камыша, волна, зажатая между двумя параллельными линиями, и т. д. Значительная часть посуды вообще не орнаментирована, на ее поверхности видны следы от сглаживания травой.

Наличие каменных зернотерок и пестов-растиральников, отпечатки зерен проса на круглых глиняных плитках и днищах сосудов, наличие костей домашних животных — преимущественно быка и лошади — свидетельствуют о земледелии и скотоводстве как основных отраслях хозяйственной деятельности населения.

Поселение в с. Змеевка становится в ряд поселений поздней бронзы днепровского степного Правобережья, для которых характерно использование камня в домостроительстве. Этого явления мы не наблюдаем на левом берегу Днепра. Вещевой инвентарь по аналогии с известными памятниками позволяет датировать слой эпохи поздней бронзы в с. Змеевка IX—VIII в. до н. э., связывая его, повидимому, с киммерийцами, которых античные писатели помещали в степях Северного Причерноморья.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА СЕЙМЕ

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

Район левобережного украинского Полесья в археологическом отношении исследован еще далеко недостаточно. В особенности это касается эпохи бронзы, немногочисленные памятники которой открывались здесь случайно и систематически никем не изучались. Между тем изучение эпохи бронзы южного Полесья представляется особенно важным прежде всего потому, что, как известно, в скифское время на этой территории была распространена так называемая подгорецкая культура, принадлежность которой к славянам очень вероятна. Кроме того, даже то немногое, что известно о культуре бронзы этой области, указывает на ее своеобразие и на свой собственный путь развития, который, хотя и имеет ряд общих черт с культурным развитием соседних районов УССР, Белоруссии и РСФСР, не может быть полностью с ним отождествлен.

В 1953 г. автором были раскопаны два поселения эпохи бронзы. Одно из них оказалось многослойным и дало возможность не только составить представление о характере культуры этой эпохи, но и в какой-то мере проследить последовательность ее проявлений.

Оба поселения находятся вблизи с. Волынцево, Путивльского района, Сумской области, одно в урочище Городок, другое в урочище Попова Левада. Поселение Городок расположено в пойме р. Сейм на небольшом песчаном всхолмлении; его культурные наслоения относятся к трем периодам: а) раннему железу; б) средней бронзе; в) ранней бронзе. Кроме того, ниже слоя времени ранней бронзы были обнаружены следы разрушенной неолитической стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой.

Слой ранней бронзы представлен большим количеством хорошо сохранившихся кострищ, устроенных в ямах глубиной 15—20 см круглой и овальной формы. Возле кострищ находились скопления керамики, для которой характерны макотровидные формы сосудов. Цвет керамики желтый и темно-красный, в глине заметна примесь песка, обжиг хороший. Сосуды сплошь орнаментированы (от венчика до дна) рядами наколов, перемежающихся с оттисками то более длинной, то более короткой перевитой веревочки. Близкая керамика широко распространена в позднем неолите и ранней бронзе в лесных областях Восточной Европы; на Украине наиболее полную аналогию посуде нижнего слоя поселения Городок составляет керамика, обнаруженная М. Я. Рудинским и Я. М. Марачевским вблизи с. Марьиновка, Путивльского района.

Слой, относящийся к средней бронзе, содержал углубления овальной формы (очевидно, от жилищ), глубина которых колеблется от 75 до 85 см. Длина 8 м, ширина 4 м. Вещественный инвентарь этого слоя представлен керамикой и большим количеством каменных, в частности кремневых, орудий. Следует отметить кремневые наконечники стрел, на-

конечники копий, каменные просверленные молотки и кварцитовые своеобразные топоры-клины. Для керамики, изготовленной из глины с большой примесью песка, характерны два типа: 1) острореберные горшки средних размеров, украшенные налепными валиками и прочерченными линиями, расположенным либо елочкой, либо параллельными рядами, 2) тонкостенные сосуды баночной формы, орнаментированные по всему туловищу врезными линиями, наколами и короткими полосами мелко-зубчатого штампа. Керамика темносерого и коричневого цвета, в изломе черная.

По характеру керамики и кремневого инвентаря этот слой наиболее близок к поселениям типа Щевченковский Сад (Надпорожье), поселениям, известным в настоящее время не только на юге, но и на севере Украины и датируемым концом средней бронзы.

Верхний слой поселения Городок, датируемый временем раннего железа, представлен одной землянкой небольших размеров ($2,80 \times 4,20$ м), хозяйственными ямами и несколькими костищами. Вещественный инвентарь состоит из толстостенной, бурого цвета керамики, сделанной из глины с большой примесью песка. Она в основном баночных и тюльпановидных форм, украшена очень бедно и однообразно — рядами наколов под венчиком.

Очень небольшую группу составляет лощеная посуда, близкая по формам к белогрудовской. Из металлических изделий здесь найдено только два железных ножа с горбатыми спинками, железный серп и несколько бронзовых украшений (булавки посоховидной формы и спиральная пронизь). Вещественный материал этого слоя по формам и орнаментации сосудов, типам булавок и других металлических вещей относится к кругу подгорецкой и юхновской культур, но датируется, очевидно, несколько более ранним по сравнению с ними временем.

Поселение Попова Левада расположено на боровой террасе правого берега р. Сейм; оно занимает мыс площадью около 500 м², глубоко вдающийся в пойму реки. В результате шурфовки на поселении было раскрыто одно жилище типа землянки. Оно было вырыто частично в песке, частично в суглинке (глубиной 1,1 см) и имело прямоугольную форму, размер землянки $11 \times 8,5$ м. На полу землянки обнаружены остатки глиnobитного очага, предохажная яма, заполненная золой, и несколько ям от столбов. Возле двух стен были выявлены продолговатые выступы материала, возможно, служившие нарами. Для керамики этого поселения характерны баночные сосуды, орнаментированные гладким валиком, наколами и зубчатым штампом, а также горшки острореберных форм с валиковой и линейной орнаментацией. Кроме того, в землянке было найдено несколько кварцитовых топоров-клиньев и часть матрицы для отливки вислообушного топора. По характеру материала это поселение может быть отнесено к началу поздней бронзы и синхронизировано с памятниками комаровской и срубной культур. Хронологически оно может быть помещено между верхним и средним слоями поселения Городок.

Судя по отсутствию в нижнем горизонте поселения Городок следов земледелия, а также по наличию керамики, очень близкой к позднеолитической ямочно-гребенчатой, можно думать, что основным занятием населения Полесья в период ранней бронзы были охота, рыболовство и собирательство. В целом по своему внешнему облику, как, очевидно, и по существу, культура этого населения была родственна той, которой характеризовалось в период ранней бронзы население более северных лесных областей. К середине II тысячелетия облик культуры местного населения изменился, хотя и сохранились некоторые элементы предшествовавшего времени. Очевидно, это произошло в связи с усилением роли земледелия, возникновением местной металлургии и установлением тесного общения и межплеменного обмена уже не с северными, а с южными

и юго-западными соседями. Не исключено также, что в этот период проходило глубокое проникновение степного населения в лесостепные и полесские области.

Около середины I тысячелетия пути развития хозяйства и культуры у населения Лесостепи и чисто степных племен, с которыми оно было раньше связано, резко разошлись. В Полесье продолжалось развитие оседлого, земледельческого типа хозяйства, ничего общего не имеющего со степным (скифским).

Таково самое первое и самое общее представление о хозяйственной и культурной жизни местного населения, которое удалось составить на основании исследования двух волынцевских поселений.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В с. ЗИМНО, ВОЛЫНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю. Н. ЗАХАРУК

(Львов)

В с. Зимно, Владимир-Волынского района, Волынской области, археологическими экспедициями Института археологии и Института общественных наук Львовского филиала АН УССР в 1951 и 1952 гг. исследовалось поселение энеолитического времени, так называемой культуры воронковидных кубков (*die Trichterbecherkultur*). Памятники этой культуры на обширной территории Центральной и Северо-Западной Европы (Польша, Германия, Чехословакия, Голландия, Дания и частично Швеция) образуют ряд местных локальных вариантов.

В пределах западных областей УССР памятники культуры воронковидных кубков встречаются на территории Волынской и Львовской областей, главным образом в бассейне р. Западный Буг. На указанной территории они остаются пока наименее изученными. До раскопок в с. Зимно было частично исследовано только одно поселение этой культуры в Малых Грибовичах, Львовской области (раскопки М. Ю. Смишко в 1933—1934 гг.). Между тем исследование памятников этого типа представляет большой научный интерес. Это важно для уяснения характера и локальных особенностей культуры местной (грибовичской) группы памятников, а также для выяснения вопроса о связях племен данной культуры с соседними племенами, в частности с теми, которые оставили синхронные культуры Правобережной Украины.

На поселении обнаружен довольно мощный культурный слой, насыщенный разнообразными находками, относящимися к энеолитическому времени. В пределах вскрытой площади исследовано пять ям, являющихся остатками углубленных частей жилищ. В некоторых из них оказались остатки кострищ, а в других — остатки разрушенных глиняных печных сооружений. Кроме этого, на поселении обнаружено две ямы хозяйственного назначения, повидимому, зерновых с обмазанными глиной и обожженными стенами.

Наиболее многочисленной и показательной группой находок является керамика. Вся посуда изготовлена от руки, хорошо сформирована и обожжена, с прекрасно обработанной поверхностью. Разнообразные типы сосудов представляют собой варианты биконических по форме сосудов. Наиболее характерными сосудами являются так называемые воронковидные сосуды, воротниковые фляги и биконические сосуды с ручками типа *ansa lunata*. Керамика орнаментирована оттисками разнообразных штампов. Большую группу находок составляют глиняные прядильщицы. Встречены также массивные, хорошо обожженные цилиндрические грузила. Особо следует отметить находки маленьких вотивных глиняных топориков с дырочкой для подвешивания, характерных для данной культуры.

В большом количестве на поселении встречены изделия из кремня хорошего качества (волынский кремень). Кремневые изделия (скребки, ножи, резцы, наконечники стрел, топоры-клины) совершенно аналогичны кремневым изделиям позднетрипольских памятников Волыни, причем не только по ассортименту изделий и технике их изготовления, но и по сортам кремня. Каменные изделия представлены кусками зернотерок, растиральниками и обломками боевых топоров-молотов особого типа, также характерных только для данной культуры.

Интересную группу находок составляют костяные изделия. Некоторые из них также типичны только для данной культуры (биконические острия и «ложки»).

На поселении найдено большое количество костей домашних животных — быка, лошади, овцы, козы, свиньи, собаки — и диких животных — волка, бобра, барсука, оленя, хомяка, козули и зайца.

Весь этот материал позволяет довольно полно охарактеризовать хозяйство, быт и культуру жителей поселения. Следует подчеркнуть, что ассортимент разнообразных орудий труда в целом аналогичен находкам из позднетрипольских поселений, что вместе с другими данными позволяет сделать вывод об однотипности хозяйственной деятельности населения обеих культур.

Очень важными являются наблюдения, сделанные во время раскопок поселения в с. Зимно, о синхронности указанных памятников с другими местными культурами. Так, в одном из жилищ, среди находок, относящихся к культуре грибовичского типа, были найдены фрагменты керамики позднетрипольской, расписной позднеленточной культуры и культуры шнуровой керамики. Данные находки бесспорно свидетельствуют о синхронности культуры грибовичского типа с позднетрипольской культурой, позднеленточной расписной и культурой шнуровой керамики. Данные о синхронности и существовании определенных культурных связей между племенами культуры грибовичского типа и позднетрипольскими племенами подтверждаются, в свою очередь, соответствующими находками, относящимися к культуре грибовичского типа, сделанными на позднетрипольских поселениях Волыни (с. Новая Чартория, Дзержинского района, Волынской области). Данные о синхронности ряда культур энеолитического времени на территории Волыни, документально зафиксированные раскопками, проведенными в последние годы, имеют большое значение, так как устраниют существовавшее ранее ошибочное мнение, которое рассматривало развитие этих культур не параллельно, а последовательно. Последнее, несомненно, искажало историческую перспективу в развитии местных энеолитических племен.

Раскопки в с. Зимно дали интересный комплекс находок культуры грибовичского типа, являющийся важным источником для изучения истории, хозяйства, культуры и быта населения культуры воронковидных кубков на территории западных областей УССР. Материалы раскопок в с. Зимно, подтвердившие синхронность данного поселения с аналогичными памятниками энеолитических культур, способствуют уяснению характера связей между отдельными культурами на Волыни и являются важным источником для увязки истории энеолитических племен юго-запада нашей Родины с историей синхронных племен Западной Европы.

ИССЛЕДОВАНИЯ В с. ЗВЕНИГОРОД, ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. К. СВЕШНИКОВ

(Львов)

Осенью 1953 г. в порядке охраны памятников культуры Львовский исторический музей направил в с. Звенигород, Львовской области, небольшой археологический отряд, частично исследовавший два разрушающихся вспашкой и хозяйственными земляными работами могильника, расположенных близ урочищ Гоева гора и Загуминки.

На могильнике Гоева гора была вскрыта площадь в 317 м², на которой были исследованы 24 погребения с обрядом трупоположения и трупосожжения, относящиеся к двум эпохам: бронзовому веку и раннеславянскому времени. Большая часть погребений находилась на небольшой глубине, непосредственно под пахотным черноземным слоем, вследствие чего они были сильно разрушены плугом.

К началу бронзового века относится шесть погребений (пять трупоположений и одно трупосожжение) с керамикой, кремневыми изделиями, роговыми мотыгами, бронзовыми предметами (булавка, наконечник стрелы, бусина), костяным шилом и костями овцы.

Находки на Гоевой горе — не единичное явление; им отвечает ряд подобных, пока еще почти совершенно не исследованных памятников на территории Львовской, Станиславской, Волынской и Ровенской областей.

Анализ материала этих памятников позволяет говорить о земледельческо-скотоводческом характере культуры этого населения, которую следует, повидимому, определить как самое позднее проявление культуры ленточной керамики, развивающейся на той же территории в предшествующую эпоху.

В нашем распоряжении есть ряд доказательств того, что поздние памятники культуры ленточной керамики синхронны позднетрипольским поселениям соседней территории, расположенной несколько дальше к югу. Кроме того, материалы некоторых волынских погребений (Ляхов, Валентинов) указывают на определенную синхронность (хотя бы и лишь на известном отрезке времени) позднего этапа развития культуры ленточной керамики и культуры шнуровой керамики мегалитическим погребениям в каменных ящиках и культуре воронковидных чащ. Тесные связи соединяли земледельческо-скотоводческие племена, оставившие памятники типа могильника на Гоевой горе, с племенами — носителями перечисленных выше культур.

Несколько более отдаленные связи прослеживаются между интересующей нас культурой и синхронными ей культурами Повисленья и моравской территории, что дает полное основание считать совершенно необоснованной концепцию буржуазных археологов о миграции племен — носителей культуры моравской расписной керамики из-за Карпат в бассейн Вислы, Днестра, Западного Буга и Стыри.

Раскопками в урочище Загуминки вскрыта площадь в 120 м², на которой открыто семь грунтовых погребений, из них два датируются бронзовым веком и относятся к комаровской культуре. Одно из этих погребений было разрушено, второе — представляло тип сильно скорченного трупоположения на правом боку с двумя сосудами у головы погребенного.

Бескурганные погребения комаровской культуры исследованы впервые. Керамика, найденная в этих погребениях, дает основание отнести к комаровской культуре и некоторые другие сосуды, происходящие из случайных находок на территории западных областей УССР, неправильно отнесенные в ряде польских археологических работ к голиградской группе памятников эпохи раннего железа.

На могильнике Гоева гора погребения раннеславянского времени представляют собой главным образом трупоположения в ямах, близких к прямоугольной форме, с ориентировкой погребенных головой на запад, иногда на северо-запад и в одном случае на север. Погребенные лежали на спине в протянутом положении с вытянутыми вдоль туловища или сложенными поперек нижней части грудной клетки руками. Возле скелетов найдены кости собаки, фрагментированная керамика лишицкой культуры и украшения (железная фибула, серебряная цепочка с остатками березовой коры, ткани и кожи). Восемь трупоположений без сопутствующего материала должны быть, видимо, отнесены также к раннеславянскому времени на том основании, что форма и глубина могильных ям, ориентировка и положение покойников этих погребений полностью повторяют все особенности упомянутых выше захоронений с сопутствующим инвентарем.

В процессе раскопок могильника на Гоевой горе вскрыто пять погребений с трупосожжениями, три погребения были сильно разрушены; среди разбросанных пережженных костей найдены обломки керамики лишицкой культуры (в одном случае — сосуд пшеворского типа), кости коня, бронзовая фибула, железная пряжка. Два захоронения с трупосожжениями представляли собой погребения в урнах, прикрытых небольшими камнями и фрагментами керамики. Среди костей найдены украшения и железные ножи. Возле урн лежали небольшие сосуды (по одному в каждом погребении), а под одной урной находились воткнутые в землю меч и копье. Вскрытые погребения расширяют наши представления об обряде погребения у населения лишицкой культуры и о погребениях воинов — представителей социальной верхушки. Элементы и лишицкой и пшеворской культуры в ритуале погребений указывают на наличие связей между обеими группами населения.

Раскопками в урочище Загуминки на площади в 128 м² исследовано семь погребений; одно из них относилось к XI в., одно к раннеславянскому времени, два к бронзовому веку (комаровская культура); три погребения относятся к недавнему времени.

Вскрытое на поле Загуминки погребение XI в. представляло собой трупоположение женщины в прямоугольной могильной яме, ориентированное головой на запад. Возле черепа найдено спиральное височное кольцо из бронзовой проволоки. Кроме того, из одного разрушенного погребения происходят серебряный витой перстень и серебряное височное кольцо с эсовидно отогнутым концом.

Возле разрушенного вспашкой погребения с трупоположением, относящегося к первым векам нашей эры, найден умбон щита, нож, фрагменты оковки пояса, бронзовые ножны меча, каменный бруск. Все эти вещи сильно пережжены и поломаны, хотя признаков сожжения тела погребенного в данном захоронении не отмечено. Это погребение еще раз указывает на связи между пшеворской культурой и синхронными ей культурами, отразившиеся даже на ритуале погребений.

Кроме раскопок могильников, в северо-западной части городища лептоспирного города Звенигорода был заложен небольшой шурф в пределах строящегося колхозного сарайя. Это обстоятельство ограничило возможность полного исследования вскрытого здесь жилища полуzemляночного типа.

Удалось установить, что культурный слой в этой части городища имел глубину 0,55 м, а дно частично вскрытой здесь полуземлянки находилось на глубине 1,05 м от современного уровня. Возле жилища вскрыты остатки сильно разрушенной печи, возможно, кузничного горна.

МИХАЙЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ

В 1952—1953 гг. производились раскопки поселения времени ранней бронзы в с. Михайловка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области.

Поселение расположено на правом высоком берегу р. Подпольной — правом притоке р. Днепра. Оно раскинулось на двух соседних буграх, окруженных оврагами. Один из них — большой, общей площадью до 0,5 га, был нами обозначен как первое поселение, другой — меньший, общей площадью 0,2 га, расположенный через яр, ниже по р. Подпольной — как второе поселение.

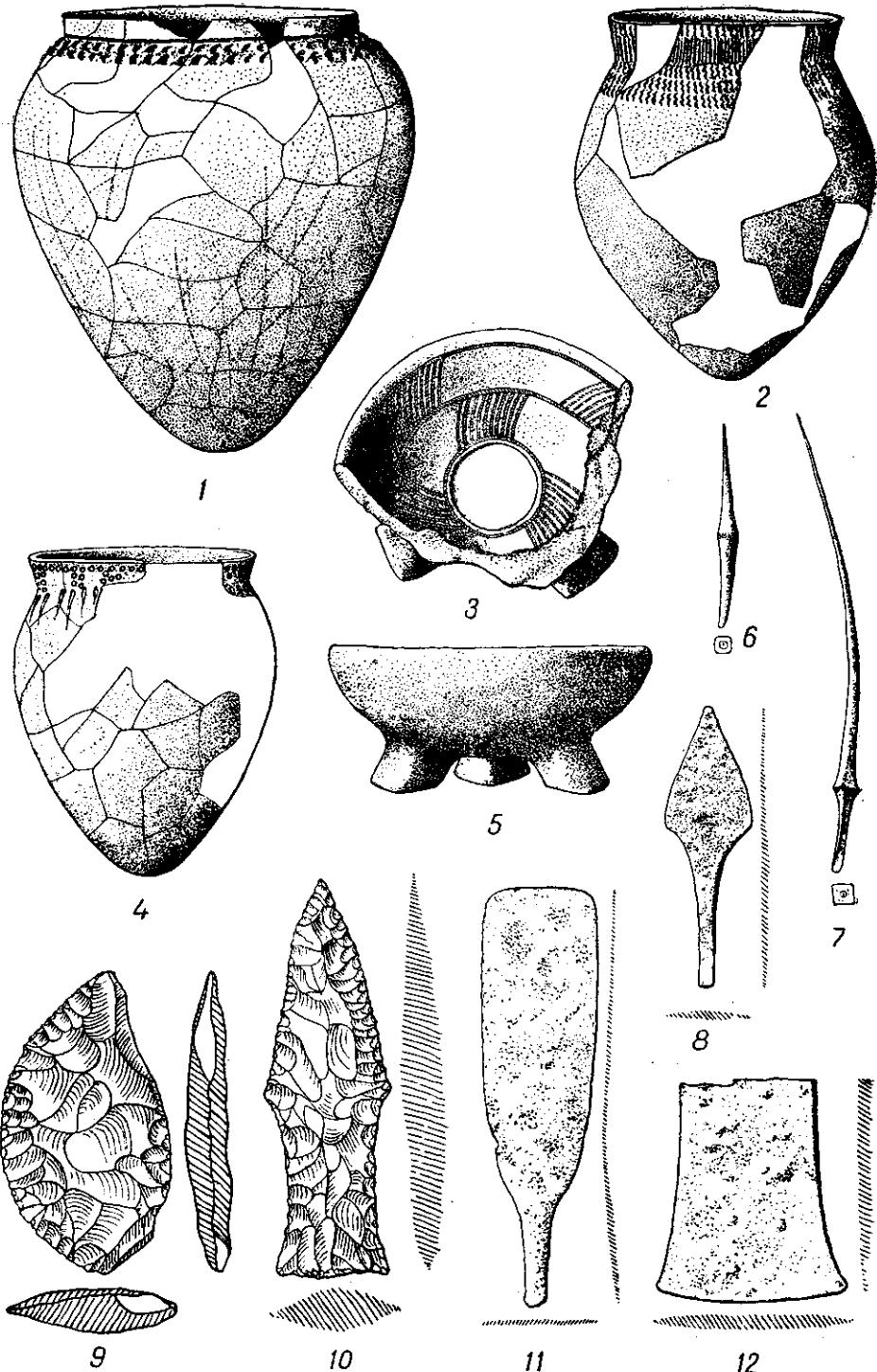
Культурный слой отличался большой золистостью. В нем в большом количестве были обнаружены обломки костей животных, каменные, костяные и кремневые орудия труда, фрагменты керамики и др. Замечательной особенностью этого поселения являлись его строительные сооружения. Они были представлены глинобитными домами на каменных основаниях, хорошо сохранившимися на втором поселении, и монументальной каменной стеной оградительного значения на первом поселении. Кроме того, на первом поселении было обнаружено легкое наземное жилище под камышовой крышей, глинобитные очаги и т. д.

Исследование Михайловского поселения представляется очень важным для понимания быта, культуры и истории степного населения Причерноморья на рубеже III—II тысячелетия до н. э.

В жизни Михайловского поселения могут быть выделены три основных этапа.

Нижний культурный слой представлен остатками сгоревшего жилища, расположенного на восточном склоне первого поселения. Жилище было сооружено в неглубокой ложбине, которая в дальнейшем заполнилась более поздними отложениями, что и обеспечило хорошую сохранность его остатков и редко встречающуюся четкость в стратиграфической картине. Жилище, длиной 17 м и шириной до 5 м, было перекрыто камышовой крышей, поверх которой был наложен слой глины, обгоревшей во время пожара. На полу находился очаг, сложенный из камней. Керамика этого слоя, в основном, была представлена плоскодонными сосудами, с высокими прямыми венчиками, чернокоричневого цвета, с лощением и с примесью крупноточечной раковины в керамическом тесте.

Средний культурный слой является временем расцвета жизни на Михайловском поселении. Культурный слой достигает значительной мощности. Поселение разрастается, заселяется второй бугор, возникает каменная оградительная стена. Обилие костей домашних животных (бык, овца, коза, лошадь, свинья — по определению Института зоологии АН УССР) свидетельствует о том, что скотоводство было основной формой хозяйственной деятельности населения. Наряду с этим значительно развитием достигает земледелие, немалую роль играло также рыболовство.

Михайловское поселение 1 — остродонный сосуд из верхнего культурного слоя, $\frac{2}{9}$ н. в.;
2 и 4 — остродонные сосуды из среднего культурного слоя, $\frac{2}{9}$ н. в.; 3 и 5 — чаша на
ножках, $\frac{1}{2}$ н. в.; 6, 7, 8, 11, 12 — медные орудия, 6 — $\frac{1}{3}$, остальные — $\frac{2}{3}$ н. в.; 9 —
кремневый нож, $\frac{1}{3}$ н. в.; 10 — кремневый кинжал — $\frac{2}{3}$ н. в.

ловство (кости и чешуя рыбы). Наблюдаются значительные изменения в керамике. Преимущественное распространение получают остродонные формы с высоким, прямым или же слегка отогнутым наружу венчиком, богато украшенные шнуровым, зубчатым, пальцевым орнаментом и др. В изготовлении керамического теста наблюдается тенденция к замене примеси раковины примесью песка.

В развитии этого этапа можно различать два периода. Заселение второго бугра относится к позднему периоду этого этапа.

В верхнем слое наблюдаются дальнейшие изменения в керамике. В керамическом тесте широкое применение получает примесь песка. Формы сосудов остродонные, с максимальным диаметром в плечах, с невысокими прямыми или загнутыми наружу венчиками, близкие по форме к древнеямной остродонной керамике. Орнамент шнуровой, пальцевой и др., более скромный, чем во втором слое. Часто встречаются схемы треугольных шевронов.

В чистом виде верхний культурный слой четко прослеживался на нижней террасе первого поселения.

Верхний слой Михайловского поселения относится к древнеямному времени, средний и нижний слои предшествуют ему и, таким образом, датируются поздним временем.

Исследованиями Михайловского поселения добыты новые материалы, имеющие принципиально важное значение для понимания состояния развития производительности населения степного Причерноморья в период ранней бронзы. Полностью должно быть отброшено понимание низкого уровня хозяйственного развития племен древнеямной культуры, якобы охотников и рыболовов лишь с началом скотоводства. Содержание культурных слоев Михайловского поселения убедительно указывает на значительное развитие скотоводства еще на предыдущем этапе; основной состав стада был представлен крупным и мелким рогатым скотом и лошадью.

Не меньшее значение имеет установление факта развития земледелия (находки зернотерок, кремневый вкладыш серпа) у степного населения этого времени. Это позволяет определить две линии развития в хозяйственной жизни населения степи Левобережья: оседлого приречного и степного пастушеского, представленного многочисленными курганами. Прекращение жизни на Михайловском поселении на древнеямном этапе может быть связано с этими возможными хозяйственными изменениями.

Высокий уровень развития производительных сил населения обусловил возможность широких обменных отношений (металл, кремень и др.). Находки большого количества медных орудий на Михайловском поселении (17) еще раз подтверждают положение о широком знакомстве с металлом у степного населения в предыдущее время. Формы медных вещей — типичны для степного Левобережья в период ранней бронзы.

Сложение различных племен и групп племен и их культуры в степях Левобережья в период ранней бронзы происходило во взаимодействии степного и лесостепного населения как в этническом, так и в культурном отношении.

Нижний культурный слой Михайловского поселения свидетельствует о взаимодействии южного степного населения с лесостепным. В начале второго этапа наблюдается влияние памятников типа Средний Стог II.

Такие памятники, как Средний Стог II, Стрильча Скаля, Михайловка, Перун, Дурна Скаля и др., раскрывают историю степного населения конца III — начала II тысячелетия до н. э.

Вместе с тем, как это можно проследить на Михайловском поселении, в это время закладываются основы той культуры, которая станет определяющей для степного населения Левобережья в период ранней и средней бронзы.

РАСКОПКИ ПЕРВОГО МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

М. Л. МАКАРЕВИЧ

В 1953 г. автором производились раскопки северо-восточной части Михайловского поселения. В границах раскопа площадью в 600 м^2 были открыты остатки каменного сооружения и развал каменной стены оградительного назначения, представляющей исключительный интерес.

Длина ее была свыше 40 м, а ширина (с развалом) от 0,85 до 1,6 м. Стена сложена из больших известняковых камней и плит в один — три ряда. При укладке плит соблюдался принцип перевязки швов. В средней части стены, где развал был более мощным, удалось проследить гребень из девяти рядов плит, положенных одна на другую. В юго-восточном конце стены обнаружены четыре плиты, вертикально стоявшие в створе, чередовавшиеся с плитами, лежавшими плашмя. Размеры самых больших плит $1,85 \times 1,3$ м.

Стена имела ориентировку с северо-запада на юго-восток и была сооружена в той части бугра, где начинался пологий спуск к долине р. Подпольной. Монументальность и мощность стены, а также ее расположение свидетельствуют о том, что она ограждала поселение со стороны полого склона.

Разведочные шурфы, заложенные в северо-западной части раскопа, дали возможность установить, что такая же оградительная стена шла под углом к первой в юго-западном направлении, преграждая доступ к поселению со стороны плато. Эти стены создавали, видимо, единую оградительную систему первого Михайловского поселения.

Обнаруженные в северной части раскопа остатки каменного сооружения были вскрыты частично, и поэтому его характер остается невыясненным. Оно было расположено на самой высокой части территории мыса. Не исключено, что упомянутые стены и каменное сооружение составляли единое архитектурное целое.

Необходимо отметить на участке развала сооружения почти полное отсутствие вещевого материала.

Основная масса культурных остатков была обнаружена за пределами открытой стены, в сильно золистом слое мощностью местами свыше метра.

Все это дает автору основание предполагать, что развал каменного сооружения и часть прилегающей территории, повидимому, были местом культовых отправлений.

На исследованном участке было обнаружено два погребения в скорченном положении. Одно из них — детское, выявленное на территории упомянутого сооружения, было окружено воткнутыми в землю створками раковины-перловицы; на расстоянии около 1,3 м лежал фрагментированный остродонный сосуд, заполненный костями быка.

Другое погребение, взрослого, было расположено вблизи стены в том месте, где она вплотную подходит к каменному сооружению. У костей стоп обнаружено пятно красной краски и фрагмент миниатюрного сосудика.

Культурный слой начинается с глубины 0,15 м от поверхности и достигает мощности, в среднем, от 0,3 до 0,8, а в отдельных местах до 1,5 м. Он насыщен значительным количеством фрагментов керамики, обломками костей животных и раковины. В двух случаях отмечены большие скопления створок раковины-перловицы, близко напоминающие аналогичные скопления раковины на трипольских поселениях, в частности на урочище Коломийщина I, II.

В числе находок значительный интерес представляют фрагменты каменного навершия булавы, каменного браслета и медного шила больших размеров.

Фрагменты керамики, за исключением четырех случаев, реставрации не поддаются. В основном сосуды остродонные, в глине — песок, толченая ракушка и другие примеси. Установлено около 10 различных типов орнамента (зубчатый штамп, отиски веревочек в разных комбинациях, налепы, ямки, жемчужины, штрихи и т. п.), который в целом ряде композиций размещался по шейке и плечикам сосудов, редко спускаясь ниже.

Весь вещевой комплекс характеризуется средним и верхним культурными слоями Михайловского поселения.

РАСКОПКИ ВТОРОГО МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

О. Г. ШАПОШНИКОВА

В результате археологических исследований в районе будущего водохранилища Каховской ГЭС на нижнем Днепре открыт ряд новых памятников, имеющих важное значение для освещения истории племен степной зоны Украинской ССР в эпоху раннего металла. Особое значение имеют раскопки поселений в с. Михайловка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области. Поселения были расположены на двух соседних возвышеностях, разделенных оврагом, которые были обозначены как первое и второе поселение.

Исследованное автором второе Михайловское поселение расположено на мысообразном выступе склона плато, круто обрывающемся к реке. Площадь, занимаемая поселением, равна 2300 м², общая площадь раскопа — 850 м². В основании геологических наслойений указанного мыса лежит почвический известняк, перекрытый лессовидными суглинками, которые, в свою очередь, перекрываются черноземом.

Культурный слой в основном залегал в нижней части чернозема на глубине 0,45 м от поверхности, иногда в верхней части лессовидных суглинков. Толщина культурного слоя неодинакова — она зависит от рельефа поверхности и колеблется в пределах от 25 до 75 см. Слой довольно равномерно насыщен культурными остатками; лишь в тех местах, где залегали зольные пятна, можно было наблюдать несколько большее количество культурных остатков.

В 1952 г. во время исследования первого Михайловского поселения, в квадратах XII и XIII, XXII в совершенно исключительных условиях удалось установить залегание трех последовательных культурных слоев.

В отличие от первого Михайловского поселения второе поселение не отличалось такой длительностью существования. Обнаруженные здесь культурные остатки представляют единый слой, соответствующий среднему и верхнему слоям первого Михайловского поселения. Это обстоятельство особенно важно, так как дает возможность лучше разобраться в наслойениях первого поселения.

Особый интерес представляют обнаруженные на вскрытой площади поселения остатки каменных жилых построек. Раскопками вскрыты восточная и центральная части бугра; западная разведена траншеями. Каменные постройки располагались вдоль бугра в восточной и западной его части. Раскопками вскрыто несколько примыкающих друг к другу каменных сооружений, которые в целом составляли, очевидно, значительный по занятой им площади строительный комплекс. В плане эти постройки (размером от 9 до 45 м²) имели почти прямоугольную форму, со входом, обращенным на юг. Судя по характеру развали, нижняя часть стен была выложена из камней на высоту примерно до 1 м, верхняя же часть была глинобитной. Кладка стен в большинстве случаев двурядная, средина иногда забутовывалась мелким щебнем. Углы закруглен-

ные, утолщенные. Камни клали плашмя и на ребро. Особенностью строительной техники является применение столбов, поддерживающих кровлю и укрепляющих углы.

Внутри жилищ культурные остатки почти отсутствовали (исключением являются помещения № 4 и 6). Рядом с жилищами, преимущественно около входа, находились кучи раковин унию, содержащие значительное количество обломков посуды и костей животных.

На площади поселения, вне жилых помещений (в одном случае посередине бугра, в другом — ближе к склону), находились зольные пятна, в которых можно усматривать остатки открытых очагов.

Наиболее массовым материалом на поселении является керамика. Она представлена 2 группами: внутри каждой группы можно выделить ряд подгрупп, руководствуясь, главным образом, формой сосудов, а также составом глины, из которой они изготовлены.

I. Наиболее типичной формой первой группы можно считать сосуды с яйцевидным, преимущественно, и реже с плоским дном, с высоким прямым, слегка отогнутым наружу венчиком; срез венчика прямой, переход к тулову плавный. Эти сосуды имеют высокие выпуклые плечи. К этой же группе относятся сосуды с высоким желобчатым венчиком, как бы несколько раздутым в средней части, края которого изогнуты внутрь сосуда. В керамической массе имеется примесь мелкозернистого песка, толченой ракушки. Этой группе сосудов присущи следующие виды орнамента: веревочный, требенчатый, гусеничный, пальцевой и защищенный. В двух-трех случаях встречается орнаментация тесьмой. Орнамент располагался только в верхней части сосудов. Обычно он состоит из нескольких горизонтальных полос на венчике и плечиках. Эта группа керамики характерна для среднего слоя первого Михайловского поселения, аналогии которой также можно найти среди материалов Среднего Стога II, среднего слоя Стрильчей Скали, урочища Каменоломня у с. Волошское, а также среди материалов поселения у с. Любимовки.

II. Вместе с керамикой вышеописанного типа встречается керамика, характерная для верхнего слоя первого поселения, которая составляет здесь вторую группу. Она представлена сосудами с коротким, сильно отогнутым наружу венчиком, с яйцевидным плоским дном; часто на внешней и на внутренней поверхности есть следы гребенчатого сглаживания, которое иногда приобретало характер орнаментирования сосудов.

Кроме керамики, на поселении было выявлено много изделий из кремня (односторонние и округлые скребки, наконечники стрел), камня (обломки сверленых топоров-молотов, зернотерки, большое количество растиральных камней), кости (костяные шилья) и небольшое количество предметов из металла (шилья и бронзовый нож).

Раскопками добыт богатый фаунистический материал. В составе домашнего стада: бык, овца, коза, лошадь.

Принимая во внимание однослойность нашего памятника, мы можем с уверенностью утверждать, что строительные остатки и вещественные находки одновременны. Именно это обстоятельство и придает особое значение рассматриваемому памятнику.

Значение работ на втором поселении определяется еще и тем, что раскопки дают возможность составить представление о характере поселений и жилищ степного поселения Причерноморья в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Хорошая сохранность строительных остатков второго поселения обеспечивает возможность разработки вопроса о строительной технике этого времени. В дальнейшем эти приемы строительной техники лягут в основу строительства степного населения Причерноморья в период бронзы.

О РАННИХ ЗВЕНЬЯХ РАЗВИТИЯ СТЕПНЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУР ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ

В. Н. ДАНИЛЕНКО

Исследование вопроса о происхождении славян, как одной из важнейших задач исследования индоевропейской проблемы в целом, тесно связано с вопросом о сложении в Восточной Европе воспроизводящего хозяйства — земледелия и скотоводства. В особенности следует подчеркнуть роль и древность последнего, что существенно важно для изучения вопроса о времени и месте первоначального сложения индоевропейского массива.

Археологические исследования на Украине позволяют установить два периода в историко-культурном развитии местного населения с преобладающим хозяйственным значением скотоводства. Первым периодом хозяйственного преобладания скотоводства, хотя только начинавшего еще слагаться, но уже игравшего роль ведущей линии в хозяйственной деятельности населения, была эпоха сложения неолитической культуры. Вторым периодом, когда роль скотоводства, уже приобретавшего формы пастушества, была особенно значительной, был медный век. Несомненно, что эта линия экономического развития, обусловившая образование особых областей экономического единства, была связана с полостепенным сложением особых областей культурной и этнической общности. Как это явствует из анализа археологического материала, такие этно-культурные области в границах Европы занимали значительные территории. Нам представляется, что оба названных выше периода — период сложения неолитической культуры и медный век — следует связывать с двумя фазами в истории индоевропейцев.

Исследованиями на Украине в послеоктябрьский период установлено, что так называемая древнеямная культура не является древней пастушеской культурой степей Восточной Европы и что ей предшествует несколько историко-культурных и хронологических звеньев.

Материал для подобной постановки вопроса впервые был получен в 1927 г. в результате открытия А. В. Добровольским в урочище Средний Стог, у Запорожья, культурного слоя, давшего материал более архаический, чем древнеямный. Позднее, в 1946 г. исследованиями в урочище Стрильча Скеля, у с. Волошское, древний возраст этих находок был подтвержден фактом совместного залегания с ними фрагментов трипольской керамики развитой поры трипольской культуры.

Еще в довоенные годы автор занялся выявлением памятников, характеризующих промежуточные звенья между памятниками типа Средний Стог и его аналогами и так называемыми древнеямными. Особенно близко к этому вопросу автор подошел в конце 40-х годов. К настоящему времени выявлено несколько таких звеньев культуры. Эти звенья

предшествуют времени распространения шнуровой орнаментации посуды: 1) тип Чигирик, занимающий часть днепровского бассейна — от Тясмина и почти до Херсона — и сложившийся, повидимому, на среднем Днепре, получил распространение в связи с расселением трипольских племен с запада — со средней части южнобугского бассейна; с ними можно сопоставить находки типа Минивский Яр, на Изюмщине; 2) тип Сунка, известный пока лишь в правобережной части южной Киевщины; 3) тип Осокоровка — Михайловка I — слой (нижний Днепр), установленный на основании курганных находок у с. Осокоровка и получивший подтверждение в материалах нижнего слоя Михайловского поселения.

В этом плане чрезвычайно важным памятником является трехслойное Михайловское поселение, исследованное Е. Ф. Лагодовской в 1952—1953 гг., давшее, кроме древнеямного слоя, два слоя ему предшествующих. Нижний слой дал культурный тип, близкий к триполью, два последующих — тесно связаны с развитием древнеямной культуры. Второй слой, повидимому, дает тип культуры, генетически связанный с культурой типа Средний Стог.

В последние годы по коллекциям из урочища Скеля-Каменоломня у с. Волошское, ниже Днепропетровска, и погребальным памятникам, распространенным от нижнего Дона и до Молдавии, автору удалось выделить памятники, хронологически следующие за типом Средний Стог в материалах,— остродонные и с небольшими донцами сосуды, почти овального профиля, с довольно высокими и широко отогнутыми венчиками, обычно украшенными шнуровым орнаментом, часто с примесью толченой ракушки в керамической массе какого-то неопределенного белого волокнистого минерала.

В материалах Скели-Каменоломни имеются комплексы додревнеямного и древнеямного возраста. По мнению автора, с одной стороны, более древний комплекс урочища Скеля синхроничен с усатовской культурой, с другой — с киево-софиевской¹. На черкасско-кременчугском отрезке течения Днепра отмечены памятники типа Жовнин — Пивиха, занимающие промежуточное положение между более древним комплексом Скели и вторым слоем Михайловки и киево-софиевской культурой.

В результате обследований 1953 г., проведенных автором и О. Г. Шапошниковой в урочище Скеля, на площади около 600 м² была раскрыта часть родового поселка, расположенного на высоком (до 30 м) скальном останце плато правого берега Днепра, отделенном от него узкой глубокой долиной. Поселение занимает более высокую часть этого останца, площадью до 1 га, ограниченную с трех сторон почти вертикальными обрывами, а с запада — более пологим склоном. В этой части поселения были обнаружены остатки сложенного из камня основания оградительной стены, защищавшей его в наиболее уязвимом месте — с запада.

На небольшом удалении от этой стены, перерезывавшей скалу поперец, прослежен ряд смыкающихся каменных оснований жилищ в общем, шедший параллельно оградительной стене. Повидимому, они представляют лишь фундаменты сооружений, наземные части которых были сделаны из дерева и глины. Удалось установить, что почти все жилые сооружения, как и оградительная стена, относятся ко времени верхнего слоя этого поселения, т. е. ко времени древнеямной культуры.

Культурные остатки состоят из многочисленных обломков разно-

¹ В связи с тем, что первые, а позднее и другие важные находки этого типа культуры были сделаны в районе Киева, мы предлагаем эту новую культуру взамен прежних обозначений «софиевская» и «киево-трипольская» именовать «киево-софиевская». Это тем более оправдано, если учесть, что генетическая связь ее с трипольской культурой далеко не очевидна. Этого мнения придерживается и Е. Ф. Лагодовская.

образной и богато орнаментированной глиняной посуды, костей домашних животных, различных кремневых орудий и предметов вооружения — боевых топоров, наконечников стрел и дротиков.

Основным занятием населения несомненно являлось пастушеское скотоводство. Однако на определенную роль замледелия указывают находки нескольких роговых мотыг.

В целом поселение, очевидно, представляло собой главный поселок племени — место постоянного обитания родовой общины. Тут же находились мастерские по выделке шлифованных орудий из кристаллических пород главным образом боевых топоров-молотков, которые здесь встречаются во множестве во всех стадиях изготовления, как и массовые находки стерженьков, получавшихся при сверлении топоров полым сверлом.

Найденные несколько фрагментов типичной ямочно-гребенчатой керамики левобережного типа указывают на определенные связи, возможно, носившие характер межплеменного обмена населения Надпорожья времени древнеямной культуры с лесными племенами.

Памятники типа Средний Стог, известные от Днепра до Дона, и близкие к ним памятники типа Чигириин и Сунки занимают северную полосу восточноевропейской степи, т. е. полосу разнотравной степи. Что же касается памятников, генетически с ними связанных, но более поздних (Скеля I — Михайловка II), то они занимают всю, в том числе и южную степь, размещаясь, как это выясняется, между степным Поволжьем и нижним Днестром. В то же время более древние памятники типа Осокоровки — Михайловки I занимают азово-причерноморскую полосу. Будучи в культурном отношении близкими к трипольским, они представляют собой как бы связующее звено, с помощью которого трипольские памятники Правобережья и памятники медного века Северного Кавказа (Майкоп — Новосвободная) объединяются в особую додревнеямную по времени, но не по культуре, область более или менее единой образной культуры.

Следует подчеркнуть, что трактовка материалов Скели или Михайловки II и III как узколокального нижнеднепровского явления не была бы правильной. Следует полагать, что между нижним слоем Михайловки и последующими культурными этапами нет прямой генетической связи. Сложение культурного типа Скеля I — Михайловка II на нижнем Днепре скорее всего является результатом расселения части пастушеского населения, обитавшего в наиболее благоприятной для развития скотоводческого хозяйства полосе, в зоне разнотравной степи — к югу по днепровской долине.

Из сказанного можно сделать вывод, что археологическим путем устанавливается глубокая древность степных аналогов культуры шнуровой керамики. Не вдаваясь в оценку характера генетических связей этой культуры и культуры собственно шнуровой керамики среднеевропейского типа, следует подчеркнуть более глубокую древность восточноевропейских звеньев в развитии культуры шнуровой керамики в сравнении со среднеевропейскими. Это обстоятельство имеет немалое значение при исследовании индоевропейской проблемы, разработку которой отныне необходимо вести с учетом новых данных по восточноевропейским скотоводческим культурам эпохи неолита и медного века.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В СТЕПНОЙ ЧАСТИ КРЫМА

Ю. Г. КОЛОСОВ

(Симферополь)

Работа степного археологического отряда в 1952 г. заключалась в разведочном обследовании и фиксации археологических памятников в зоне проектирующегося канала, начиная от Раздольненской ветки до Чатырлыкского водохранилища и дальше вдоль трассы до Феодосийского водохранилища у с. Фронтовое.

Разведками были охвачены Раздольненский, Первомайский, частично Краснoperекопский, Джанкойский, Азовский, Нижнегорский, Советский и частично Кировский районы.

В Раздольненском районе еще в 1951 г. отряд обнаружил и осмотрел три стоянки эпохи бронзы. В 1952 г. была выявлена четвертая стоянка той же эпохи. Здесь же зафиксировано несколько десятков курганов эпохи бронзы, скифского и сарматского времени. Курганы тянутся с северо-северо-востока на юго-юго-запад как бы двумя параллельными полосами. Некоторые курганы достигают 6 м высоты.

В Первомайском и Краснoperекопском районах основное внимание было обращено на долину р. Чатырлык. Здесь обнаружены три стоянки эпохи бронзы. Несмотря на благоприятные естественные условия, поселений и городищ скифо-сарматского времени не обнаружено. Близ с. Петровское отмечены находки скифской лепной керамики. Обследованиями Первомайского района от с. Островское до Первомайска обнаружено всего четыре кургана. На берегу р. Чатырлык против с. Долинка осмотрен курган, в котором было обнаружено сильно поврежденное окопами раннесредневековое погребение с бронзовыми украшениями.

В Джанкойском и Азовском районах разведками отмечено несколько небольших курганных групп. Как правило, около одного большого кургана находится один или несколько небольших курганов. Стоянок эпохи бронзы здесь не обнаружено.

Исследованиями в Нижнегорском районе установлено большое количество памятников. Основное внимание было направлено на обследование долин рек Салгира и Карабу. В устье Салгира обнаружено поселение времени катакомбной культуры. Поселений скифо-сарматского времени в долинах нижнего течения Салгира и Карабу не оказалось. В Нижнегорском районе обследовано свыше десяти курганов, которые относятся к различным эпохам. Самый большой курган имеет высоту 8,5 м. На берегу Азовских Сивашей, близ устья Салгира — Карабу обследовано небольшое сторожевое турецкое укрепление.

В Советском и Кировском районах обмерено 32 кургана разных эпох. В Кировском районе у с. Апак осмотрено старинное татарское кладбище с каменными гробницами, напоминающими таврские ящики, и антропоморфными изваяниями, на одном из которых имеется тамгообразный знак.

Таким образом, заселение крымских степей пока что прослежено лишь с эпохи бронзы. Найдены находки эпохи неолита здесь единичны. Более ранних стоянок еще не обнаружено. Население крымских степей в скифо-сарматскую эпоху вели преимущественно кочевой образ жизни. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что скифские поселения, как и городища, в степных районах отсутствуют. Они обнаружены лишь в предгорьях и по берегам Черного моря, главным образом по его западному побережью.

В эпоху средневековья в северокрымских степях, судя по почти полному отсутствию поселений, также преобладал кочевой образ жизни. Освоение крымских степей и их заселение приобрело значительно более широкий характер лишь после включения Крыма в состав России.

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ДНЕСТРЕ в 1952—1953 гг.

Т. С. ПАССЕК

(Москва)

Археологические исследования на Днестре в 1952—1953 гг. были продолжением больших работ, проводившихся ИИМК АН СССР и ИА АН УССР в предшествующие годы (1947—1951) в бассейне среднего Днестра на территории Черновицкой области УССР. В последние годы область обследования Среднего Поднестровья Трипольской экспедицией была расширена к югу, на территорию Молдавской ССР.

Территория Молдавии, где протекали основные работы экспедиции, долгое время оставалась совершенно не изученной в археологическом отношении. Экспедиция, организованная ИИМК АН СССР и Молдавским филиалом АН СССР, положила начало планомерным археологическим исследованиям в междуречье Днестра и Прута.

За два последних года работ на Днестре — в Резинском, Рыбницком, Атакском районах Молдавской ССР — наряду с позднепалеолитическими памятниками и мезолитическими местонахождениями экспедицией обнаружено свыше 50 трипольских поселений раннего, среднего и позднего периодов развития трипольской культуры и более 30 селищ и городищ斯基фского времени.

Особенно интересными были раскопки около с. Солончени (Резинский район МССР), где обнаружены разновременные трипольские посёления. На одном из них (Солончени I), расположенном на первой надпойменной террасе Днестра, раскопками вскрыты остатки землянок и наземных глинобитных жилищ с многочисленным хозяйственным инвентарем — большими сосудами для хранения припасов, орудиями труда из кремня и сланца, кости и рога.

Среди находок особого внимания заслуживают глиняные женские статуэтки, модели жилищ, детская погремушка, сосуды с углубленным орнаментом, заполненным белой массой, черные каннелированные сосуды, медные рыболовные крючки. Под полом жилища были найдены миниатюрные сосуды. Около жилищ открыты остатки мастерских для обработки кремня.

Поселение Солончени I, как и у с. Голеркани, датируется наиболее ранним периодом трипольской культуры на Днестре. Весь комплекс находок на Солончени I сближается с материалами из раннетрипольских поселений у сел Берново-Лука, Лука-Врублевецкая, Ленковцы, Наславчи и других на Днестре, а также с раннетрипольскими поселениями в бассейне Южного Буга (Александровка, Греновка, Могильное и др.).

До сих пор раннетрипольские памятники оставались неизвестными в южных районах Поднестровья. Раскопки около Солончени показывают, что трипольские племена на Днестре в ранний период были уже теснейшим образом связаны с юго-западными племенами, населявшими

территории по течению Прута, Серета и Дуная, и что бассейн Днестра в его среднем и нижнем течении в раннетрипольский период был уже заселен родственными земледельческо-скотоводческими племенами.

Раскопками на втором поселении около с. Солончени (Солончени II), которое датируется средним периодом триполья, обнаружены и землянки и наземные глинобитные жилища.

Многочисленные керамические изделия — сосуды с трехцветной росписью — могут быть сближены с сосудами из нижних слоев Поливанова Яра (Поливанов Яр III) и Кукутени (Кукутени A).

Разведки на поселении Солончени III дали небольшой керамический материал позднего триполья.

Особый интерес вызывают находки медных изделий — рыболовные крючки из Солончени I и медный нож из Екимауцы, изготовленные из самородной меди путем холодной ковки. Медные изделия, столь редкие для этого времени, свидетельствуют о существовании межплеменного обмена у трипольских племен Поднестровья с соседними племенами Прикарпатья, Подунавья и Балкан.

Кроме поселений раннего и среднего периодов триполья, экспедицией в Молдавии произведены разведки и раскопки на поселениях у сел Мерешовка, Волчинец, Гедерим, Барсуки, Подойма, Катериновка, Выхватинцы и др., где обнаружены глинобитные жилища с керамикой позднетрипольского времени — сосуды с черной росписью и украшенные веревочным орнаментом (городско-усатовского типа). Эти материалы вместе с другими, обнаруженными экспедицией севернее, на среднем Днестре (Ломатинцы, Поливанов Яр, Дарабани, Митков и др.) свидетельствуют, что позднетрипольские племена распространяются в это время по всему течению Днестра, а не локализируются, как это предполагали некоторые исследователи, в степной полосе Причерноморья.

В связи с изучением позднетрипольского периода в Поднестровье особое значение имеют раскопки, произведенные на месте бескурганного могильника позднетрипольского времени у с. Выхватинцы (Рыбницкий район МССР). Мужские, женские и детские погребения (раскопано 14 погребений) с уникальным погребальным инвентарем, открытым в них, впервые позволяют осветить до сих пор не изученный вопрос о погребальном обряде в трипольской культуре. Позднетрипольский Выхватинецкий могильник является единственным в Молдавии могильником эпохи раннего металла. Добытый антропологический материал из Выхватинецкого могильника дает возможность приступить к восстановлению типа трипольского человека этой эпохи.

Наряду с изучением памятников энеолитического периода экспедиция уделила немалое внимание поискам стоянок эпохи бронзы, совершенно неизвестных в Молдавии. Обнаруженные экспедицией в Черновицкой области УССР стоянки средней и поздней бронзы указывают на то, что аналогичные памятники так называемой комаровской культуры должны быть найдены в бассейне Днестра и в более южных районах. Археологические исследования в междуречье Днестра и Прута начаты недавно. Только в результате больших разведывательных работ и стационарных раскопок Молдавской экспедиции удастся накопить разносторонний материал, который по-новому осветит древнюю историю и экономику племен на территории Поднестровья. Ближайшей задачей должны явиться поиски и изучение памятников неолитического времени и эпохи бронзы. Тем самым будут решены две основные проблемы трипольской культуры — ее происхождения и дальнейшей судьбы земледельческо-скотоводческих племен в эпоху бронзы.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

В. П. КРАВЕЦ

(Львов)

Вопрос о племенах позднего триполья и их взаимоотношениях с племенами эпохи бронзы является одним из основных вопросов изучения трипольской культуры. Верхнее Поднестровье представляет собой территорию, издавна заселенную трипольскими племенами, где традиции этой культуры сохранились с наибольшей полнотой и где племена трипольской культуры, повидимому, стояли в тесной связи с племенами эпохи ранней бронзы.

Изучение трипольских коллекций Верхнего Поднестровья, сохранившихся, в основном, во Львовском историческом музее, позволило проследить соотношение различных групп керамики в керамических комплексах на поселениях разных этапов развития трипольской культуры.

В результате было установлено, что для поселений раннего этапа, представленных материалами Городницы (Городище) и Голиград, основными группами керамики являются сосуды с прочерченной спиральной орнаментацией, простая кухонная посуда и сосуды, украшенные каннелиюрами. В незначительном количестве представлена керамика с росписью.

На поселениях среднего этапа (B/I—B/II) керамика с каннелированной поверхностью исчезает, уступая место керамике с росписью, нанесенной двумя и тремя красками. Сосуды с углубленно-спиральной орнаментацией продолжают существовать, но только на поселениях ранней стадии среднего этапа — B/I (поселения типа Незвиска) по периодизации Т. С. Пассек. На поздней стадии среднего этапа они окончательно исчезают (поселения типа Залещиков — B/II).

На более поздних поселениях, относящихся к позднему этапу развития триполья (Бильче-Золотое, Кошиловцы, Зеленча), керамические комплексы представлены сосудами с росписью и незначительным количеством кухонной посуды, изготовленной из массы с примесью толченых ракушек.

Выделение керамических комплексов на разных этапах сразу определило локальные особенности трипольской культуры в Верхнем Поднестровье, так как в Поднепровье и Побужье на поселениях среднего и позднего этапов соотношение керамических групп иное.

Высказывались на основании изучения керамики предположения о многослойности некоторых памятников. Однако наблюдения, сделанные чисто типологическим путем, требовали проверки полевыми исследованиями. С этой целью в 1952—1953 гг. были проведены раскопки на трех трипольских поселениях — Сухостав, Кунисовцы и Кошиловцы.

В 1952 г. трипольским отрядом Подольской археологической экспе-

диции под руководством М. Ю. Смишко были проведены раскопки в ур. Берестки у с. Сухостав, Копыченского района, Тернопольской области.

Поселение расположено на склоне плато над неглубоким яром. Культурный слой значительной насыщенности культурными остатками обнаруживается в черноземе на глубине 60—70 см от поверхности.

Раскопками вскрыты остатки большого глинобитного жилища (размером 20×5 м). В устройстве жилища прослеживаются те же, в основном, технические приемы, которые были обнаружены на других поселениях Поднестровья, Побужья и Среднего Поднестровья. Пол жилища вымощен крупными плитками (в среднем длиной 20 см, шириной 10—15 см и толщиной 7—8 см). В пределах жилища найден завал одной, вероятно, крупных размеров печи. Жилище было, повидимому, двухкамерным — прослежена одна перегородка. В пределах жилища найдено большое количество керамики, 5 женских глиняных статуэток, около 30 глиняных круглых плоских грузил, каменных и костяных орудий, в том числе зернотерок, и другие находки.

Поселение у с. Сухостав по аналогии с рядом других поселений (Бильче-Золотое, верхний слой Поливанова Яра, верхний слой Дарабани) датируется ранней стадией позднего этапа (Г/1).

Трипольским отрядом Подольской комплексной экспедиции под общим руководством Ю. Н. Захарука в 1953 г. были проведены раскопки у с. Кунисовцы, Станиславской области, и у с. Кошиловцы, Тернопольской области.

На урочище Станкови в с. Кунисовцы были вскрыты остатки трех однокамерных наземных жилищ с очажным местом. Жилища небольших размеров ($5,7 \times 3$ м; $2,5 \times 2$ м; $6,2 \times 3,3$ м).

В устройстве жилищ прослежены интересные детали. Так, пол одного жилища, выстроенного на склоне, был вымощен массивными глиняными блоками с отпечатками бревен на нижней стороне и гладкими с верхней стороны. Блоки были уложены в специально устроенное ложе, сделанное в земле, обмазанное глиной и обожженное. Под полом жилища в специально сделанной ямке обнаружена куча мелких пережженных человеческих костей.

На другом участке раскопок была обнаружена печь для обжига блоков, открытие которой дает новые данные по устройству этого рода сооружений.

В керамическом комплексе имеются две основные группы керамики. Одна — из хорошо очищенной глины, с лощеной поверхностью, украшенной росписью в две-три краски. Наиболее распространенный узор — «сетка», имеются и спиральные мотивы. Формы те же, что и в Сухоставе — амфоры, кувшины, миски, кубки, крышки. Повидимому, как и в Сухоставском комплексе, к этой группе следует отнести и сосуды из светлой глины с примесью шамота. Как правило, поверхность сосудов этой массы без лощения и без росписи.

В небольшом количестве, как и в Сухоставе, представлены сосуды из серой массы с примесью толченых створок моллюска ипю.

Помимо керамики, найдены фрагменты статуэток, кремневые орудия, глиняные грузила, кости животных.

По аналогии с другими памятниками поселение у с. Кунисовцы можно датировать поздним этапом развития трипольской культуры (Г/2), позднее Сухостава и несколько более ранним, чем памятники усатовского типа.

На широко известном поселении у с. Кошиловцы, Тернопольской области, были вскрыты остатки двух наземных жилищ с печами вне пределов жилых помещений. Под полом одного из жилищ найдено захоронение пережженных костей черепа человека.

В керамическом комплексе различаются три группы керамики: одна — с росписью из хорошо очищенной глины, вторая — без росписи, из массы с примесью шамота, а третья, очень незначительная, из серой массы с примесью толченых ракушек.

В раскопках обнаружено большое количество различных изделий: женских и мужских статуэток, глиняных конических грузил, фигурок животных, кремневых, каменных и костяных орудий, костей животных и т. д.

Помимо этого, на урочище Товдры у с. Кошиловцы на высоком берегу р. Джурин были открыты остатки поселения, которое по характеру керамики имеет много общих черт с такими памятниками, как Сандраки, Паволочь, Городок, Новая Чартория, что датируется этапом С/II по периодизации Т. С. Пассек.

Таким образом, результаты раскопок у сел Сухостав, Кунисовцы и Кошиловцы дали возможность уяснить целый ряд деталей домостроительства в эпоху позднего триполья на Верхнем Поднестровье.

Раскопками получены новые культурные комплексы позднего этапа развития трипольской культуры, что очень важно для относительной датировки этих памятников.

Найденные в Кошиловцах и Кунисовцах захоронения пережженных костей под полом жилищ дополняют новыми данными разработку вопроса о ритуальных захоронениях в жилищах.

Вместе с этим разведкой экспедиции 1953 г. и материалами разведок Черновицкого историко-краеведческого музея получены данные, свидетельствующие о существовании в Верхнем Поднестровье еще более поздних поселений (Кошиловцы, ур. Товдры, и Звенячка), чем было принято считать до сего времени, что по-новому освещает вопрос о племенах позднего триполья в этом районе. Более широкое исследование самых поздних памятников в Верхнем Поднестровье является неотложной задачей ближайшего будущего.

**РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ЛЕНКОВЦЫ,
ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ**

E. K. ЧЕРНЫШ

(Львов)

Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Кельменецкого района, Черновицкой области, было открыто в 1947 г. сотрудником Черновицкого областного музея Б. А. Тимошуком. В 1948 г. это поселение обследовала Трипольская экспедиция, работавшая под руководством Т. С. Пасек. Затем в течение четырех лет (1950—1953 гг.) на поселении проводились систематические раскопки Днестровской экспедицией Института общественных наук АН УССР и Трипольской экспедицией АН СССР.

Поселение расположено на плато правого берега Днестра в 3 км от с. Ленковцы. За четыре года работ здесь была вскрыта площадь около 1300 м², на которой обнаружено 10 жилищ, 5 площадок и 5 полуzemлянок раннетрипольского времени. Удалось проследить, что некоторые площадки были сооружены несколько позднее полуземлянок, хотя материал характеризует и тот и другой тип жилища как раннетрипольские. Видимо, разница во времени между постройкой полуzemлянок и наземных домов была очень невелика.

Жилища находят себе аналогии в полуzemлянках Луки-Врублевецкой, Берново, Солончени, в наземных жилищах Греновки, Сабатиновки II, Ветиловки и других поселений. Возможно, что поселения, на которых сооружались только жилища в виде землянок и полуzemлянок, относятся к раннему времени начального этапа развития трипольских племен; поселения же, на которых имеются и наземные дома,— к более позднему. Вполне возможно, что на поселении у с. Ленковцы более ранними были жилища полуzemляночного типа, а площадки были сооружены несколько позднее, вследствие чего некоторые из них оказались над заброшенными полуzemлянками.

При раскопках жилищ было найдено большое количество различных предметов, среди которых преобладают керамические изделия. Всю керамику поселения удается подразделить на четыре группы: 1) с углубленным орнаментом, 2) с каннелированной поверхностью, 3) кухонную и 4) с гладкой поверхностью, окрашенной в красный цвет — наиболее ранняя окрашенная керамика трипольских племен. Типы статуэток обычны для раннетрипольских комплексов.

В большом количестве найдены и орудия труда из камня и кости. Среди них преобладают кремневые скребки, костяные шилья, сланцевые тесла и долота. Исключение представляют две заготовки крупных рубящих орудий из кремня, техника выработки которых только еще зарождалась у трипольских племен.

Материал раскопок (растительная примесь в обмазке жилищ, зернотерки, вкладыши серпов, сосуды для хранения зерна и др.) указывает

на земледельческий характер хозяйства жителей поселения. Но наряду с земледелием, видимо, довольно сильно было развито и скотоводство. Большое значение имела и охота. В жилищах найдено значительное количество костей различных животных. По количеству особей первое место занимают животные мясных пород: бык, свинья, благородный олень, кабан, косуля. Видимо, мясная пища продолжала играть существенную роль.

Таким образом, хозяйство жителей поселения у с. Ленковцы можно рассматривать как очень примитивное, где скотоводство и охота занимали видное место, а земледелие обеспечивало лишь необходимым минимумом зерна.

Родовой поселок раннетрипольского времени, судя по наблюдениям, сделанным за 4 года работ, был очень небольшим. Вряд ли здесь одновременно существовало более 15 жилищ. Жизнь в поселке продолжалась довольно долго, но он в конце концов был заброшен, а жители его, видимо, переселились в соседнее урочище, где находится поселение с полихромной керамикой.

Раскопки поселения у с. Ленковцы дополняют наши знания о раннетрипольских племенах Среднего Поднестровья, о чем до последнего времени мы могли судить главным образом по раскопкам С. Н. Бибикова в Луке-Брублевецкой и по работам, проведенным в последние годы Трипольской экспедицией под руководством Т. С. Пассек.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СРЕДНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

С. Н. БИБИКОВ

(Ленинград)

В связи с задачей хронологизации памятников ранних земледельческо-скотоводческих племен Поднестровья и выявления местных, локальных черт отдельных вариантов трипольской культуры в 1953 г. были продолжены работы Средне-Днестровского отряда. Отряд работал двумя группами. Первая группа (Т. Д. Белановская) изучала памятники первобытной эпохи, главным образом памятники трипольского типа. Вторая (М. А. Тиханова) — изучала раннеславянское поселение в Лука-Врублевецкой.

В целях хронологизации памятников триполья в районе раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая были обследованы два трипольских памятника (Лука-Врублевецкая II и III). Оба они располагаются в совершенно иных топографических условиях, чем раннетрипольские памятники, занимая высокие плоскогорья, на трудно доступных мысах. Лука-Врублевецкая II — это памятник развитого триполья, несколько более ранний, чем Кадиевцы и Кудринцы, а также Дарабани. В нем наряду с полихромной встречается более архаичная керамика с углубленным орнаментом. Здесь же встречены сланцевые «мотыжки». Другой пункт — Лука-Врублевецкая III находится в урочище Глубокий Яр, высоко над Днестром. Тут встречена монохромная керамика, сосуды на биконических подставках. На пашне в большом количестве находятся обломки глиняной обмазки. Раскопками вскрыта одна площадка простой конструкции. Хронологизация трех названных поселений дает ту же последовательность, что и памятники Среднего Побужья и отличную от того, что известно в Верхнем Поднестровье (Городница, Незвиска, Шипеницы, Бильче-Золотое, Кошиловцы).

Вторым пунктом, где производились стационарные и разведочные работы, явился район с. Устье, расположенный в устье р. Смотрич. Здесь раскапывалось раннетрипольское поселение в урочище Лука-Устинская. Как и большинство раннетрипольских поселений Поднестровья, Лука-Устинская располагается на излучине Днестра на 2—2,5 м над уровнем Днестра. Здесь вскрыты две площадки, выходящие на береговой срез. Площадки имеют простую однослойную конструкцию. На периферии одной площадки обнаружена яма. Нижняя треть ямы заполнена раковинами речных ракушек. Это кладовая запасного поделочного материала для украшений и служащего примесью при изготовлении керамики. Найдены на площадках состоят из кремневых орудий, зернотерок, медной пластинки и керамики типичного раннетрипольского типа. Сочетание раннетрипольской керамики с площадками интересно с точки зрения сближения во времени этапов раннего и развитого триполья. Раскопки в Устье еще раз подтверждают, что в раннем триполье жители еще не оставляли

поспешно своих поселений в связи с военной угрозой. Наоборот, в развитом триполье это явление довольноично. Возможно, что это наблюдение, устанавливающее факт наличия взаимоотношений с другими этническими группами, поможет уточнению хронологизации памятников триполья.

Для хронологизации памятников триполья в районе с. Устье интересные материалы дают поселения у с. Цвиковцы. Изучение памятников триполья по малым районам необходимо продолжить, чтобы получить картину хронологизации.

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ПОРЫ ТРИПОЛЬЯ У ПОСЕЛКА КИРИЛЛОВКА, ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

А. Л. ЕСИПЕНКО

(Одесса)

В 1950—1953 гг. Одесским государственным археологическим музеем производились исследования одного из памятников ранней поры трипольской культуры, обнаруженного разведкой 1949 г. в урочище Александровка у поселка Кирилловка, Кодымского района, Одесской области. В ходе разведок 1949 г. и раскопок в последующие годы была вскрыта площадь свыше 1000 м².

Поселение возникло в местности, удобной для земледелия и скотоводства, среди дубовых дубрав и степных площадей плодородного чернозема Буго-Днестровского водораздела, и расположено на первой надпойменной террасе некогда протекавшей здесь реки.

На исследованной площади открыты остатки шести прямоугольных в плане жилищ наземного типа; пять из них по площади не превышают 30 м² каждое. Всего обнаружено было шесть отдельных комплексов, состоящих из двух- или трехкамерных помещений с печами и открытыми очагами в некоторых из них, а также ямами хозяйственного назначения.

Культурный слой, обычный для трипольских поселений, обнаруживается на глубине 0,6—1,2 м от современной поверхности.

Среди жилищных остатков найдено большое количество орудий труда (408 экз.). Кремневые орудия представлены скребками, проколками, резцами, ножевидными пластинами и т. п., каменные — зернотерками и растиральниками, мотыгами, теслами, топорами-молотами и др. Представляет интерес обнаруженная среди материалов одного из жилищ литейная форма и медная проколка.

Керамический материал представлен сосудами разнообразных форм и размеров. В основном булавовидные и горшкообразные сосуды, вазы, миски, крышки, черпаки и др. Орнаментация посуды разнообразна. Имеются сосуды с углубленным орнаментом, с каннелированной поверхностью, украшенные налепами в виде валиков, шишечек, ушек и т. п. На некоторых сосудах углубленным орнаментом выполнен рисунок, напоминающий змея. Обнаружено несколько фрагментов керамики, на которых сохранились следы росписи белой, коричневой и светлокоричневой краской.

Особый интерес представляют находки 73 глиняных статуэток, изображающих женщину в сидячей позе, а также 13 плоских стульчиков — креслиц для них.

Кости животных, по определению И. Г. Пидопличко, принадлежат домашним животным (бык, лошадь, свинья).

Поселение сгорело. Об этом свидетельствует ряд фактов: площадь поселения в местах расположения жилищ была покрыта кусками обожж.

женной глины, некоторая часть керамических изделий превратилась в спекшуюся ошлакованную массу, орудия труда из камня растрескались на части, а кремневые приобрели белый цвет. На многих предметах сохранились следы копоти; отмечены также зольные скопления с древесным углем и т. п.

Изучение Александровского поселения и ознакомление с материалами других современных ему поселений, как и сопоставление их с некоторыми памятниками дотрипольского времени и материалами позднего триполья, дает основание полагать, что сложение исключительно богатой трипольской культуры с многообразием ее локальных проявлений на обширной территории явилось прямым результатом внутреннего развития местного общества.

РАСКОПКИ В с. НЕЗВИСКО, СТАНИСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. К. ЧЕРНЫШ

(Львов)

Летом 1953 г. Подольская экспедиция Института общественных наук АН УССР под руководством Ю. Н. Захарука наряду с другими работами производила раскопки многослойного поселения в с. Незвиско, Обертинского района, Станиславской области. На площади раскопа в 190 м² было прослежено семь культурных слоев различного времени. Исследование верхних слоев проводилось под наблюдением М. Ю. Смишко и А. А. Ратича, нижних (1,4—3 м) — Е. К. Черныш.

В верхнем слое встречались культурные остатки (фрагменты керамики и железные предметы) поселения XII—XIII в., под ним — керамика и бронзовые изделия липицкой культуры (I в. до н. э.—III в. н. э.), еще ниже прослеживалось небольшое скопление фрагментов керамики предскифского времени.

На глубине 1,25—1,4 м находился очень слабый слой поздней поры бронзового века, так называемой комаровской культуры. Здесь были найдены фрагменты примерно 17 сосудов. Формы и орнамент их типичны для этой культуры. Характерна глина с примесью толченого кремня. Скопления фрагментов керамики, вероятно, находились внутри наземного жилища, от которого сохранились ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Слой этого времени прослеживался по всей площади раскопа. Глубже был исследован слой позднетрипольского времени (1,65—1,9 м). Здесь была вскрыта часть мастерской по изготовлению орудий из кремневого сланца, полуземлянка и большая часть наземного глинобитного дома. При раскопках было получено значительное количество костей животных, каменных орудий и отбросов производства, фрагментов статуэток и большое количество фрагментов керамики, которая позволяет датировать жилища, как и слой в целом, этапом В/II трипольской культуры по периодизации Т. С. Пассек.

Трипольское жилище перекрывало лежавшую ниже площадку, относящуюся к этапу В/І. Рядом с площадкой была частично вскрыта полуземлянка этого же времени. Слой содержал большой археологический материал: керамику с полихромной росписью и углубленным орнаментом, кухонную керамику, различные орудия труда, кости животных; в полуземлянке найден небольшой бесформенный кусочек меди. Глубина слоя 1,95—2,1 м.

Под жилищами трипольского времени в нижележащем слое на глубине 2,15—2,55 м было обнаружено жилище первой дунайской культуры. На площади жилища сохранились следы от трех столбов, очевидно, подпирающих крышу. Пол был земляным. Очаги устраивались прямо на полу, а рядом с ними находились небольшие глинобитные площадки, выложенные вальками хорошо обожженной глины без примесей. На

одной из таких глиниобитных площадок лежало четыре камня от ~~жерновов~~ — терок. На полу жилища было много раздавленных сосудов, среди которых встречались кремневые отщепы и пластины, а также другие орудия труда.

Материалы из погребения 1-ой дунайской культуры у с. Невиско, Ставиславской обл.
1, 2, 3, 7 — $\frac{2}{3}$ н. в., 4, 5, 6 — $\frac{2}{5}$ н. в.

Керамика этого жилища орнаментирована тонкими полосами и ямками, сочетание которых напоминает иногда нотные знаки, что и позволяет относить его к первой дунайской культуре.

Недалеко от жилища, на глубине 2,3 м было обнаружено погребение этого же времени, произведенное по обряду неполного трупосожжения. Погребение было нарушено при постройке трипольских жилищ, вследствие чего сосуды, стоявшие в могиле, были частично повреждены. Однако по фрагментам венчиков можно установить, что здесь находилось не менее 18 сосудов, большинство из которых удалось склеить. Это кухонные горшки с округлым телом и высоким, расширяющимся кверху горлом. В массе этих сосудов содержится растительная примесь, поверхность их гладкая, обжиг неравномерный. Орнаментированы они ямками, валиком, шишечками.

Другой вид посуды представлен чашами, полушаровидными открытыми сосудами с небольшим дном, сосудами с округлым телом и высоким горлом и небольшой «чарочкой». Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины без примесей. Орнамент процрапан острым орудием и состоит, как и упомянутая выше группа посуды, из угловых «нотных» знаков.

Кроме керамики, в погребении находились две кремневые пластинки (одна из них с ретушью) и дологообразное орудие в форме «башмачной колодки», типичное для поселений с линейно-ленточной керамикой.

Подобное залегание слоя первой дунайской культуры ниже трипольского слоя наблюдается впервые, что представляет большой научный интерес, так как до сих пор окончательно не установлено взаимоотношение между этими культурами и не определена окончательная датировка первой дунайской культуры, в частности памятников с «нотной», угловой орнаментацией.

Таким образом, на поселении в с. Невиско были прослежены следующие разновременные слои: 1) слой с керамикой XII—XIII в.; 2) слой полей погребений (I в. до н. э.—III в. н. э.); 3) слой с керамикой пред斯基фского времени; 4) слой комаровской культуры (бронзовый век); 5) трипольский слой — этап В/II; 6) трипольский слой с полихронной керамикой — этап В/I и 7) слой с линейно-ленточной керамикой (первая дунайская культура).

Дальнейшие работы по изучению этого многослойного поселения могут дать новые и интересные материалы для характеристики различных периодов древнейшей истории населения данной территории.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ПУТИВЛЯ НА р. СЕЙМЕ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

В изучении неолитических памятников Украины за последнее десятилетие достигнуты значительные результаты. В настоящее время становится вполне очевидным, что отдельные районы УССР обладают своеобразными чертами неолитической культуры. В этом факте нельзя не усматривать наличия на территории Украины нескольких племенных групп неолитического населения.

Кроме известных ранее групп неолитических памятников (степной неолит, неолит с линейно-ленточной керамикой, неолитическая культура лесного северо-востока Украины с ямочно-гребенчатой керамикой), в настоящее время благодаря раскопочным работам на среднем Днепре — в окрестностях Киева (Никольская Слободка), на Волыни (Мосты) и на Северном Донце (Бондариха II, Устье Оскола I и II) в Лесостепи Украины вырисовываются границы новой культурной группы неолитического времени с гребенчатой керамикой особого типа, которую условно можно назвать типом Мосты — Никольской Слободки.

Исследование неолитических памятников долины р. Сейм представляет интерес прежде всего потому, что здесь, как это выяснилось в результате разведки 1953 г., встречаются памятники двух групп. Одна из них представлена поселениями «лесного» неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, а вторая — «лесостепными» памятниками с гребенчатой керамикой типа Мосты — Никольской Слободки.

Уяснение характера этих культур и их культурно-хронологического взаимоотношения представляет чрезвычайно важную и интересную проблему.

В 1953 г. на р. Сейм под руководством автора работала Левобережно-Сейминская археологическая экспедиция. В задачи работы неолитического отряда экспедиции входило обследование в долине Сейма неолитических местонахождений. Отрядом обследован участок долины Сейма на протяжении более чем 100 км от современных границ УССР у ст. Шечково до впадения в Сейм р. Клевень. На этом отрезке Сейма и в устье Клевени обнаружено 15 неолитических пунктов. На большинстве стоянок проведены небольшие шурфовые работы (напр. у с. Скуносово), а на некоторых были заложены разведывательные раскопы (Волынцево, Козловка).

При раскопках стоянки около с. Козловка, Путивльского района, был обнаружен комплекс неолитического инвентаря, включающий гребенчатую керамику типа Мосты — Никольской Слободки и кварцитовые орудия. Толстостенная глиняная посуда содержит обильную растительную примесь в тесте и слабо обожжена. Сосуды украшены сложным гребенчатым орнаментом. Под венчиком находятся два ряда ямок, по срезу

венчика — мелкие насечки. Сосуды изготовлены ленточным способом и имели, очевидно, острое дно. Ямочно-гребенчатая керамика на стоянке полностью отсутствует. Кварцитовый инвентарь немногочисленный (скребки, режущие орудия и пр.).

На стоянке около с. Скуносово, расположенной на лугу (2—3 м над летним уровнем реки), собран неолитический кремневый и кварцитовый инвентарь, а также ямочно-гребенчатая керамика. Среди кремневых орудий — ножи, скребки, топоры с пришлифовкой, наконечники стрел и копий. Из кварцита изготовлены желобчатые топоры, серпы-пилы, мотыги-кайла, массивные ручные ударные орудия и др. Шурфовкой на стоянке в пойменных отложениях обнаружен мощный (0,3 м) культурный слой, богато насыщенный неолитическими находками.

Довольно значительное количество неолитического инвентаря обнаружено на стоянке ур. Городок около с. Волынцево, Путинского района, где нами наряду с раскопками стоянки эпохи бронзы, произведенными С. С. Березанской, был заложен небольшой раскоп (64 м²). Интересной особенностью коллекции из этой стоянки является то, что здесь совместно залегают черепки с ямочно-гребенчатой орнаментацией и фрагменты сосудов типа Мосты — Никольской Слободки.

В этой связи следует отметить, что фрагменты гребенчатой керамики этого типа встречаются в небольшом количестве также среди черепков ямочно-гребенчатой керамики, добытой в шурфах на стоянках около сел Октябрьское и Скуносово (урочища Линское, Рудого и др.).

Итак, исследованием неолитических памятников в долине Сейма устанавливается распространение здесь двух групп неолитического населения — носителей ямочно-гребенчатой керамики — в одном случае и гребенчатой керамики типа Мосты — Никольской Слободки — в другом. Систематическое изучение этих памятников позволит по-новому понять характер неолитической культуры населения долины Сейма. Совместное залегание керамики двух групп ставит вопрос о культурно-хронологическом отношении «лесной» культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и «лесостепной» культуры с гребенчатой керамикой типа Мосты — Никольской Слободки. Как известно, последний тип керамики рассматривался главным образом на основании среднедонецких материалов (Устье Оскола II), как более ранний по сравнению с ямочно-гребенчатой керамикой. Возможно, на Сейме гребенчатая керамика доживает до времени распространения поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, т. е. до конца III — начала II тысячелетия до н. э. Это предположение, однако, требует еще серьезной проверки на массовом раскопочном материале.

Разведка неолитических памятников в долине р. Сейм ставит еще ряд вопросов, связанных с выяснением характера «лесной» неолитической культуры этого района, ее особенностей по сравнению с более северными родственными окскими культурами. Требуют более углубленного изучения, в частности, вопросы занятия населения, датировка этих памятников и т. п.

ВОВНИГСКИЕ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

(К вопросу об оформлении могильников Мариупольского типа)

М. Я. РУДИНСКИЙ

Первые указания на обнаружение в границах УССР неолитических могильников с погребениями в вытянутом положении ниже горизонта и без обозначения их на поверхности, предшествующих эпохе создания наземных погребальных сооружений (мегалитического характера или намогильных насыпей), относятся к началу нынешнего столетия и связаны с работами XII археологического съезда в Харькове.

Новым фактом в истории советского неолитоведения были раскопки Мариупольского могильника — первого у нас и единственного пока что в границах Европы массового могильника позднеолитического времени этого типа (Н. Е. Макаренко, 1930 г.).

Оформление Мариупольского могильника не находит полных аналогий в группах неолитических захоронений и могильниках, исследованных в пределах СССР.

Группы неолитических захоронений, исследованных в Надпорожье до постройки Днепрогэса — ввиду безинвентарности большинства погребений — оставались отдельными археологическими фактами, которые не удалось увязать в хронологическую цепь единого исторического целого.

Широкие исследования на территории Надпорожья в послевоенные годы сразу же увеличили наши данные открытием ряда погребальных памятников, которые, с одной стороны, приводят вплотную к последнему этапу истории неолитического населения Приазовья, засвидетельствованного Мариупольским могильником, а с другой — ведут к первоистокам неолитической культуры степного юга СССР.

Наиболее выразительными среди неолитических могильников Надпорожья — и по времени и по инвентарю — являются могильники в районе с. Вовниги, Солонянского района, Днепропетровской области. Повторяя выработанный веками погребальный обряд неолитической эпохи в десятках захоронений, вовнигские могильники образуют особую группу погребальных памятников, не повторяющих хорошо уже освещенную картину создания Мариупольского могильника и дающих новые данные для уточнения высказанных о нем утверждений.

Первый могильник, левобережный, обнаружен в ур. Савран против с. Вовниги в обрыве левого берега Днепра. Место расположения — несколько обособленный в линии берега небольшой платформообразный выступ третьей террасы. Никаких признаков естественного всхолмления или искусственного возвышения, которое выделяло бы его на поверхности, не отмечено.

В заложенном раскопе, на глубине 0,40 м, можно было установить очертания окрашенного охрой могильного пятна в форме прямоуголь-

ногого треугольника со сторонами в 2 и 3 м. Гипотенузу образует линия обрыва. Повидимому, обрывом оторвано около половины могильника.

В процессе раскопок, ниже слоя чернозема и гумусированного суглинка, в материковом лессе обнаружены многочисленные погребения, плотно уложенные в ряд одно возле другого и часто одно над другим, с ориентацией погребенных по линии юг—север головою к юго-востоку. Крайние захоронения обнаружены без следов окраски, погребения в центральной части — в насыщенной охрой засыпке и с сильной окраской костей. Всех погребений и их остатков отмечено 31.

При погребении соблюдались твердо установленные правила. Покойников укладывали в узкие, корытообразные или челнообразные ямы с закругленным дном, как бы спеленутыми, а возможно, и связанными в нескольких местах, о чем свидетельствуют сильно стянутые, приподнятые плечи, плотно сдвинутые колени и крепко сжатые стопы. Несколько согнутые в локтях руки сложены кистями в центре таза; лишь в отдельных случаях руки вытянуты вдоль тела.

Обнаруженные в пределах ограниченного пространства (2 на 3 м) и опущенные в землю одно над другим на более или менее одинаковую глубину (0,93—1,32 м) погребения образовали, в конце концов, сплошной пласт скелетов и их остатков толщиной в 0,35—0,40 м; под этим «слоем» захоронений обнаружены лишь три более глубоких погребения с разницей в глубине в 5,10 и 23 см (погребения 29—31).

Захоронения осуществлялись одно возле другого и часто одно непосредственно над другим. Чтобы освободить место для вновь погребаемых и вырыть неглубокую корытообразную яму, скелеты предшествующих погребений сдвигали с места и перекладывали в сторону, придерживаясь при этом соответствующей анатомической последовательности (вверху — череп, на высоте плечевых костей — кости верхних конечностей, на высоте бедер и костей толени — кости нижних конечностей). Полнее картины последовательности захоронений получить нельзя. Отмечены явные следы «вторжений» позднейших погребений в слой погребенных на меньшей глубине, перекрываемых в свою очередь новыми захоронениями.

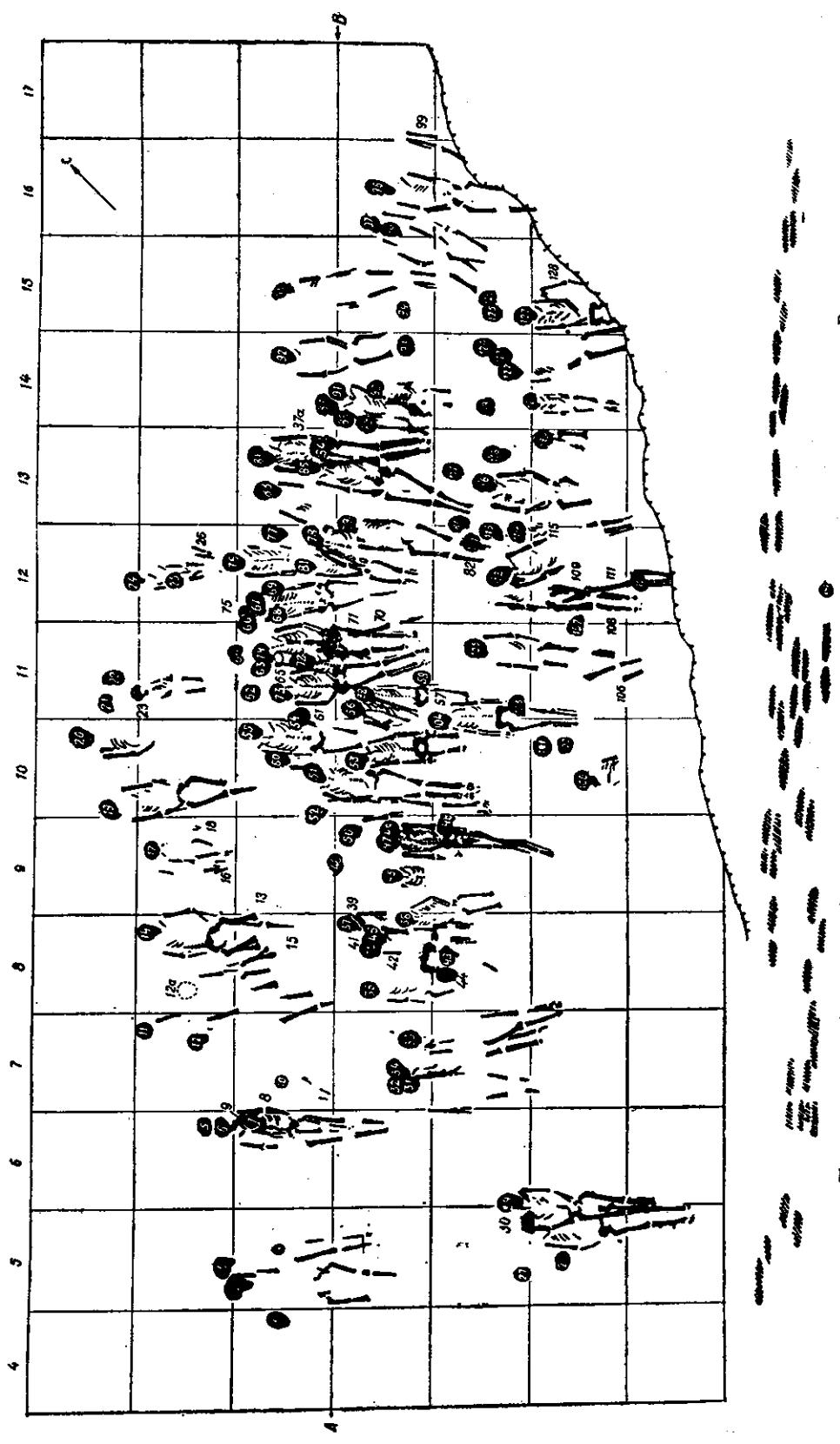
Могильник создавался на протяжении более или менее длительного времени. История его создания начинается с отдельных погребений, первоначально осуществляемых в ряд на известном расстоянии одно от другого.

Последовательные и все теснее уложенные в узких ямах захоронения, с почти незаметной разницей в глубине, слившиеся, в конце концов, в одну большую яму, заполненную скелетами и засыпанную смешанной с охрой землей, образовали могильник особого типа, который, по существу, следует понимать, как своеобразный оссуарий.

Второй вовнигский могильник обнаружен несколько выше по течению в обрыве правого берега Днепра в центре с. Вовниги над краем высокого уступа третьей террасы, ограниченным с юго-запада неглубокой древней ложбиной. Иных заметных отличий в рельфе данного участка берега нет. Место расположения могильника имеет небольшой склон к долине реки и поэтому подверглось нивелирующему действию весенних и дождевых вод.

Площадь могильника около 100 м² (12 м вдоль реки на 7 м в глубь берега). Захоронения обнаруживаются в тех же условиях и на той же приблизительно глубине в нижнем горизонте подпочвы (слабогумусированного суглинка) и в материковом лессе. В могильнике раскрыты остатки 130 захоронений, среди которых количество неокрашенных погребений (юго-западный и северо-восточный секторы) вдвое меньше засыпанных охрой (в центральной части).

Общая картина расположения погребений на площади могильника не

План и разрез (по линии АВ) «пласт» захоронений неолитического могильника в с. Вовниги.

так четка, как в первом, левобережном, могильнике. В нем прослеживаются три основные группы захоронений: 1) ряд погребений в северо-западном секторе по линии север—юг, где отмечено лишь несколько примеров перекрывания одних погребений другими; 2) погребения в северо-восточном секторе могильника, где раскрывается один «слой» погребенных, и 3) массовое многослойное скопление погребений в центральной части могильника, последовательность которых установить не удается. На пространстве в 30 м² (7—13 квадраты наших рядов В, Г, Д) обнаружено около 70 погребений, образующих «слой» скелетов и их остатков мощностью в 60—65 см.

В целом центральная часть могильника повторяет картину создания левобережного могильника, отличаясь от него лишь размерами насыщенного погребениями пространства.

Форма захоронения и ориентация погребенных повторяют установленные нормы. Ориентированные по линии север—юг, как и в первом могильнике, погребенные были обращены лицом к реке в положении как бы плывущего в челне. Эта ориентация, как можно утверждать, обязательная для всех могильников Надпорожья, выдержана в правобережном могильнике полностью с одним и единственным исключением, которое необходимо отметить. Крайнее (первое на северо-востоке) погребение было ориентировано в положении диаметрально противоположном: головою в сторону реки.

В инвентаре могильника (как, правда, и в левобережном) нет «реперных» находок для прочных хронологических обоснований. С уверенностью можно говорить лишь о двух этапах в истории его развития. На каком-то этапе процесс распространения могильника в направлении с северо-востока на юго-запад (т. е. по течению реки) остановился. Погребения в северо-западном и северо-восточном секторах могильника прекратились. Внимание группы (?) или групп (?) населения сосредоточилось на его центральной части, где в результате роста числа захоронений и возникает могильник того оформления, какое представляет первый могильник — левобережный.

И все же обнаруженная в правобережном могильнике картина не осознается без ряда вопросов. При сравнении вовнигских могильников левобережный могильник представляется как типичный для небольшой группы населения позднеолитического времени. Правобережный могильник более обширен по площади и менее компактен в раскрытых на нем группах погребений. Вопрос, однако же, не в масштабах могильника и не в плотности захоронений. Повидимому, разница будет более глубокой.

Изучение неолитических могильников юга СССР лишь началось. Однако мы начинаем улавливать завершение процесса их развития в позднеолитическое время. Об этом можно говорить, конечно, лишь в порядке рабочей гипотезы, но нам представляется, что в вовнигских могильниках нашел свое отражение этап укрупнения родовых групп, а, возможно, и слияния их в большие общественные единства.

В этой связи необходимо остановиться на двух интересных наблюдениях в раскопках вовнигских могильников.

Центральноё — наиболее глубокое — погребение левобережного могильника, выявленное в насыщенной охрою засыпке, несомненно, принадлежало центральной фигуре общины. Неповрежденный (кроме костей стоп) скелет, принадлежащий субъекту высокого роста, был обнаружен без черепа при полной сохранности всех шейных позвонков. В этом нельзя не видеть еще одно указание на практику отнятия черепов в культовых целях.

Еще больший интерес представляет другое захоронение — во втором вовнигском могильнике — так же самое глубокое и так же сильно засы-

панное яркокрасной охрой парное погребение двух особ более или менее одного возраста и роста (пол не установлен), в одинаковых головных уборах с низками баxромообразно свисающих привесок из недоразвившихся зубов оленя. Не исключено, быть может, что в этом следует видеть отражение той связи слившихся или сливающихся воедино общественных групп, о которых говорилось выше.

Возраст вовнигских могильников трудно уточнить. Повидимому, они очень близки друг другу хронологически. Во всяком случае, они предшествуют Мариупольскому могильнику, хотя бы и в известной части его захоронений. Что же касается оформления его, как «могильника коридорного», по не совсем обоснованному определению некоторых наших специалистов, то его следует рассматривать не как этап в истории создания неолитических могильников, а как локальную вариацию позднеолитических могильников днепровско-приазовского юга, с наибольшей выразительностью обнаруживающихся в порожистой части Днепра.

РАСКОПКИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ НА р. СУПОЕ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

В отношении палеолита район лесостепного левобережья Днепра, несмотря на открытие здесь еще в 1871 г. первой в СССР Гонцовской позднепалеолитической стоянки, остается до сих пор одним из наиболее слабо изученных на Украине. Поэтому открытие новой позднепалеолитической стоянки у с. Добраничевка, Шрамковского района, Черкасской области, представляет значительный научный интерес.

Остатки стоянки в виде скопления костей животных, кремней, костного угля и золы были случайно обнаружены при земляных работах в 1952 г. Раскопки на стоянке были проведены в июле 1953 г. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством автора и И. Г. Пидопличко.

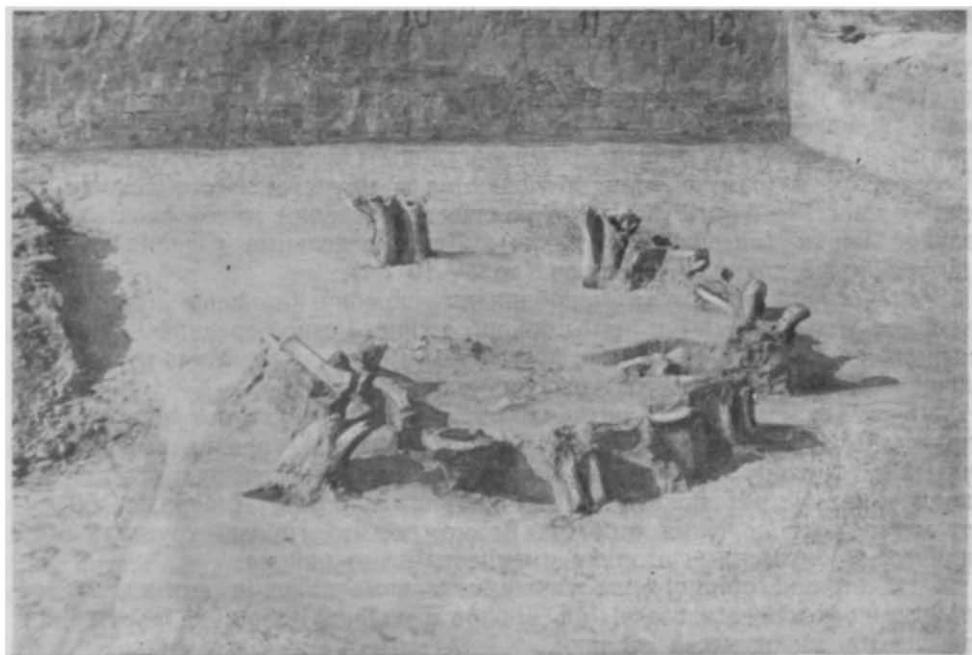
Культурные остатки залегали в верхней части слоя позднего лесса на небольшом древнем мысе второй надпойменной террасы левого берега долины р. Супоя (левого притока Днепра). Культурные остатки залегали на глубине в среднем от 2 до 3 м от современной поверхности.

Культурный слой имел небольшой уклон в направлении с севера на юг, соответствующий уклону древней поверхности мыса, на котором находилась стоянка. Стоянка раскопана на площади около 200 м². В центре раскопанной площади раскрыт сложный хозяйствственно-бытовой комплекс, состоявший из остатков наземного жилища, ямы-хранилища и углубленного очага.

Остатки жилища, занимавшие центральное место в комплексе, представляли собой круглое в плане сооружение (диаметром около 4 м) из носовых частей черепов мамонта и других его крупных костей. Кости находились в вертикальном положении и были вкопаны в землю на глубину до 30 см ниже пола жилища. Все эти кости являлись нижней частью стен жилища и служили, видимо, опорами для жердей, из которых была сооружена его верхняя часть. Жилище было наземным и имело, вероятно, вид шалашевидной постройки (чума), характерной для обитателей Крайнего Севера в недавнем прошлом. Жилище могло быть покрыто ветками деревьев или шкурами животных. Внутри находилось скопление бивней мамонта, также, видимо, входивших в конструкцию жилища и попавших внутрь при его разрушении. Отдельные бивни имели следы преднамеренной обработки (расколоты вдоль). По характеру устройств жилище Добраничевской стоянки имеет некоторое сходство с жилищами Гонцовской, Елисеевской, Пушкаревской, Супоневской и других стоянок позднего палеолита СССР, в конструкцию которых также входили крупные кости мамонта. Внутри жилища и вокруг него обнаружены кремневые изделия и отбросы их производства, вплоть до мельчайших чешуек, свидетельствующих о том, что кремень обрабаты-

вался на самой стоянке. По мелким кремневым отщепам, находившимся в жилище, был установлен уровень его пола.

Яма-хранилище имела округлую форму и несколько суживалась ко дну (диаметр по верху 2 м, по дну 1,7, глубина 1,2 м). Яма была заполнена костями мамонта (бивни, кости конечностей, нижние челюсти с зубами, тазовые кости, лопатки, позвонки и пр.) и других животных.

Добрничевская позднепалеолитическая стоянка. Остатки наземного жилища.

Кости лежали в яме без определенного порядка. Отдельные кости имели следы погрызов хищниками. В яме встречены и кости со следами обработки (лошило из ребра мамонта, проколка, обработанный кусок бивня и др.), а также небольшое количество кремней. Находившиеся в яме кости, вероятно, были собраны людьми намеренно для каких-то надобностей. Яма-хранилище не связана с жилищем и находилась на расстоянии 2 м к северу от него.

К югу от жилища, на расстоянии около 1,5 м от его стены, вероятно, против входа в жилище, находился очаг, состоявший из двух углублений («очажная» и «выгребная» ямы), соединенных между собой узким канавообразным переходом. «Очажная» яма была разрушена до раскопок. Сохранился лишь этот переход от нее к «выгребной» яме и сама «выгребная» яма. Последняя была окружной в плане и суживалась ко дну (диаметр по верху — около 2 м, по дну — 1,3 м). Глубина ямы 0,9 м, глубина перехода — 0,5 м. Выгребная яма была сплошь заполнена кусками костного угля, золой, расщепленным кремнем (около 2 тыс. предметов), обломками камня, костями животных и т. п. В заполнении «выгребной» ямы встречены также обломки горного хрусталия и его дымчатой разновидности — мориона со следами обработки и кусочки янтаря.

Разбор заполнения «выгребной» ямы показал, что кости животных и другие находки, перемешанные с углем и золой, не имеют на себе следов действия огня. Это свидетельствует о том, что в «выгребную» яму угли и зола попадали в холодном состоянии. Очаг находился вне жилища. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку почти все

известные до сих пор очаги на палеолитических стоянках находились внутри жилищ.

Среди вещественных находок стоянки преобладают кости животных и кремни. Кости принадлежат мамонту (28 особей), северному оленю, быку, волку, росомахе, медведю, лисе, песцу и др. Часть костей имеет следы обработки (бивни мамонта со следами обивки и распиливания, костяные проколки, лощило из ребра мамонта и др.).

Кремневых находок (кремневые гальки, нуклеусы, отщепы, пластинки и законченные орудия труда) на стоянке собрано свыше 4 тыс. экземпляров, из них орудий около 300. Кремень местный, галечниковый, темного (большей частью черного) и коричневатого цвета. Гальки происходят из лежащей под лесом валунной глины (морены). Размеры галек, в основном, небольшие, чем объясняются и размеры изготовленных из них орудий (2—5 см). Большое количество изделий имеет следы желвачной корки (поверхность гальки). Лишь отдельные изделия встречаются более крупных размеров (до 8—10 см).

Среди орудий труда преобладают скребки (концевые, округлые, двойные и выемчатые) и резцы бокового типа. Резцов срединных и угловых сравнительно немного. Из других форм следует отметить отдельные проколки, пластинки с затупленным краем и др.

Кроме кремня, для изготовления орудий труда употреблялись и другие породы камня, в частности горный хрусталь (прозрачный и дымчатый — морион). Ближайшее месторождение горного хрусталя известно на Украине в районе г. Смели на правом берегу Днепра, в 150 км от места расположения стоянки. Возможно, что горный хрусталь был принесен обитателями стоянки именно из этого района.

На стоянке обнаружены также отдельные находки янтаря, месторождения которого известны на Днепре в районе Киева, на расстоянии свыше 100 км от места стоянки.

Найдки изделий из горного хрусталя и янтаря могут служить свидетельством связей обитателей Добраничевской стоянки с этими, сравнительно далеко отстоящими от нее районами бассейна среднего Днепра.

Условия расположения и залегания культурного слоя, состав фауны, характер кремневого инвентаря и устройство жилища Добраничевской стоянки очень близки к Гонцовской, расположенной в 70 км к востоку от нее (на р. Удай на Полтавщине). Это дает основание рассматривать обе стоянки как памятники одного типа и датировать их временем позднего палеолита (средний мадлен).

НОВЫЕ РАСКОПКИ В ПЕЩЕРЕ ГВАРДЖИЛАС-КЛДЕ

А. К. КАЛАНДАДЗЕ и Д. М. ТУШАБРАМИШВИЛИ

(Тбилиси)

Пещера Гварджилас-клде исследовалась (по поручению и на средства Кавказского музея) еще во время первой мировой войны польским ученым Ст. Круковским. Однако результаты разведочных работ, произведенных этим ученым в 1916 г., по сей день остаются неопубликованными. В виду исключительной значимости происходящих из пещеры археологических материалов для истории палеолита Грузии продолжение раскопок пещеры являлось настоятельной необходимостью. Исходя из этого, Институт истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР, летом 1953 г. организовал Рганскую археологическую экспедицию, в задачу которой входило пополнение имеющихся материалов и установление стратиграфии пещеры.

Карстовая пещера Гварджилас-клде находится в с. Ргани, Чиатурского района, Грузинской ССР, в каньонообразном ущелье, на правом берегу Черулы (правого притока р. Квирилы). Разница между уровнями пещеры и р. Черулы равна 15 м. Устьем пещера обращена к юго-юго-востоку и хорошо освещена солнцем. Наибольшая длина 30,5 м, ширина 14,0 м, высота (у входа) 3,5—4,0 м.

В разрезе двух траншей, заложенных в левой от входа части пещеры (одна поперек, другая вдоль южной стены ее), были фиксированы следующие слои: 1) Мелкие обломки известняка, сплошным слоем покрывающие современный уровень пола пещеры, мощностью 0,10 м. 2) Слой (0,1—0,4 м) гумусированной черной земли с примесью известнякового щебня, изобилующий осколками, отщепами и законченными орудиями из кремня, кости и рога, а также многочисленными обломками костей четвертичных животных. 3) Мощный слой (3,4—3,5 м), состоящий из крупных и среднего размера обломков известняка, пустоты между которыми изредка заполняются измельченным щебнем. 4) Темный суглинок (0,1—2 м), слегка влажный, с примесью щебнистой мелочи, содержит тождественные со 2 слоем культурные остатки. 5) Суглинок (1,0 м) каштанового оттенка, довольно влажный, с примесью мелкой щебенки. 6) Очень влажная супесь с редкими марганцевыми крупинками, мощностью 0,8 м. Далее идет скальное основание пещеры.

Таким образом, культурные остатки содержат 2 и 4 слоя. Поскольку общий облик кремневого и костяного инвентаря с указанных слоев совершенно одинаков, вернее будет говорить о двух горизонтах одного и того же культурного слоя, разделенного, по нашему предположению, в результате однократного, но сильного обвала материалов, слагающих стены и потолок пещеры.

Ведущими формами кремневых орудий следует считать резцы различных типов, скребки на конце крупных удлиненных пластинок, скребки

округлой формы, ножевидные орудия типа граветт, пластинки с затупленной спинкой, удлиненные сегменты и др. Было встречено несколько наконечников стрел (?) и дротиков, а также нуклевидных скребков и орудий типа рабо. Среди орудий из кости и рога имеются: фрагмент орнаментированного выпрямителя с полированной поверхностью, ретушеры, лощила, многочисленные шилья, проколки и др.

По аналогии с материалами I слоя крымской стоянки Сюрень I, а также по данным довольно холодолюбивой фауны, палеолитические остатки из Гварджилас-клде не должны быть моложе позднего мадлена и самого раннего азиля.

РАСКОПКИ В КОСТЕНКАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА УКРАИНЫ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ
(Ленинград)

В докладе ставится вопрос о возможности проследить в позднем палеолите Русской равнины дробные локальные группы, аналогичные, скажем, неолитическим. Задача установления подобных групп столь же важна, как и задача установления общих, закономерных этапов развития поздненеолитической техники и культуры.

Однако новые открытия и исследования неолитических памятников чаще всего усложняют картину, обнаруживают новые локальные группы, новые черты местного своеобразия. А новые открытия и исследования позднепалеолитических памятников чаще всего заполняют белые пятна, показывают, что элементы позднепалеолитической культуры, поспешно объявленные специфической особенностью той или иной территории, в действительности имеют очень широкое распространение. Успехи советской науки о палеолите не оставили камня на камне от попыток зарубежных археологов представить территорию нашей страны сравнительно поздно заселенной людьми окраиной, палеолитическая культура которой якобы была бедной, невыразительной и резко отличалась от «богатой» позднепалеолитической культуры Западной Европы.

Материалы Замостья, днепровских стоянок, Тельманской стоянки, Костенок IV и других позднепалеолитических поселений Русской равнины показывают сходство основных этапов развития позднепалеолитической техники и культуры на весьма обширных пространствах Русской равнины и некоторых сопредельных территорий. Об этом же свидетельствует сопоставление группы Костенковских палеолитических поселений с весьма близкой к ней группой палеолитических поселений у Морован в Словакии, раскапывавшейся археологами народно-демократической Чехословакии в 1949 г.

Материалы обширных раскопок позднепалеолитического поселения Костенки II, проводившихся под руководством автора в 1953 г., также подкрепляют этот тезис. Кремневые орудия, найденные здесь на дне большого общинного жилища площадью около 56 м², обнаруживают близкое сходство с кремневыми орудиями таких сравнительно поздних позднепалеолитических поселений, как Елисеевichi, Кирилловская, Студеница. Произведения искусства, найденные в 1953 г. в Костенках II, между прочим, костяные пластинки с орнаментом, резко отличаясь от произведений искусства, найденных в Костенках I, Гагарине, обнаруживают близкие аналогии в искусстве Кирилловской стоянки, Елисеевичей. Анализ этих произведений искусства подтверждает предложенную П. П. Ефименко свыше 25 лет назад датировку Костенок II.

Сходство развития позднепалеолитической техники и культуры на весьма обширных территориях не исключает неравномерности развития отдельных позднепалеолитических племен. Такая неравномерность может быть прослежена на многих конкретных примерах.

Вместе с тем следует полагать, что более дробные локальные различия отдельных позднепалеолитических общин и их групп могут быть в дальнейшем прослежены в том направлении, в каком последние годы успешно работала М. Е. Фосс. Существенные особенности техники и производственного инвентаря не могут рассматриваться как показатель различных этнических групп. Этническим признаком мог являться орнамент, те или иные частные особенности искусства. Возможно, что так придется рассматривать своеобразное пещерное палеолитическое искусство, распространенное на юге Франции и в Испании, скульптуры из обожженной глины, распространенные в позднем палеолите Чехословакии. Вероятно, в этом направлении в дальнейшем можно будет сделать гораздо больше.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

А. П. ЧЕРНЫШ
(Львов)

За последние годы на Среднем Поднестровье были осуществлены значительные по своему объему разведочные и раскопочные работы по изучению позднего палеолита.

Разведки 1946—1952 гг., которыми был охвачен район от г. Станислава до г. Могилева и частично участок среднего течения Днестра в Молдавской ССР, дали возможность, кроме обследования ранее известных стоянок на правобережье Днестра, открыть более 100 новых местонахождений палеолита главным образом на его левобережье. Разведки выявили стоянки с непереотложенным культурным слоем, часть которых была затем исследована путем раскопок.

В 1949—1951 и 1953 гг. автором исследовалась стоянка Бабин I в ур. Яма. На этом пункте была вскрыта площадь около 700 м². Раскопки обнаружили остатки трех разновременных позднепалеолитических стойбищ, из которых второе перекрывало культурный слой первого, наиболее древнего стойбища. Для его инвентаря, который находит себе аналогии в ряду многослойных памятников Западной Европы, соответствующие слои которых датируются так называемым среднеориньякским временем, некоторые аналогии возможно указать среди материалов нижних слоев Тельманской и стоянки Костенки IV. Материалы среднего стойбища стоянки Бабин I можно сравнить с материалами таких стоянок как Гагарино, Костенки I (верхний слой), Пушкари I, хотя среднее стойбище стоянки Бабин I является наиболее древним памятником в этой группе.

Третье стойбище стоянки Бабин I отличается от двух предыдущих более мелкими размерами кремневого инвентаря, цветом патины кремневых находок (преобладает синяя), а также техникой обработки орудий. Материалы этого стойбища аналогичны памятникам гонцовского этапа позднего палеолита. Среди фауны этого стойбища преобладает северный олень (60%).

Исследования в 1951—1953 гг. стоянки Вороновица I, на которой была вскрыта площадь размерами в 262 м², обнаружили два культурных слоя. В верхнем культурном слое обнаружены остатки небольшого овального жилища размерами 3,80×2,45 м. Материалы этого слоя можно датировать тем же гонзовским этапом позднего палеолита.

Для нижнего слоя стоянки Вороновица I характерно наличие крупных острий, крупных орудий на пластинах с краевой ретушью, орудий с двусторонней обработкой плоской ретушью. В 1953 г. в этом слое был найден обломок лавролистного наконечника.

Во время исследований стоянки были встречены костные остатки от 200 особей животных (лошадь, северный олень, мамонт, зубр, медведь, носорог), а также ствброк ракушки-перловицы.

Третьей стоянкой, исследованной на Днестре в 1951 и 1953 гг., является открытая в 1948 г. на третьей террасе Днестра стоянка Молодова V, при раскопках которой было обнаружено два культурных слоя кратковременных кострищ, вокруг которых концентрировались раздробленные кости животных и кремневые находки.

Материалы верхнего слоя (небольшие нуклеусы, тонкие пластины с концевыми и боковыми выемками, острия со скошенными краями) можно отнести к мезолитическому времени. Среди фауны верхнего слоя нет мамонта и носорога, но преобладает северный олень, составляющий 80% от всей фауны. В этом же слое были встречены ракушки *Helix*.

В нижнем слое встречены кремневые орудия, позволяющие их сравнить с материалами Кирилловской стоянки и другими памятниками кирилловского этапа позднего палеолита. Фауна этого слоя состоит из остатков костей лошади, северного оленя, зубра, мамонта и носорога.

Базируясь на данных раскопок трех вышеуказанных многослойных памятников Поднестровья, а также на материалах, собранных на многочисленных памятниках во время разведок, принимая во внимание геологические и палеонтологические данные, в настоящее время имеется возможность выделить 8 хронологических комплексов для территории Поднестровья, которые представляют время от ранней поры позднего палеолита по мезолит. Эти хронологические звенья располагаются в следующей последовательности:

1—2) первое и второе стойбища стоянки Бабин I; 3) группа памятников, переходная от орильско-солютрейского времени к мадлену (Бабин IV, Бабин VII, Распопинцы I, III и др.); 4) группа памятников раннемадленского времени (Непоротово IV, Непоротово V, Студеница I и др.); 5) группа памятников кирилловского этапа позднего палеолита (нижний слой стоянки Молодова V); 6) группа памятников гонцовского этапа позднего палеолита (третье стойбище стоянки Бабин I и др.); 7) группа памятников, переходная между палеолитом и мезолитом (Сокол I, Баламутовка и др.); 8) группа памятников мезолитического времени (верхний слой Молодова V).

Кроме вопросов хронологии, исследования последних лет дают возможность определить особенности геологических условий залегания стоянок Поднестровья, позволяют выделить характерный для этой территории позднепалеолитический комплекс фауны, особенностью которого является наличие животных, свойственных позднему палеолиту Крыма и Кавказа.

Большой интерес представляют раскопки 1953 г. на стоянке Молодова V, на которой, при расследовании других участков этого пункта, было выявлено десять горизонтов, охватывающих время от солютре по мезолит. На этой стоянке в 1953 г. были встречены уникальные поделки позднепалеолитического времени: свирель из рога, рукоятка для крупных вкладышей, антропоморфная плитка из камня. Продолжение исследования этой стоянки позволит решить многие вопросы хронологии позднего палеолита этой территории.

НОВАЯ НАХОДКА МУСТЬЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ
(Минск)

Планомерные археологические исследования территории Белоруссии начались после Великой Октябрьской социалистической революции. Многочисленные раскопки, проведенные за это время, наглядно показали насыщенность территории Белоруссии различного рода археологическими памятниками: стоянками каменного века и эпохи бронзы, остатками поселений железного века — городищ и селищ последних веков до начала нашей эры и I тысячелетия н. э., могильниками эпохи железа, большим количеством курганов X—XII в., наконец, остатками городов XI—XIII в., таких, как Гродно, Минск, Полоцк, Слуцк, Давид-Городок и др.

На основании прежних работ предполагалось, что существование людей на территории Белоруссии начинается с конца ориньякской эпохи верхнего палеолита.

Однако новейшие исследования показали, что древность существования людей на территории БССР восходит к гораздо более раннему времени. Ярким доказательством этого являются результаты раскопок в 1953 г. палеолитического местонахождения у поселка Подлужье, Чечерского района, Гомельской области, на правом берегу р. Сожа, находящегося рядом, в 100—120 м, с известной Бердыжской верхнеориньской стоянкой. Раскопки производились Институтом истории Академии наук Белорусской ССР под руководством автора. Они доставили значительное количество (свыше 970) кремней, большая часть которых обработана людьми. Остатки фауны не обнаружены.

Кремни были найдены на значительной площади (около 360 м²) в 6 больших раскопах. Кремни залегали на глубине от 2,6 до 7,2 м, т. е. в слое мощностью до 4,6 м. Место залегания находок — толща белых древнеаллювиальных песков и, ниже, серожелтых флювио-гляциальных косослоистых песков, слагающих верхнюю надпойменную (древнейшую) террасу р. Сожа. Они относятся ко времени наибольшего оледенения русской равнины.

Найденные остатки представляют прежде всего кремневые желваки и типичные мустерьские отщепы. Встречено много обломков и чешуек, полученных при изготовлении кремневых орудий и представляющих своего рода отбросы производства. Нередки пластины и пластинки. Наконец, встречено около полутора десятков скребел — орудий из отщепов, с одним выгнутым обитым краем.

К обнаруженному комплексу относится небольшое треугольное орудие серцевидной формы с острыми краями — ручное рубило, которым

пользовались как ударным орудием. Оно было найдено при раскопках верхнеориньякской стоянки еще в 1928 г.

Описанные формы заготовок и изготовленных из них орудий имеют характерные черты, свойственные кремневым изделиям мустерской эпохи.

Необходимо отметить, что материалы из раскопок у поселка Подлужье имеют весьма важное значение для выяснения древнейшей истории северной половины Восточной Европы. На всей этой территории до сих пор не было массовых находок орудий того типа, какие найдены у Подлужья.

Обнаружение в 1953 г. богатой по находкам стоянки у Подлужья показывает, что прежние высказывания о сравнительно позднем заселении территории Белоруссии лишь в эпоху верхнего палеолита представляются, в свете новых данных, неправильными и подлежат пересмотру.

Как показывают находки у Подлужья, заселение перигляциальных пространств к северу от 52 параллели, т. е. территории БССР и соседних областей РСФСР, а также северной части УССР, произошло гораздо ранее, еще в середине ледникового периода, в эпоху существования первобытного стада и неандертальского типа человека.

Изложенное свидетельствует о том, что со временем появления на этой территории неандертальских людей дальнейшее развитие культуры привело к возникновению здесь ориньякской культуры верхнего палеолита и последующих за нею культур. Нет никакого сомнения, что они возникали на месте путем дальнейшего развития предшествующих культур, а не путем принесения новой культуры какой-то новой группой пришедшего населения.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ФАУНЫ ПАЛЕОЛИТА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

И. Г. ПИДОПЛИЧКО

В познании истории и особенностей фауны четвертичного периода или антропогена исследования фауны палеолитических стоянок сыграли особую и важнейшую роль. Полученный массовый материал по фауне палеолитических стоянок, несмотря на его специфику, связанную с селективной деятельностью человека, дает возможность сделать ряд существенных выводов, имеющих не только археологическое, но и общегеографическое значение. Эти выводы тем более существенны, что они подтверждаются рядом крупных, чисто палеонтологических, работ, выполненных в последние годы и касавшихся антропогеновых фаун, заведомо не связанных с деятельностью человека. Сочетая таким образом данные по фауне из археологических и палеонтологических раскопок, есть возможность сделать ряд выводов, уже не требующих особых дискуссий для их уточнения ввиду их совершенной очевидности.

За годы советской власти только в пределах Украинской ССР в результате планомерных и методически полноценных раскопок выкопано свыше 70 тыс. костей животных, окружавших первобытного человека, огромное количество костей животных извлечено также при раскопках палеолитических стоянок в пределах Гомельской, Брянской, Воронежской и других прилегающих областей, а также в пределах Южного Урала. Этот ценнейший и в количественном отношении огромный материал относится к тому материалу, который мы имели в дореволюционное время, как 100 : 1.

Главный вывод, вытекающий из анализа этого огромного фактического материала по фауне палеолита, состоит в том, что фауна палеолита Украины и прилегающих территорий является типичной фауной умеренного пояса, она ни при каких обстоятельствах не может отражать условий холодных, равно как и жарких зон. Примесь как холодолюбивых, так и сугубо теплолюбивых форм в фауне палеолита ничтожна, что свидетельствует о том, что не холодолюбивые и сугубо теплолюбивые формы определяют специфику этой фауны — ее определяют формы умеренно теплолюбивые.

Кроме того, фауна, окружавшая палеолитического человека, за время, прошедшее от так называемого мустье (имеется в виду территория СССР) до позднего палеолита, много раз не менялась, но в то же время она не оставалась качественно одинаковой. Качественное отличие фауны позднего палеолита, датируемой ранним голоценом, от фауны мустье, датируемой плеистоценом, состоит в том, что фауна мустье оказалась более теплолюбивой, чем фауна позднего палеолита. Если в мустьевских стоянках северные формы вовсе отсутствуют (Сталинград, Ильская) или же представлены только северным оленем в числе, меньшем 1% по отношению к другим видам (Кодак, Ильинка, Крымские стоянки), то

в стоянках позднего палеолита северные формы, представленные северным оленем, песцом, овцебыком, копытным леммингом и белой куропаткой, достигают 13% по отношению к другим видам.

Из этих данных видно, что во время так называемого максимального оледенения фауна была теплолюбивая; в ее составе были не только гиены, львы, куланы, но даже дикобразы (Ильинка). Что позднепалеолитические стоянки существовали в условиях более холодного климата, чем мустерьерские, это совершенно очевидно, но, как это видно из состава фауны того же времени, более холодные климатические условия позднего палеолита не превосходили своей суровостью современных условий северной полосы лесной зоны Европейской части СССР.

Что касается мамонта, то вопреки мнению, возникшему еще в начале XIX столетия и ставшему позже, так сказать, шаблоном, о якобы «ледниковом» его происхождении, в настоящее время установлено, что мамонт был обитателем лесной и лесостепной зоны, являясь по природе своей лесостепным животным. Мнение о том, что мамонт был постоянным компонентом фауны тундры, с биологической точки зрения безграмотно. Нами было показано, что в тундру мамонт мог заходить лишь в летнее время, и это положение было подтверждено зоологами, работавшими в составе известной экспедиции Академии наук СССР для раскопок таймырского мамонта в 1949 г.

Так же, как в тундре, мамонт не мог держаться круглый год и в открытой степи, ибо для него не хватило бы пищи. К сожалению, представление о мамонте как о животном лесостепной и лесной зон не вошло еще в обиход у археологов-палеолитчиков.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНФЕРЕНЦИИ О ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ УССР**

VII научная конференция отмечает значительные достижения археологов Украинской ССР, Москвы и Ленинграда в их совместных исследованиях археологических памятников на территории Украинской ССР за последние годы. Конференция отмечает также некоторые успехи в деле освещения ряда общих вопросов древнейшей истории территории Украинской ССР. Вместе с тем в работе есть ряд слабых сторон.

В качестве задач археологического изучения территории Украинской ССР на ближайшее время конференция считает необходимым:

а) в области первобытной истории углубить работу по вопросу исторической периодизации палеолита, продолжить исследование палеолитических памятников на среднем Днестре, в Надпорожье, на Десне, в Приазовье и лесостепном Левобережье. Конференция считает необходимым участие в раскопках палеолитических памятников геологов и палеонтологов; особенно важно это для среднего Днестра. Конференция поддерживает инициативу по созданию отдела фауны палеолита при Зоологическом музее АН УССР;

б) усилить работу по изучению эпипалеолитических и неолитических некрополей в Надпорожье, а также неолитических памятников в других районах УССР. Считать делом большой важности изучение неолитических памятников культуры линейно-ленточной керамики, как и других групп памятников времени неолита и раннего металла на Днестре;

в) шире развернуть работу по дискуссионным проблемам происхождения трипольских племен и исторических судеб этих древних племенных образований;

г) особое внимание (в связи с последней проблемой) уделять поискам и изучению памятников позднего медного века, а также ранней и средней бронзы на территории обитания трипольских племен;

д) продолжить исследования поселений эпохи меди — бронзы типа «Михайловка», «Скеля» (Каменоломня), ускорить издание их материалов;

е) усилить изучение памятников времени поздней бронзы;

ж) шире развернуть работы по исследованию археологического комплекса Каменной Могилы (памятники на холме Каменной Могилы, стоянки неолитического времени и эпохи бронзы, могильник эпохи раннего металла и др.).

Для скифо-античной поры считать необходимым более широкую постановку археологических раскопок памятников пред斯基фского и раннескифского времени в междуречье Днестра и Днепра; проведение углубленных разведок в левобережной Лесостепи; продолжение исследований памятников позднескифской и сарматской эпохи в степной полосе и на городищах нижнего Днепра.

Конференция считает необходимым значительно расширить объем археологических работ в Ольвии и ускорить работы по подготовке изданий ольвийских материалов. Работы в Тире, возобновленные в 1953 г., должны быть продолжены и расширены в последующие годы с учетом выяснения ближайших задач в исследовании города: определения его границ, некрополя и ближайшей периферии. Учитывая существование на месте Тиры средневекового города — сначала славянского Белгорода, затем молдавского Четета-Албы, необходимо привлечь к исследованию Тиры славяноведов, а также специалистов по ранней молдавской культуре.

В области славянской археологии: осуществить в широком плане исследование памятников зарубинецкого типа, обратить особое внимание на выяснение взаимоотношения этих памятников и памятников черняховского типа; продолжить углубленное изучение памятников черняховской культуры; уделить особое внимание исследованию памятников второй половины I тысячелетия н. э. типа Волынцева, Луки-Райковецкой, Пастырского городища, памятников Надпорожья, Поднестровья и Волыни.

Войти в Президиум АН СССР и Президиум АН УССР с ходатайством о проведении в 1956 г. конференции ИИМК АН СССР, Института археологии АН УССР и Института истории АН БССР по вопросам истории восточных славян в I тысячелетии н. э.

Для эпохи Киевской Руси шире развернуть изучение остатков древнерусских городов, обратив особое внимание на вопросы их происхождения.

Равным образом осуществить систематические раскопки сельских поселений Киевской Руси, учитывая, что в этой области археологические исследования почти не производились.

Особое внимание уделить изучению курганных некрополей этого времени, учитывая их интенсивное разрушение, в частности курганных могильников Чернигова и его окрестностей.

Конференция обращает внимание Института археологии на необходимость ускорить публикацию материалов экспедиционных исследований.

Конференция считает плодотворными результаты совместной работы археологов Украины и братских республик, в особенности Москвы и Ленинграда, в деле изучения памятников территории Украинской ССР и считает необходимым дальнейшее ее усиление и укрепление.

СОДЕРЖАНИЕ

VII научная конференция Института археологии	3
--	---

Секция славянской археологии

М. К. Каргер, Раскопки в г. Переяславе-Хмельницком	6
В. А. Богусевич, Раскопки в Чернигове	9
В. И. Довженок, Селища и городища в окрестностях древнего Галича	12
Р. А. Юра, Исследования Колодяжинского городища	14
М. П. Кучера, Раскопки городища Плеснесь	16
В. Р. Тарасенко, Раскопки на Минском замчище	18
П. А. Раппопорт, Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X—XIII вв.	21
Д. И. Блифельд, Раскопки курганов в Чернигове	23
А. А. Ратич, Древнерусский могильник в с. Копачинцы, Станиславской области.	25
В. Н. Даниленко, Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне	
А. Т. Брайчевская, Изучение славянских памятников Надпорожья	27
Л. В. Бенмарн, О работе Инкерманской экспедиции	30
Л. М. Славин, Раскопки поселений первых веков нашей эры на Иргульце в 1952 г.	32
В. К. Гончаров, Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого	35
Е. В. Махно, Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. .	37
Э. А. Сымонович, Памятники черняховской культуры на нижнем Днепре . .	40
М. А. Тиханова, Поселение культуры полей погребений в Луке-Бровлевецкой, Хмельницкой области	43
В. П. Петров, Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах	45
Ю. В. Кухаренко, О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР.	47
П. Н. Третьяков, Раннеславянские поселения и могильники на территории	
Белоруссии	48
Ф. Б. Колылов, Археологическое изучение остатков Запорожских Сечей . .	49
Г. Н. Логгин, Архитектурно-археологические исследования в Чигирине и Субботове	52
	54

Секция скифо-античной археологии

Т. Н. Книпович, Л. М. Славин, Основные результаты раскопок Ольвии в 1952 и 1953 гг. и задачи ее исследования в ближайшие годы	55
Е. И. Леви, Ольвийская агора	58
А. Н. Карасев, Культовые сооружения в северной части Ольвийской агоры . .	60
Ф. М. Штительман, Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии.	62
А. И. Фурманская, Е. В. Максимов, Раскопки в Белгороде-Днестровском	64
Л. Д. Дмитров, Раскопки Любимовского городища	67
А. В. Добровольский, Золотобалковское поселение	70
М. И. Вязьминина, Раскопки сарматских могильников на юге УССР . .	72
А. И. Тереножкин, Об этнической принадлежности племен скифского времени в правобережной Лесостепи	75
Н. Н. Погребова, Работы Скифской степной экспедиции на нижнем Днепре.	78
Д. Т. Березовец, Раскопки курганов у с. Кут, Днепропетровской области .	81
М. И. Артамонов, Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции	84
Е. Ф. Покровская, Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области	88
А. И. Мелюкова, Раскопки памятников скифского времени в Молдавии . .	91
В. И. Канивец, Вопросы хронологии высокой культуры	94
П. Н. Шульц, Работы Северо-Крымской экспедиции	97

А. Н. Москаленко, Памятники скифского времени на среднем Дону	99
Б. А. Шрамко, Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской области	101
Г. Т. Титенко, Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы	104
В. А. Ильинская, О происхождении культур раннеклассового века в лесостепном Левобережье	106
 Секция археологии первобытного общества	
А. В. Бураков, Раскопки в с. Змеевка, Херсонской области	109
С. С. Березанская, Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме	111
Ю. Н. Захарук, Поселение энеолитического времени в с. Зимно, Волынской области	114
И. К. Свешников, Исследования в с. Звенигород, Львовской области	116
Е. Ф. Лагодовская, Михайловское поселение и его историческое значение	119
М. Л. Макаревич, Раскопки первого Михайловского поселения	122
О. Г. Шапошникова, Раскопки второго Михайловского поселения	124
В. Н. Даниленко, О ранних звенях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики	126
Ю. Г. Колосов, Археологические разведки в степной части Крыма	129
Т. С. Пассек, Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг.	131
В. П. Кравец, Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье	133
Е. К. Черныш, Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Черновицкой области	136
С. Н. Бибиков, Исследование трипольских памятников на Среднем Поднестровье	138
А. Л. Есипенко, Памятники ранней поры триполья у поселка Кирилловка, Одесской области	140
Е. К. Черныш, Раскопки в с. Незвиско, Станиславской области	142
Д. Я. Телегин, Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на р. Сейме	145
М. Я. Рудинский, Вовнигские поздненеолитические могильники. (К вопросу об оформлении могильников Мариупольского типа)	147
И. Г. Шовкопляс, Раскопки позднепалеолитической стоянки на р. Супое	152
А. К. Кацандадзе и Д. М. Тушабамишили, Новые раскопки в пещере Гвардженлас-клиде	155
П. И. Борисовский, Раскопки в Костенках и некоторые вопросы позднего палеолита Украины	157
А. П. Черныш, Исследования позднепалеолитических стоянок Среднего Поднестровья	159
К. М. Поликарпович, Новая находка мустерьерской культуры на территории Белоруссии	161
И. Г. Пидопличко, Итоги изучения фауны палеолита в последние годы	163
Постановление конференции о задачах археологического изучения территории УССР	165

Редактор издательства *И. А. Сергеева*

Техредактор *Е. К. Сиваченко*

Корректор *Т. И. Титкова*

БФ 01439. Зак. № 1974. Изд. № 111. Тираж 1000. Формат бумаги 70×103/4. Печатных листов 14,4.
Бумажных листов 5,25. Учет. изд. листов 10,929. Подписано к печати 1/II 1955 г.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Чудновского, 2.